ПОЛИТИЯ

Анализ · Хроника · Прогноз

ПОЛІТЕІА

№ 2 (77)

Москва
2015

«ПОЛИТИЯ»
Журнал политической философии и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

“POLITEIA”
Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics

Учредители: АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»; Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционный совет: Председатель Совета С.И.Каспэ
Заместители председателя Совета:
А.А.Галкин, А.И.Музыкантский
Главный редактор Л.Е.Бляхер

Члены Совета:
Т.А.Алексеева, Ф.Т.Алескеров, И.М.Бунин, Л.А.Галкина (зам. главного редактора), С.Гельбах (Scott Gehlbach), И.И.Глебова, Дж.Данн (John Dunn), А.А.Дегтярев, А.Б.Зубов, М.В.Ильин, С.А.Караганов, В.А.Колосов, Т.Дж.Колтон (Timothy J. Colton), Ю.Г.Коргунюк, А.И.Кузнецов, Б.И.Макаренко, А.Ю.Мельвиль, С.В.Михайлов (зам. главного редактора), Д.Мюллер (Dennis C. Mueller), В.А.Никонов, Х.Нурми (Hannu Nurmi), Б.С.Орлов, Ю.С.Пивоваров, У.М.Райзингер (William M. Reisinger), Г.А.Сатаров, Л.-Г.Тайван (Leons Gabriels Taivāns), Д.Трейсман (Daniel Treisman), М.Ю.Урнов, С.М.Хенкин

Адрес редакции:
117997, Москва,
Нахимовский
проспект,
д. 51/21,
ИНИОН РАН,
к. 302

Телефоны:
(499) 713-02-64
8-901-183-02-64

Электронная почта:
politeia@politeia.ru

Ответственный редактор номера Л.А.Галкина

Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции не допускается.

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2015
Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции

Содержание

Материалы номера 5

Российская полития

Л.В.Поляков
Электоральный авторитаризм и российский случай 6

Российские регионы

Ю.О.Гайворонский
Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения 21

М.С.Турченко
Факторы фрагментации партийных систем российских регионов (2003–2013) 38

Политические теории

С.И.Каспэ
Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) 54

К.О.Телин
Деноминация класса 66

Антитеза

Ю.В.Руднев
Никколо Макиавелли и «тайное» знание эпохи Возрождения (Как государь может «уподобиться» льву и лисе?) 80

Политические культуры

Г.И.Мусихин
«Блеск и нищета» политических ритуалов 98

Политические партии

А.В.Кынев
Внутрипартийная демократия и вмешательство государства в партийную деятельность (Российский случай) 110

Ю.А.Кабанов
Пиратские партии: мировые тенденции развития 128

Рукописи не горят

Н.С.Розов
Методология исследования и онтология исторической динамики кризисов и трансформаций 143

Губернаторские чтения

Экономика государства, экономика региона, экономика предприятия: проблемы системной устойчивости (Двадцатые Губернаторские чтения. Тюмень, 11 февраля 2015 г.) 169

Приложение

Наши авторы 188
Our authors 189
Abstracts 190
X Конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина 195
Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» 196
Table of Contents 198

Статья **Л.В.Полякова** посвящена тестированию гипотезы, согласно которой постсоветскую Россию следует рассматривать в качестве «критического случая» электорального авторитаризма, проливающего свет на истоки силы и слабости этой модели в сравнительной перспективе.

В статье **Ю.О.Гайворонского** предпринята попытка сконструировать операциональную модель региональных политических режимов на основе синтеза ряда новых подходов в сравнительной политологии и политической регионалистике.

По заключению **М.С.Турченко**, несмотря на наличие в первой половине 2000-х годов условий для складывания в РФ региональных партийных систем, решающую роль в их формировании играла исполнительная власть, препятствовавшая появлению партий, способных конкурировать с «Единой Россией».

Отвечая на критические замечания и предложения, высказанные М.В.Ильиным в рамках ведущейся на страницах «Политии» полемики о понятии политической формы, **С.И.Каспэ** протестует против расширительной трактовки этого концепта, настаивая на ограничении его пространственными, в первую очередь центр-периферийными коннотациями.

В статье **К.О.Телина** рассматриваются возможности использования понятия «класс» в современных политических исследованиях, а также потенциально связанные с этим теоретико-методологические затруднения.

Анализируя некоторые концепты языка «Государя», отсылающие к традициям гуморальной медицины, астрологии, симпатической магии и алхимии, **Ю.В.Руднев** приводит аргументы в пользу того, что, говоря об уподоблении лисе и льву, Н.Макиавелли имел в виду не просто подражание их качествам, но определенную «тайную науку» или же «технику себя», как ее понимал М.Фуко.

Проведенное **Г.И.Мусихиным** исследование показывает, что, хотя непосредственное побуждающее воздействие ритуалов есть не более чем «договорная иллюзия» символического воздействия, значение ритуалов для современных сообществ не стоит недооценивать, ибо благодаря своему комплексному характеру они выполняют функцию стабилизации социального порядка.

На основе анализа широкого круга вопросов, связанных с внутренним устройством российских партий и их электоральной активностью, **А.В.Кынев** приходит к выводу, что из принятых в современных демократических странах механизмов, направленных на развитие внутрипартийной демократии, в России фактически используются только вариации на тему праймериз.

Согласно прогнозу **Ю.А.Кабанова**, трансформации пиратского движения продолжатся и станут определяющими для его будущего развития. Не последнюю роль в этом сыграет окончательный выбор пиратов: оставаться ли на радикальных, антиэлитистских позициях или двигаться в сторону медианного избирателя и общей политики.

В статье **Н.С.Розова** развернут ряд методологических и онтологических идей, направленных на интеграцию разделенных до сих пор подходов в социальном познании.

В 2010 г. наш журнал совместно с администрацией Тюменской области приступил к реализации проекта «Губернаторские чтения». В этом номере мы знакомим читателей с отчетом о **Двадцатых чтениях**, посвященных проблемам устойчивости российской экономики на макро-, мезо- и микроуровне.

Л.В.Поляков

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АВТОРИТАРИЗМ И РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

Ключевые слова: демократия, авторитаризм, электоральный авторитаризм, критический случай, Россия

Изучение процессов социально-экономической и политической трансформации на постсоветском пространстве — самая молодая отрасль современного социального знания. Ей всего 20 лет, и она, естественно, находится в эмпирической фазе, когда идет наблюдение и сбор фактов, позволяющих строить более или менее валидные теории.

Вместе с тем очевидно, что даже в этой эмпирической фазе используются некоторые a priori — концептуальные схемы, дающие возможность определенным образом упорядочивать, классифицировать и типологизировать получаемый фактический материал. К числу таких концептуальных схем можно отнести, например, «волны демократизации» Сэмюэля Хантингтона, составляющие исходную аксиому «транзитологии», а также гипотезы «конца истории» (Фрэнсис Фукуяма) и «четвертого мира» (Жан Бодрийяр).

Характерно, что поиск некоей универсальной схемы, на основе которой можно было бы выстроить унифицированные объяснительные процедуры для всего постсоветского пространства, регулярно наталкивается на российский случай как слабо концептуализируемое исключение. Траектория эволюции России после распада СССР описывается то как переход от авторитаризма к демократии, то, наоборот, как переход от демократии к авторитаризму. А то и вовсе как очередной цикл «русской судьбы» — неудачной модернизации (Александр Янов), в котором вновь и вновь повторяются фазы «реформа — торможение — контрреформа»[1].

Похоже, эту «особость» России склонны признавать даже те исследователи, которые не испытывают затруднений при вписывании страны в общие классификационные схемы. Так, Владимир Гельман, разделяющий взгляд на российский политический режим как подпадающий под категорию «электоральный авторитаризм», вместе с тем находит возможным рассматривать постсоветскую Россию «в качестве „критического случая“, проливающего свет на истоки силы и слабости электорального авторитаризма в сравнительной перспективе»[2].

В связи с этим возникает несколько важных методологических вопросов. Во-первых, по какой причине именно *российский* случай электорального авторитаризма может быть взят в качестве «критического» для объяснения того, «почему электоральный авторитаризм где-то укореняется на десятилетия (примеров тому немало — от Мексики

[1] Отдельного внимания заслуживает аранжировка этой идеи Владимиром Пантиным, который связал либеральный и антилиберальный тренды в российской истории с повышательными и понижательными волнами так называемых «циклов Кондратьева» (см. Пантин [Pantin] 2011: 22—32).

[2] Гельман [Gel'man] 2012: 67. В дальнейшем все ссылки на эту работу даются непосредственно в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

до Египта), а где-то оказывается лишь временным и преходящим явлением (как в Сербии), либо же одни электоральные авторитарные режимы сменяются другими (как в некоторых постсоветских странах)» (с. 66—67)? Этот вопрос возникает прежде всего потому, что, говоря о России как о «критическом случае», Гельман ссылается на концепцию «case study» Гарри Экстайна, в которой «crucial case» выполняет функцию решающего «тестера» для данной теории. Как подчеркивал сам Экстайн, «критическим» может считаться лишь тот случай, «который максимально соответствует теории, в валидности которой нам нужно убедиться, и, наоборот, совершенно не подходит под любое правило, противоположное предложенному»[3].

[3] Eckstein 1975: 118.

Во-вторых, если Россия не подпадает под категорию «электоральный авторитаризм», то означает ли это, что сама теория теряет свою валидность?

[4] Хотя при строгом следовании подходу Экстайна невозможность охарактеризовать российский «случай» как электоральный авторитаризм означала бы опровержение самой этой концепции.

И, в-третьих, если действительно российский случай не является разновидностью электорального авторитаризма, то можно ли его классифицировать в той же парадигме, но уже как электоральную демократию? Или для адекватного понимания социально-экономической и политической трансформации постсоветской России нужна теория, выходящая за рамки жесткой альтернативы «демократия/авторитаризм»?

Из трех этих вопросов здесь будут рассмотрены первый и последний, ибо оценка всей концепции электорального авторитаризма — значительно более общая задача, для решения которой требуется колоссальный сравнительный материал[4]. Преимущественная же цель данного текста — критически проанализировать гипотезу Гельмана, а следовательно, целесообразно сосредоточиться именно и только на российском случае.

[5] При этом стоит указать на преемственную связь соответствующего концепта с термином «демократура»,

:

Поскольку концепция электорального авторитаризма принята Гельманом как универсальная схема описания *всего* постсоветского процесса в России, есть смысл хотя бы вкратце воспроизвести историю ее возникновения и причины, по которым она была введена в научный оборот. Еще в начале прошлого десятилетия автор этой концепции Андреас Шедлер[5] обнаружил неразрешимую (как казалось) дихотомию двух подходов к проблеме соотношения демократии и авторитаризма в рамках «парадигмы транзита». Одни исследователи утверждали, что демократия имеет свои градации и тот или иной политический режим может быть демократичным «более или менее». Другие настаивали на том, что между демократией и авторитаризмом нет и не может быть никаких переходных стадий, поэтому авторитаризм всегда и везде есть однозначно *не*демократический режим[6].

которым в середине 1990-х годов пользовался Филипп Шмиттер для описания режимов, осуществляющих демократизацию без либерализации (проведение выборов при гарантированной победе правящей партии).

[6] Schedler 2002: 37.

Этот спор сторонников количественного и качественного подходов к соотношению демократического и авторитарного политических режимов был бы тупиковым, если бы не возможность найти четкие и ясные разграничители в самой зоне, отделяющей авторитаризм от

демократии, которую Шедлер назвал «туманной». Его подход состоял в том, чтобы между полюсами континуума, обозначаемыми как либеральная демократия и закрытый авторитаризм, ввести две промежуточные, опосредующие стадии, а именно электоральную демократию и электоральный авторитаризм, которые отличаются друг от друга тем, что в первом случае выборы соответствуют формуле «free and fair», а во втором — нет. В свою очередь, электоральная демократия не дотягивает до демократии либеральной в том смысле, что в ней «не институционализированы такие жизненно важные измерения демократического конституционализма, как верховенство права, ответственная политическая подотчетность, неподкупность бюрократии и общественное обсуждение политических решений»[7].

[7] *Ibidem.*

Таким образом, Шедлер вводит в свою «туманную зону» довольно четкую, на первый взгляд, демаркационную линию, разделяющую демократию (электоральную) и авторитаризм (электоральный). Это «магическая формула» — free and fair election. Однако, на взгляд второй, подобная демаркационная линия сама по себе оказывается не менее проблематичной.

Дело в том, что никакой объективной, строго научной и однозначно применяемой методики определения того, являются ли данные выборы в данной стране подлинно «свободными и честными», нет[8]. К тому же такой вердикт всегда в той или иной степени политически мотивирован, поскольку отношение к любому режиму и действующей в нем оппозиции обязательно включено в контекст наличных геополитических противостояний.

[8] *О проблемах, связанных с эмпирической верификацией этой формулы, см., в частности, Diamond 2002.*

Кроме того, существует множество специфических местных норм, правил организации и проведения избирательных кампаний и самих выборов, которые при взаимном сравнении вызывают взаимные же подозрения в «несвободе и нечестности». Так, с последовательно демократической точки зрения тот факт, что президентские выборы в США в 2000 г. выиграл Джордж Буш-младший, представляет собой вопиющий пример «нечестности». Ведь Альберт Гор набрал больше голосов американских избирателей! И в целом судьба выборов решилась в Верховном суде штата Флорида, где спор о том, засчитывать или нет так называемые «беременные бюллетени» и нужно ли проводить ручной пересчет бюллетеней в нескольких избирательных округах, завершился в пользу Буша лишь потому, что в этом штате губернаторствовал его брат. А двое из трех судей были республиканцами.

Никому в голову не придет считать непрямые выборы президента в тех же США элементом авторитарного режима. Но как только в России был введен порядок de facto двухступенчатых выборов глав исполнительной власти субъектов Федерации, немедленно последовал «приговор» практических всех американских (и вообще западных) политологов и политиков: это авторитаризм.

В США агитационная кампания продолжается в день голосования вплоть до закрытия избирательных участков. С точки зрения

российского законодательства, это грубейшее посягательство на свободу выбора граждан. В России (как и в огромном большинстве государств) специально устанавливается «день тишины», а любая агитация в день выборов запрещена законом. Значит ли это, что выборы в США должны считаться несвободными?

На эту слабость, казалось бы, вполне определенной и достаточно аргументированной концепции Шедлера в свое время указал Ричард Снайдер, предложивший не концентрироваться на процедуре выборов как ключевом маркере дихотомии «демократия/авторитаризм». Его основная идея заключалась в том, чтобы, преодолев эту узкую фокусировку, связать политические последствия результатов выборов в странах с предположительно авторитарным режимом с тем набором факторов, которые он обозначил как «экстраэлекторальные».

Эти факторы Снайдер представил в виде четырех ключевых вопросов:

«1) *Кто правит* (партийная элита, персональный лидер, военные или религиозная иерархия)?

2) *Как именно правители правят* (посредством патрон-клиентских сетей, этнических уз или массовой партии)?

3) *Что движет правителями* (алчность, этническая вражда, приверженность религии или идеологии)?

4) *Насколько правящие действительно правят* (действительно ли правитель является таковым, и если да, то до какой степени, то есть имеется ли в наличии „государственность“)?»[9]

[9] *Snyder 2006: 220.*

Какое значение имеет отказ от фокусировки на выборах при решении вопроса о степени «свободы» в стране, показывает курьезный случай присвоения экспертами *Freedom House* статуса «частично свободной страны» Сьерра-Леоне в 2001 г. Международные наблюдатели оценили прошедшие в республике выборы как «свободные и честные» — при том, что гражданская война фактически уничтожила там всякую государственность[10].

[10] *Ibid.: 224.*

NB! Подобные курьезы были бы невозможны, если бы составители рейтинга учитывали, что «отсутствие организации со свойствами современного государства (как в Сомали в 1992—1994 гг.) исключает возможность демократического управления всей территорией страны, хотя при этом могут существовать зоны сегментированной политической власти»[11]. К курьезам того же типа можно отнести «выборы» президента и Верховной рады Украины 25 мая и 16 октября 2014 г., проведенные после государственного переворота в обстановке гражданской войны и физического террора против оппозиции. Однако в силу геополитических причин эти выборы признало легитимными даже российское руководство[12].

[11] *См. Линц, Степан [Linz, Stepan] 1997: 11.*

[12] *Плодотворную разработку этой проблематики см. Мельвиль, Стукал, Миронюк [Mel'vil', Stukal, Mironjuk] 2012.*

Необходимо обратить внимание и на содержание поставленных Снайдером вопросов. В каждый из них (точнее, в первые три) включен

закрытый перечень акторов, методов и мотиваций, присущих авторитарному режиму как таковому. Это значит, что, называя данный режим в данной стране авторитарным, мы должны рассматривать электоральный процесс не в качестве определяющего, а в качестве дополняющего признака. Прежде чем квалифицировать электоральные процедуры как декоративный элемент режима, призванный замаскировать его авторитарное «нутро», нужно идентифицировать присущую авторитарному правлению цепочку «актор — метод — мотивация».

Иными словами, принципиально важно установить необратимую последовательность: сначала мы по определенным критериям фиксируем наличие авторитарного режима в данное время в данной стране, а затем включаем в его параметры то обстоятельство, что он использует избирательные процедуры. Не характер выборов придает режиму качество авторитарности, а, наоборот, его авторитарность придает институту выборов совершенно особый, никогда и нигде не встречающийся в демократиях характер.

На первый взгляд, это может показаться трюизмом или даже малозначимой терминологической схоластикой. Но в действительности проблема-то и состоит, с одной стороны, в микроаналитике ключевых понятий, а с другой, в их адекватности определенному политически содержательному контексту. И даже если, как отмечает Гельман, «с начала 2010-х годов никто из *серьезных специалистов* (курсив мой — *Л.П.*), говоря о положении дел в России, уже не использует термин „демократия“» (с. 65), вопрос о том, применим ли к России термин «авторитаризм» вообще и «электоральный авторитаризм» в частности, все равно нуждается в изучении.

NB! Вряд ли у кого-нибудь могут возникнуть сомнения в «серьезности» экспертов, участвовавших в подготовке *Democracy Index 2012* для *Economist Intelligence Unit*. Однако загадочным образом получилось, что Россия, именно в 2012 г. снизившая барьер регистрации политических партий с 45 тыс. до 500 членов и вернувшая прямые выборы губернаторов, переместилась в нем из разряда «гибридных» режимов в разряд «авторитарных», то есть оказалась в одной компании с КНДР.

В реконструкции Гельмана история электорального авторитаризма в России выглядит так. Сначала, еще в позднесоветский период (в 1989—1991 гг.), у нас сформировался режим электоральной демократии, благодаря которому сам институт выборов закрепился как неустранимый и единственно обеспечивающий легитимность любых претензий на власть. Собственно переход к электоральному авторитаризму исследователь привязывает к тому, что он называет «конфликтом между президентом и парламентом» (с. 73), который строился как игра с нулевой суммой[13].

[13] *Вопрос о том, насколько корректно отождествлять Съезд народных депутатов РФ с «парламентом», автором не обсуждается как, по-видимому,*

: , ?

не влияющий на оценку того типа режима, который утвердился в России после декабря 1993 г.

Соответственно, парламентские выборы 12 декабря 1993 г. и референдум по новой Конституции автоматически оказываются лишь ширмой, призванной скрыть авторитарную сущность нового режима. Следующий пункт российского авторитарного транзита — президентские выборы 1996 г., которые «все-таки состоялись, хотя об их справедливости не было и речи» (с. 74)[14].

Поворотным моментом в этой истории, утверждает Гельман, является так называемая «война за ельцинское наследство» перед думскими выборами 1999 г., которая привела к победе Владимира Путина на президентских выборах в марте 2000 г. Опять же это игра с нулевой суммой, поскольку, хотя конфликт ОВР с «Единством» и «имел электоральное измерение», «на практике он был разрешен не на поле борьбы за голоса избирателей» (с. 75).

Триумфом электорального авторитаризма исследователь считает думские выборы 2007 г., на которых «Единая Россия» получила конституционное большинство в 315 мандатов. А «критическим моментом» или даже поражением электорального авторитаризма становятся выборы 2011 г.

Итожит эту историю такое авторское резюме: «Было ли это поражение электорального авторитаризма запрограммировано логикой эволюции режима, или же оно стало результатом действий ключевых политических акторов? Ответ... как минимум не очевиден» (с. 77). И эта неочевидность заставляет задать очевидный вопрос: если логика теории не объясняет конкретную политическую практику, то, быть может, что-то не так с исходной теорией? Возможно, «российский случай» как раз и не является для нее «критическим» в строгом смысле этого термина, и попытка редуцировать всю российскую специфику до практически не значимой в угоду теоретической схеме — это volens nolens лишь инструмент в борьбе за дискурсивное господство?[15]

NB! Стремление записать собственно содержательную часть политической эволюции России в разряд «случайностей» особенно наглядно выражено в таком тезисе автора: «Но даже если обстоятельства появления на свет российского электорального авторитаризма были во многом случайными, связанными с особенностями текущей политической конъюнктуры, то сама по себе логика становления этого режима оказалась закономерным следствием неудачи демократизации начала 1990-х годов» (с. 74).

Понятно, что последний вопрос — лишь полемическое преувеличение, призванное, однако, обратить внимание на наличие в предлагаемой Гельманом интерпретации российского политического режима ряда оставленных за скобками методологических затруднений. И первое из них заключается в том, что российский случай электорального авторитаризма, представляемый исследователем как максимально релевантный избранной теоретической схеме (в этом смысл его «критич-

[14] Поскольку автор не поясняет, какой смысл он вкладывает в данном случае в понятие «справедливость», остается предположить, что он считает подлинным победителем тех выборов Геннадия Зюганова.

[15] Ср.: «Подавляющая часть политических знаний представляет собой внутригрупповые знания, которые для оппозиционных групп могут иметь статус „чисто политического мнения“» (Дейк [Dijk] 2013: 209).

ности»), по сути, выводит Россию за пределы парадигмы «демократического транзита».

В рамках этой парадигмы мы должны наблюдать эволюцию *изначально* авторитарного режима в направлении финальной точки — либеральной демократии — через промежуточные «станции» в виде электорального авторитаризма и электоральной демократии. Но у Гельмана получается, что Россия начала сразу с электоральной демократии, а затем, после событий 3—4 октября 1993 г., впала в электоральный авторитаризм. То есть вместо того, что подразумевает классическая теория *демократического* транзита, мы имеем в России не что иное, как *авторитарный* транзит.

В связи с этим стоит отметить одно немаловажное обстоятельство, заставляющее опять вернуться к вопросу о борьбе за дискурсивное господство. Российский политический процесс в версии Гельмана довольно серьезно расходится с тем, каким он видится нашей интеллектуальной элите («интеллигенции»?) либерального толка, для которой ельцинские «девяностые» — это максимум демократии, последовательно убывавшей с первого президентства Путина. Еще более любопытно, что тезис о, по сути, авторитарной природе ельцинского президентства вполне органично вошел во властный дискурс в середине «нулевых» — с акцентом как раз на «странные» президентские выборы 1996 г.

Разумеется, истинность научной теории не может быть «скомпрометирована» тем, что ее идеологический интерфейс в той или иной части совпадает с властным, провластным или оппозиционным дискурсом. Но и представлять себе дело так, что та или иная *политическая* теория есть *чистая* наука, никоим образом не включенная в окружающий (причем не только местный) политико-идеологической контекст, было бы наивным возвращением во времена, еще не знакомые с мангеймовской социологией знания[16].

[16] Спустя почти 100 лет по-прежнему релевантной остается постановка этой проблемы Карлом Мангеймом в третьей главе «Идеологии и утопии» с характерным названием «Может ли политика быть наукой?» (см. Мангейм [Mannheim] 1991: 95—102).

Второе затруднение методологического порядка связано как раз с интерпретацией ельцинского президентства 1993—1999 гг. как электорального авторитаризма. Гельман приводит три институциональных и три операциональных условия поддержания режима данного типа. К институциональным условиям он относит «суперпрезиденциализм», «субнациональный авторитаризм» и «доминирующую партию» (с. 69), а к операциональным, по Адаму Пшеворскому, — «ложь», «страх», «экономическое процветание» (с. 71). Оба типа условий вроде бы идеально укладываются в схему, если речь идет о периоде 2000—2012 гг. (вероятно, за вычетом медведевского президентства), но их экстраполяция на 1990-е годы оказывается как минимум проблематичной.

Возьмем, казалось бы, наименее проблемный пункт — суперпрезиденциализм. Даже оставляя за скобками всю историю конституционного процесса, начиная с первого проекта новой российской Конституции, принятого на IV Съезде народных депутатов РФ в апреле 1992 г., в котором предусматривалась разновидность смешанной республики, нельзя не обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, этот суперпрезиденциализм был изобретением не лично Бориса Ельцина, а целой команды юристов-государствоведов, либерально-демократические убеждения которых никто никогда под сомнение не ставил. Во-вторых, новая Конституция была поддержана так называемым «всенародным голосованием» и одобрена большинством от принявших участие в выборах в собственно парламент 12 декабря 1993 г. И, наконец, в-третьих (по порядку, но не по значимости), окончательная редакция Конституции в части полномочий президента и его отношений с правительством и Государственной Думой возникла как прямая реакция на локальную (московскую) гражданскую войну 21 сентября — 4 октября 1993 г. Таким образом, можно утверждать, что суперпрезиденциализм в России появился как продукт консенсуса либерально-реформаторской элиты и демократического электорального большинства и профилактическая мера против рецидива гражданской войны.

По поводу субнационального авторитаризма в середине 1990-х годов можно сказать лишь одно: его возникновение (если он действительно возник) странным образом совпало с переходом от назначения губернаторов к их прямым выборам в субъектах Федерации, что, вообще-то, должно было бы свидетельствовать о наличии в регионах электоральной *демократии*.

О доминирующей партии в ельцинские времена оставалось только мечтать. Показательно в этом плане фиаско проекта создания на думских выборах 1995 г. управляемого право-левого центра в виде партий Виктора Черномырдина и Ивана Рыбкина.

Что касается операциональных условий поддержания ельцинского «электорального авторитаризма», то здесь дело обстоит еще хуже. Ни один из «факторов Пшеворского» в 1990-е годы в России не работал и работать не мог. Об *экономическом процветании* можно говорить только в отношении крайне узкой группы бенефициаров приватизации и залоговых аукционов. О *страхе* — только в том смысле, что население боялось террористов и криминала. Страха, связанного с деятельностью государственного репрессивного аппарата, не могло быть по определению — за его (аппарата) фактическим отсутствием. О *лжи* как целенаправленной пропаганде — при наличии двух конкурировавших телеканалов «Останкино» (Борис Березовский) и НТВ (Владимир Гусинский), а также постоянно претендовавшего на независимость государственного телеканала «Россия» — тем более говорить не приходится.

Так что же поддерживало в период с 1993 по 1999 г. тот политический режим, который Гельман квалифицирует как электоральный авторитаризм? Остается лишь суперпрезиденциализм, который, подобно барону Мюнхгаузену, сам себя за волосы вытаскивал из российского «болота», то есть среды, в которой не было ни институциональных, ни операциональных предпосылок для его существования. Но коль скоро мы вынуждены признать, что российский режим авторитарен (если авторитарен!) не в силу того, что определенным образом использует

электоральные процедуры, а по причине конституционного дизайна, то не должны ли мы ввести в типологию авторитаризмов такую его разновидность, как «конституционный авторитаризм»?[17]

[17] Такая возможность рассматривалась мною в одной из более ранних статей (см. Поляков [Polyakov] 2013: 178 и дал.).

Поскольку в период 1993—1999 гг. убедительных подтверждений того, что в России сложился электоральный авторитаризм, найти не удается, точку его зарождения, по-видимому, нужно искать начиная с 2000 г. Однако все шаги по построению так называемой «вертикали власти», которые обычно интерпретируются как признаки авторитаризма, осуществлялись Путиным исключительно в рамках конституционного пространства. При создании федеральных округов, Государственного совета, Общественной палаты, назначении полпредов, введении особого порядка наделения властными полномочиями глав исполнительной власти субъектов Федерации, изменении партийно-избирательной системы и т.д. не нарушался ни Основной закон, ни действовавшее законодательство.

Более того, цикл выборов 2003—2004 гг., как и предыдущий, прошел без каких-либо эксцессов (не считая авантюры Березовского с Рыбкиным в качестве соискателя президентства). Результат «Единой России» по партспискам на думских выборах (37%) строго соответствовал совокупной доле голосов, набранных в 1999 г. «Единством» и ОВР. Результат Путина в 71,31% не удивителен при тогдашнем уровне его популярности и отказе от участия в выборах Зюганова и Владимира Жириновского.

Думские выборы 2007 г. приносят 315 мандатов «Единой России», возглавляемой сверхпопулярным Путиным. А сразу вслед за этим парламентским триумфом он отказывается от предложения изменить Конституцию и пойти на третий президентский срок подряд. В итоге опять же в соответствии с законом и по строго демократической процедуре происходит то, что в обычных авторитарных режимах чревато кризисом и коллапсом, — трансфер высшей власти. Президентом избирается Дмитрий Медведев.

И именно завершение медведевского президентства по какой-то загадочной случайности/закономерности приводит «электоральный авторитаризм» к тому, что Гельман характеризует как «тенденцию к упадку» и даже как «поражение». Повторю уже цитировавшийся ранее вопрос с тем, чтобы придать новый поворот рассматриваемой теме: «Было ли это поражение электорального авторитаризма запрограммировано логикой эволюции режима, или же оно стало результатом действий ключевых политических акторов?» (с. 77).

2011—2012 .

Впервые цитируя этот вопрос, я, со своей стороны, задавался вопросом о том, какова объяснительная сила теории, неспособной атрибутировать «поражение» исследуемого феномена. Сейчас меня будет интересовать не менее фундаментальный вопрос: а можно ли считать «поражением» тот факт, что при пропорциональной системе выборов

в Госдуму «Единая Россия» получила простое большинство? Более того: в каком смысле можно говорить о «поражении», если Путин вернул себе президентство, победив уже в первом туре с результатом 63,6%?

Поиск ответа существенно облегчает сам автор данного утверждения, когда, во-первых, признает, что власти, «хотя и не без труда, по итогам президентских выборов марта 2012 г. смогли удержать свое господство», а во-вторых, называет весь этот электоральный цикл «относительным поражением» (с. 78). Но даже и в этом смягченном варианте тезисы о сохранении господства и об относительном поражении плохо сочетаются между собой.

По всей вероятности, поражение власти по итогам цикла 2011—2012 гг. Гельман видит в том, что с декабря 2011 по май 2012 г. прошли (главным образом в Москве) многотысячные митинги радикальной внепарламентской оппозиции, которых не было ни в 1999—2000, ни в 2003—2004, ни в 2007—2008 гг. Относительность же такого поражения, наверное, заключается в том, что власть не была свергнута, как это случилось в результате «stunning elections» в 2000 г. в Белграде, в 2003 г. — в Тбилиси, в 2004 г. — в Киеве («третий тур» президентских выборов), в 2005 г. — в Бишкеке.

Судя по всему, автор имеет в виду и этот момент, но все же главным аргументом в пользу тезиса о «поражении» для него служит тот факт, что правящая партия, «вопреки всем усилиям со стороны режима, не смогла набрать 50% голосов» (с. 77). Аргумент представляется действительно убедительным, если позабыть об одном важном обстоятельстве. (Если о нем не забывать, то результат «Единой России» в 49,31% может быть истолкован отнюдь не как поражение.)

Да, на фоне 315 думских мандатов, полученных «партией власти» в 2007 г., нынешние 238 смотрятся весьма скромно. Но ведь в 2007 г. «Единую Россию» возглавлял президент Путин, индекс одобрения деятельности которого, согласно замерам Левада-Центра, достигал накануне декабрьских выборов 84%! А в декабре 2011 г. на думские выборы «Единую Россию» вел президент Медведев, перед этим отказавшийся баллотироваться на второй срок. По данным того же Левада-Центра, индекс его одобрения на тот момент составлял 57% — цифра, о которой многие западные политики могут только мечтать, но недостаточно убедительная по российским меркам.

Такая заметная разница личных рейтингов лидера партии во многом и обусловила падение результата «Единой России» на 15%[18]. А это свидетельствует в пользу того, что термин «конституционный авторитаризм» действительно может рассматриваться как продуктивная альтернатива «электоральному авторитаризму» для российского случая. Ведь если рейтинг лидера, наделенного обширными конституционными полномочиями, имеет столь существенные электоральные последствия, то в том или ином результате выборов нужно прослеживать не расцвет и упадок гипотетического электорального авторитаризма, а флуктуацию настроений электората, который до определенного момента

[18] При комплексном анализе цикла 2011—2012 гг., конечно, должны быть учтены и другие факторы, повлиявшие на снижение результата ЕР. В их числе — массированная кампания под лозунгом «Голосуй за любую партию, кроме ЕР», проведенная несистемной оппозицией во главе с Алексеем Навальным, которая, вне сомнения, отразилась на окончательном распределении голосов, превратив аутсайдера «Справедливую Россию» в одного из главных бенефициаров с результатом в 13,52%.

ориентирован скорее по дуальной шкале «доверяю — не доверяю», нежели по шкале множественного выбора.

В связи с этим особого внимания заслуживает вывод, сделанный Валерием Федоровым по итогам Всероссийского репрезентативного панельного опроса, проведенного ВЦИОМ в сентябре 2011 — марте 2012 г.: «Электоральный цикл 2011—2012 гг., по всей видимости, войдет в историю как переломный, знаменующий начало разворота от плебисцитарной модели голосования в качестве доминирующей к рационально-активистской»[19]. Здесь тоже фиксируется кризис, но не режима, а только модели голосования, отнюдь не навязанной режимом, но возникшей благодаря как конституционным, так и ситуативно-политическим предпосылкам.

[19] *Федоров [Fedorov] (ред.) 2013: 4. Критический анализ этого исследования см. Титков [Titkov] 2013.*

Если строго фактографическая реконструкция новейшей политической истории России показывает, что в период 1993—2012 гг. мы можем говорить не столько об электоральном, сколько о конституционном авторитаризме, то, возможно, стоит сделать и следующий шаг. А именно предположить, что коль скоро режим действует в полном соответствии с Основным законом, который принят большинством российского народа, то такой конституционный авторитаризм есть не что иное, как электоральная демократия.

-

?

Однако в этом случае возникает сюжет, связанный с наличием доминирующей партии в виде «Единой России». А это, согласно концепции Кеннета Ф.Грина, классифицирующий признак специфического типа авторитаризма: «Авторитарные системы с доминантной партией являются важным подмножеством „состязательных авторитарных“ или „электоральных авторитарных“ режимов»[20].

[20] *Грин [Greene] 2011: 23.*

Сразу же нужно отметить, что, приняв концепцию Грина, мы вынуждены будем сместить точку зарождения электорального авторитаризма на десятилетие вперед, поскольку «Единая Россия» возникла лишь в 2001 г. и выступает в качестве «партии власти» только начиная с 2003 г. Обстоятельства ее успеха на этих выборах разобраны выше, и нет достаточных оснований квалифицировать его как достигнутый *исключительно* авторитарными методами. Выборы эти носили действительно конкурентный характер, даже если там и были *отдельные* фальсификации. Как отмечает по аналогичному поводу сам Грин, «ограниченные фальсификации, которые увеличивают долю полученных доминантной партией голосов, при том что она все равно бы победила, снижают значимость электоральной конкуренции, но не сводят ее полностью на нет»[21].

[21] *Там же: 22—23.*

Пренебрежем, однако, этой аргументацией и предположим, что родословную российского электорального авторитаризма следует вести с 2003 г., поскольку именно с этого года мы наблюдаем наращивание государственного присутствия в экономике, которое в концепции Грина и является решающим маркером. «Политическая экономия однопар-

тийного доминирования, — подчеркивает он, — предполагает обширный государственный сектор и политически „немую“ государственную бюрократию»[22].

[22] *Там же.*

Но даже при таком допущении в концепции Грина обнаруживается существенное ограничение на ее применение к российскому случаю. Дело в том, что режим авторитарного однопартийного доминирования может быть диагностирован в РФ лишь на протяжении 12 лет или трех электоральных циклов (2003—2007—2011 гг.). А «порог долговечности», или допуск для соответствующей квалификации, предполагает отрезок как минимум в 20 лет либо четыре избирательных цикла подряд. Иначе говоря, чтобы убедиться в применимости (или неприменимости) теории Грина для описания российской ситуации, нам нужно подождать до выборов 2016 г.

Тем временем все-таки можно сделать определенные выводы. Представляется, что проведенное исследование не подтверждает один из основных тезисов Гельмана, согласно которому российский случай электорального авторитаризма является *критическим* для этой концепции в целом. Выше мы видели, что по отношению к России периода 1990-х годов набор «факторов Пшеворского» не работает. А это значит, что российский случай ничего не добавляет к изучению феномена электорального авторитаризма в *сравнительной* перспективе. Напротив, напрашивается вывод скорее об уникальности российского «авторитаризма», который может быть охарактеризован как «конституционный» по своим истокам и последующей практике.

Насколько такая, по-видимому, чисто *эмпирическая* характеристика российского режима способна вписаться в *теоретическую* типологию режимов, традиционно располагаемых в континууме между полярными точками «либеральная демократия — закрытый авторитаризм»? Другими словами, что необходимо сделать, чтобы описательное понятие «конституционный авторитаризм» получило статус концепта наряду с «электоральным авторитаризмом» и «электоральной демократией»? И вообще, не является ли недопустимым оксюмороном объединение двух качеств — конституционности и авторитарности — в единый *логический* комплекс? Соответствует ли этому оксюморону некий реальный *политический* объект?

За этими вопросами кроется одна фундаментальная проблема, суть которой в том, что в самой процедуре квалификации того или иного режима как демократического заложены определенные ограничения, оставляющие возможность оспаривания ее (квалификации) бесспорной валидности. Политика, в отличие, например, от экономики, — та область человеческой деятельности, в которой (вспомним Мангейма) задача *полного* устранения интересов и ценностей из процессов эмпирического наблюдения и теоретической концептуализации представляет своего рода движение к горизонту.

NB! Впрочем, как показывает практика составления экономических рейтингов, в экономике тоже все далеко не просто. Например, рейтинги таких, казалось бы, безупречных с точки зрения репутации и используемых методик агентств, как S&P, Fitch и Moody's, подверглись серьезной критике со стороны правительств Франции и США в период глобального финансового кризиса 2008—2009 гг. Аналогичным образом близкие к «мусорному» рейтинги России от этих же агентств были заподозрены в политической ангажированности российским правительством.

И здесь вполне уместно процитировать вывод, сделанный Леонардо Морлино и Луисом-Гвидо Карли в докладе, представленном на XV Международной апрельской научной конференции НИУ ВШЭ: «Существует несколько причин для споров и размышлений о том, как оценивать политический режим, чтобы проверить, может ли он рассматриваться как демократический. Первая и наиболее очевидная из них связана с легитимностью, которую режим, определяемый как демократический, может получить в глазах своих граждан»[23]. Возможно, это как раз тот самый российский случай, когда и конституционные предпосылки, и сама практика режима (особенно в условиях «посткрымского консенсуса») обеспечивают ему легитимность, и притом — повышенную.

Следует ли из этого, что российский случай не просто не является критическим для концепции электорального авторитаризма, но и вообще представляет особую сложность с точки зрения концептуализации в рамках дихотомии «демократия — авторитаризм»? Очень похоже, что к такому выводу в России приходят не только политические публицисты[24], но и академические исследователи. Вот лишь несколько примеров того, каким образом пытались и пытаются концептуализировать российскую уникальность[25]: Россия как «выборное самодержавие» или «плебисцитарная демократия»[26]; Россия как «властесобственность» (русская транскрипция аристотелевского типа режима, примененного к России Ричардом Пайпсом)[27]; Россия как внеполитический «клико-кратический порядок»[28]; Россия как «классический пример failed state», режим которого — «клептократура»[29]. Не свидетельствуют ли эти и многие другие примеры (а их действительно можно множить, задавшись такой целью) о том, что принятый в современной западной политической компаративистике способ описания российского режима не улавливает его специфики? Или, может быть, это проблема российского политологического сообщества, все еще находящегося в процессе выработки унифицированного и терминологически однозначного языка?

[23] Morlino, Carli 2014: 26. Сами авторы доклада, правда, полагают, что предложенные ими методы различения «демократий» и «не-демократий» все же позволяют избежать ловушек восприятия и сопряженных с этим манипуляций (Ibidem).

[24] Так, например, Глеб Павловский, описывая то, что он называет «системой РФ», утверждает: «Ее устройство оригинально, глобально, хитро». Более того, «ее не понять из суммы ее подсистем, зато она объяснима, исходя из ее поведения. РФ не станет демократией, при самом жарком желании иной Команды» (Павловский [Pavlovsky] 2014: 10, 12).

[25] См. также любопытную дискуссию на тему «Русская матрица: мифы и реалии» в журнале «Власть» (Русская матрица [Russkaja matrica] 2014: 15—65).

[26] Федоров [Fedorov] (ред.) 2013: 473, 478.

[27] Пивоваров [Pivovarov] 2011: 70—74.

[28] Патрушев [Patrushev] 2011: 125.

[29] Пастухов [Pastukhov] 2011: 143, 157.

Библиография

Гельман В.Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. № 4(67) [Gel'man V.Ja. 2012. Rascvet i upadok ehlektoral'nogo avtoritarizma v Rossii // Politeia. № 4(67)].

Грин К.Ф. 2011. Политическая экономия авторитарного однопартийного доминирования // *Полития*. № 1(60) [Greene K.F. 2011. Politicheskaja ehkonomija avtoritarnogo odnopartijjnogo dominirovanija // Politeia. № 1(60)].

Дейк Т. ван. 2013. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. — М. [Dijk T. van. 2013. Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. — M.].

Линц Х., Степан А. 1997. «Государственность», национализм и демократизация // *Полис*. № 5 [Linz J., Stepan A. 1997. «Gosudarstvennost'», nacionalizm i demokratizacija // Polis. № 5].

Мангейм К. 1991. *Диагноз нашего времени*. — М. [Mannheim K. 1991. Diagnoz nashego vremeni. — M.].

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис*. № 4 [Mel'vil' A.Ju., Stukal D.K., Mironjuk M.G. 2012. Traektorii rezhimnykh transformacijj i tipy gosudarstvennojj sostojatel'nosti // Polis. № 4].

Павловский Г. 2014. *Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili*. — М. [Pavlovsky G. 2014. Sistema RF v vojjne 2014 goda. De Principatu Debili. — M.].

Пантин В.И. 2011. Циклы реформ-контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // *Полис*. № 6 [Pantin V.I. 2011. Cikly reform-kontrreform v Rossii i ikh svjaz' s ciklami mirovogo razvitija // Polis. № 6].

Пастухов В.Б. 2011. Предчувствие гражданской войны. От «номенклатуры» к «клептократуре»: взлет и падение «внутреннего государства» в современной России // *Полис*. № 6 [Pastukhov V.B. 2011. Predchuvstvie grazhdanskojj vojjny. Ot «nomenklatury» k «kleptokrature»: vzlet i padenie «vnutrennego gosudarstva» v sovremennojj Rossii // Polis. № 6].

Патрушев С.В. 2011. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // *Полис*. № 6 [Patrushev S.V. 2011. Klikokraticheskijj porjadok kak institucional'naja lovushka rossijjskojj modernizacii // Polis. № 6].

Пивоваров Ю.С. 2011. ...И в развалинах век // *Полис*. № 6 [Pivovarov Ju.S. 2011. ...I v razvalinakh vek // Polis. № 6].

Поляков Л.В. 2013. Российская политика сквозь призму Конституции // *Полития*. № 2(69) [Polyakov L.V. 2013. Rossijjskaja politika skvoz' prizmu Konstitucii // Politeia. № 2(69)].

Русская матрица: мифы и реалии. 2014 // *Власть*. № 2 [Russkaja matrica: mify i realii. 2014 // Vlast'. № 2].

Титков А. 2013. Истоки протеста: что ВЦИОМ измерил и не увидел // *Социология власти*. № 4 [Titkov A. 2013. Istoki protesta: chto VCIOM izmeril i ne uvidel // Sociologija vlasti. № 4].

Федоров В. (ред.) 2013. *От плебисцита к выборам: Как и почему россияне голосовали на выборах 2011—2012 гг.* — М. [Fedorov V. (red.) 2013. Ot plebiscita k vyboram: Kak i pochemu rossijane golosovali na vyborakh 2011—2012 gg. — M.].

Diamond L.J. 2002. Elections without Democracy: Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2.

Eckstein H. 1975. Case Studies and Theory in Political Science // Greenstein F.I., Polsby N. (eds.) *Handbook of Political Science*. Vol. 7. — Reading (MA).

Morlino L., Carli L.G. 2014. *How to Assess a Democracy. What Alternatives?* — Moscow (http://www.hse.ru/data/2014/03/25/1318948855/Morlino,%20Carli-text.pdf).

Schedler A. 2002. Elections without Democracy: the Menu of Manipulations // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2.

Snyder R. 2006. Beyond Electoral Authoritarianism: The Spectrum of Nondemocratic Regimes // Schedler A. (ed.) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. — Boulder.

Ю.О.Гайворонский

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ[1]

Ключевые слова: региональные политические режимы, авторитаризм, патримониализм, зависимость, концептуализация, измерение

Изучение региональных политических режимов является одним из наиболее перспективных, но вместе с тем недостаточно разработанных в отечественной политической науке направлений. Подобное положение вещей отчасти объясняется тем, что принято обозначать как «whole nation bias», — пренебрежением субнациональным уровнем в сравнительных исследованиях, на недопустимость которого в свое время указывал Г.О'Доннелл, подчеркивая территориальную неравномерность демократизации[2]. Территориальное измерение помогает решить такие проблемы, как «мало случаев, много переменных» и контроль контекста, тем самым создавая условия для более глубокого понимания процессов трансформации (в том числе на национальном уровне) и обоснования теорий среднего уровня на базе сравнительного анализа[3].

Другая причина отмеченной выше ситуации, как представляется, кроется в эволюции региональных политических исследований в России. В 1990-е годы внимание отечественных регионалистов оказалось сфокусировано на стихийной федерализации[4], ослаблении федерального центра и разнообразии способов и методов осуществления власти в регионах. Словно приняв академический вызов О'Доннелла, политологическое сообщество страны обратилось к изучению территориальной неравномерности процессов демократизации, используя в качестве методологической рамки концепцию регионального авторитаризма. Однако, как справедливо отмечает Р.Ф.Туровский, будучи нацелены на выявление степени соответствия региональных процессов демократизации общегосударственным, российские исследователи использовали нерелевантную аналитическую рамку[5], ибо даже в тот период политический режим в России не был демократическим[6].

В 2000-е годы в условиях все более активного курса на рецентрализацию интерес к исследованию региональных политических режимов заметно снизился[7]. На наш взгляд, данная тенденция во многом связана с отсутствием тонкого инструментария, способного находить различия в формально унифицированной институциональной среде,

[1] Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Структурный анализ региональных политических режимов и электорального пространства», реализуемой Лабораторией региональных политических исследований.

[2] O'Donnell 1999.

[3] См. Snyder 2001.

[4] Лапина [Lapina] 2006.

[5] Туровский [Turovsky] 2009a: 79.

[6] Hale 2006; Холмс [Holmes] 2013.

[7] Для верификации данного тезиса достаточно сделать запрос в электронной библиотеке Elibrary.

ставшей результатом реализации федерального закона «Об общих принципах формирования законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ».

Так, потерял свой эвристический потенциал подход В.Я.Гельмана[8], использовавшего структурно-институциональную методологическую рамку М.Шугарта и Дж.Кэри[9]. Напомним, что в основу классификации там кладутся критерии, связанные с контролем ассамблеи или главы региона над кабинетом, а также возможностью сосуществования ассамблеи и кабинета в условиях взаимного недоверия. Результатом такой классификации становится матрица на пересечении, с одной стороны, форм правления (президентская, президентско-парламентская, премьер-президентская, парламентская), а с другой — типов ассамблеи (доминирующий, автономный, ограниченно автономный, подчиненный, полностью подчиненный). В 2000-е годы существование в российских регионах парламентских и премьер-президентских форм стало невозможным (Удмуртия и Карелия перешли к президентско-парламентской системе, Дагестан — к президентской).

[8] См. Гельман [Gel'man] 1998.

[9] Shugart, Carey 1992.

Немного более гибкой представляется методика А.С.Кузьмина, Н.Дж.Мелвина и В.Д.Нечаева[10], опиравшихся на концепцию полиархии Р.Даля[11], в центре внимания которой — политическая конкуренция между властью и оппозицией. Методика также включала в себя анализ конституционного дизайна (по Шугарту-Кэри) с учетом таких характеристик институциональной среды, как конкурентность выборов (по индексу Лааксо-Таагеперы) и уровень партийности легислатуры.

[10] Кузьмин, Мелвин, Нечаев [Kuz'min, Melvin, Nechaev] 2002.

[11] Dahl 1971.

Использование данной методики позволило выявить восемь типов региональных режимов, однако при изучении их динамики обнаружилось, что они крайне неустойчивы и постоянно сменяют друг друга. В связи с этим подход Кузьмина и его коллег не получил широкого распространения. К тому же в середине «нулевых» годов в условиях утверждения в стране состязательного авторитаризма[12] критерий уровня партийности регионального законодательного органа власти утратил свою различительную способность.

[12] О состязательном авторитаризме см. Levitsky, Way 2010.

Казалось бы, с возвращением прямых выборов глав субъектов РФ ситуация в региональных исследованиях должна была кардинально измениться, однако этого пока не произошло, и изучением региональных режимов продолжает заниматься все тот же круг ученых (Туровский, Гельман, П.В.Панов, А.В.Дахин и некоторые другие).

Помимо отсутствия подходящего инструментария, причиной этого, вероятно, является и своеобразная «тропа зависимости»: категория «региональный политический режим» породила бурную дискуссию не только частного, но и онтологического характера. Ссылаясь на недостаточное своеобразие системных свойств региональных режимов в сравнении с общегосударственными, противники использования данной категории утверждают, что в условиях авторитаризма целесообразнее говорить о системе управления со слабой автономией внутренних акторов, то есть об административном режиме[13].

[13] Ковалев [Kovalev] 2001; Овчинников [Ovchinnikov] 2002.

Еще в 1970 г. Дж.Сартори поставил проблему «перемещаемости концептов», порождающую так называемые «концептные натяжки»[14]. Стремясь в целях повышения надежности анализа охватить как можно большее число стран, ученые переоценивают однородность кейсов, сравнивая внешне схожие, но принципиально несравнимые вещи. К тому же большинство имеющихся концептов тесно связаны с определенным контекстом, будучи разработаны для анализа западных политических систем.

[14] *Сартори [Sartori] 2003: 152—160.*

Располагая концептом высокого уровня абстракции, можно провести таксономическое развертывание путем логического выведения, тем самым устраняя разрывы в уровнях абстрагирования[15]. С этой точки зрения региональный политический режим есть продолжение общенационального, логически выводимое из него через территориальное измерение. Несмотря на то что в территориальном отношении региональные режимы меньше общенационального, они обладают бóльшим числом коннотаций, так как требуют учета взаимосвязи национального и субнационального уровней. Говоря о такой взаимосвязи, мы имеем в виду прежде всего наличие общих конституционно-правовых рамок функционирования органов государственной власти и различных политико-общественных объединений и организаций. Игнорирование этого аспекта, по сути, приравнивает региональные режимы к общенациональным, что является неточным в концептуальном плане.

[15] *Там же: 153.*

Таким образом, категория «региональный политический режим» расположена на более низкой ступени «лестницы абстракции», нежели «политический режим» как таковой, в силу чего возникает потребность в учете контекста, позволяющего фиксировать даже относительно мелкие субнациональные различия. Это отчасти оправдывает критикуемую Туровским ориентацию отечественных регионалистов на case studies[16]. Да, исследования субнациональных режимов редко отличаются методологической строгостью. Подбор кейсов часто определяется территориальной аффилиацией автора либо осуществляется по внешним признакам (уровень экономического развития, титульный этнос и пр.). В то же время изучение сплошной выборки с применением изощренных математических моделей не способно обеспечить даже среднего уровня погружения в контекст. Это классическое противоречие между качественной и количественной стратегией анализа, хотя, конечно, в случае российских региональных исследований первая из них недостаточно выверена методологически.

[16] *Туровский [Turovsky] 2009a: 78.*

Выход из сложившейся ситуации, на наш взгляд, открывает обращение к широко используемой в сравнительной политологии стратегии cross-case study по методу наибольшего различия (MDSD). Базовое правило отбора кейсов в рамках MDSD заключается в том, что исследованию подлежат случаи, различающиеся по одной переменной, но схожие по всем остальным.

Очевидно, что для выявления релевантных кейсов требуется многомерная методологическая рамка. Отсюда следует, что одномерные

модели «демократичности» российских регионов[17], какими бы обоснованными они ни были, такой рамкой служить не могут. Поэтому нужно задействовать представленные в сравнительной политологии многомерные концепции политических режимов.

[17] Яковенко [Jakovenko] 2005; Петров, Титков [Petrov, Titkov] 2013.

Весьма перспективным в данном отношении представляется подход Туровского, который предлагает изучать региональные режимы в рамках трехвекторной модели «консолидация—конкуренция», «автономия—зависимость», «демократия—авторитаризм»[18].

[18] Туровский [Turovsky] 2009a: 83—89.

Исследование регионального режима по оси «консолидация—конкуренция» включает в себя анализ формального институционального дизайна, степени автономии региональных властных институтов по отношению к губернатору, уровня развития и эффективности парламентского контроля над исполнительной системой, а также практики принятия решений (утверждение кандидатуры губернатора, вынесение ему вотума недоверия, роспуск ассамблеи и т.д.) и законов. Не менее важным является учет уровней власти: региональная власть, местное самоуправление, федеральные структуры и их представительства на территории региона, представительство региона на федеральном уровне.

Ось «центр—регионы», определяющая автономию регионального политического режима от общенационального, предполагает изучение, с одной стороны, практики назначения в регионы федеральных служащих, а с другой — жесткости контроля над региональной властью, а также степени финансовой независимости региона и развитости его представительства на уровне центра.

При выявлении степени демократичности регионального политического режима (ось «демократия—авторитаризм») используются такие показатели, как:

- насилие в политической практике, сознательное нарушение прав и ограничение свобод граждан, контроль над СМИ;
- возможность гражданского политического участия и публичность власти;
- возможность прихода к власти оппозиции через демократические выборы.

Заслуживает внимания и двухмерная модель С.Маззука. Критикуя утвердившуюся в современной сравнительной политологии тенденцию к умножению числа признаков демократии, исследователь доказывает, что на смену концептуальному расширению должно прийти концептуальное разделение. Предлагаемая им аналитическая рамка политического режима включает в себя два измерения, характеризующие доступ к власти («авторитаризм—демократия») и ее функционирование («патримониализм—бюрократия»)[19].

[19] Mazzuca 2004: 47.

Подход Маззука получил дальнейшее развитие в исследовании А.Джирауди, на основе эмпирического анализа субнациональных режимов Мексики и Аргентины пришедшей к заключению о независимости упомянутых измерений (коэффициент корреляции Пирсона в обоих

случаях не превышал 0,3)[20]. Согласно методике Джирауди, при оценке уровня демократичности следует использовать такие параметры как:

— чередование у власти (законодательной и исполнительной);
— состязательность в законодательной власти (эффективное число партий и доля мест прогубернаторской партии);
— состязательность в исполнительной власти (эффективное число кандидатов и так называемый «резерв победы», то есть разница между результатами победителя и кандидата, занявшего второе место);
— честность выборов (постэлекторальные конфликты).

В свою очередь, для выявления уровня патримониализма предлагается фиксировать развитие:

— горизонтальной подотчетности (наличие институтов фискального контроля и независимой судебной системы);
— вертикальной подотчетности (информационная открытость);
— патронажа (численность государственных служащих);
— правил дискреционной фискальной политики (присвоение муниципальных фондов).

Определенный интерес представляет и процедура оценки выделенных Маззука измерений, предложенная К.Джервасони и основанная на разработанной им методике экспертного опроса[21]. В отличие от таких исследователей, как К.Макманн и Н.Петров, которые просто предлагали экспертам назвать 10 наиболее демократичных и наиболее авторитарных регионов РФ[22], Джервасони выводит соответствующие индикаторы путем анализа концепта субнациональной демократии (см. *табл. 1*). С учетом субъективности восприятия понятия «демократия» преимущества данного подхода не вызывают сомнений. Тем не менее он тоже не лишен недостатков. Во-первых, как отмечает сам автор, ввиду когнитивных ограничений экспертные оценки «работают» применительно лишь к двум последним электоральным циклам. Во-вторых, при попытке использовать подобную методику для выявления причин становления и механизмов воспроизводства режимов она утрачивает свою надежность вследствие резкого роста субъективизма в оценках.

Представляется целесообразным синтезировать подходы Туровского и Маззука, которые отчасти пересекаются (по измерению «авторитаризм—демократия») и могут дополнить друг друга. Так, слабое место методики Туровского заключается в том, что измерение внутриэлитной консолидации довольно сложно вывести из самого концепта политического режима. Консолидация является важным его свойством, но морфологически избыточным, отчасти производным от других измерений: патримониальные и авторитарные режимы по определению более консолидированы, чем демократические и бюрократические[23]. В свою очередь, подход Маззука не учитывает систему отношений «центр—регионы», по сути приравнивая региональные режимы по структуре к общегосударственным.

[20] Giraudy 2013: 59.

[21] Gervasoni 2010.

[22] McMann, Petrov 2000.

[23] Следует отметить, что механизмы взаимодействия элит там также различны. Демократические режимы компенсируют отсутствие сплоченных вокруг лидера групп за счет развитых политических институтов (см. Пшеворский [Przeworski] 2013: 398—248).

Таблица 1 **Измерение субнациональных режимов по Джервасони**

Измерение	*Субизмерение*	*Компоненты*
Доступ к власти	Включенность	Право голоса
		Право быть избранным
	Состязательность	Честность выборов
		Свобода слова
		Свобода организации
	Эффективность	Назначаемая местная власть
		Избираемая государственная власть
Функционирование власти	Институциональные ограничения	Легислатура
		Судебная власть
		Органы горизонтальной подотчетности
		Партия инкумбента
	Либеральные права	Свобода слова и информации
		Индивидуальные свободы
	Независимое гражданское общество	Коммерческие организации
		НКО

Источник: Gervasoni C. 2010. Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces // *Journal of Politics in Latin America*. № 2. P. 19.

Таким образом, оптимальная модель анализа будет включать в себя три измерения:

— «зависимость—автономия»;
— «авторитаризм—демократия»;
— «патримониализм—бюрократия».

Понятно, что при операционализации данной модели она должна быть адаптирована к российской действительности 2000-х годов, однако возможности «сплошного» измерения здесь ограничены. Помимо того, что, строго говоря, мы не имеем права оценивать все режимы после 2012 г., пока выборы по новым правилам не прошли повсеместно, чрезвычайно затруднен сбор данных по нарушению прав и свобод граждан. Поскольку информация на этот счет носит крайне фрагментированный характер и ее можно почерпнуть, по сути, лишь из проектов правозащитных организаций («Мемориал», «Amnesty International» и др.), при оценке уровня демократичности нам придется исходить из минималистской трактовки демократии, связывающей последнюю с наличием честных и конкурентных выборов[24]. Соблюдение либеральных прав и свобод, безусловно, может варьировать от региона к региону, но в условиях

[24] Шумпетер [Schumpeter] 1995, Хантингтон [Huntington] 2003.

победы авторитарных тенденций на национальном уровне оно вряд ли способно приблизиться к западным стандартам.

В этой ситуации необходимо «взвешивание» индекса авторитарности с целью смещения среднего значения в бóльшую сторону. В качестве ориентира можно воспользоваться одним из межстрановых индексов демократии. Наиболее релевантным в данном отношении представляется индекс Polity IV, измеряющий политические режимы по шкале от -10 до +10. Согласно этому индексу, авторитарными считаются режимы со значением ≤-6. В интервале от -6 до +6 режимы квалифицируются как анократии — открытые (от 0 до +6) или закрытые (-6 до 0). Открытые анократии условно можно приравнять к системам, обозначаемым как электоральный/состязательный авторитаризм[25], закрытые — к так называемой фасадной демократии[26].

[25] Schedler 2006; Levitsky, Way 2010.

[26] Milton-Edwards 1993.

Предлагаемая операционализация оси «авторитаризм—демократия» направлена на измерение различий в рамках открытой, но управляемой или ограниченной конкуренции, что соответствует открытой анократии. Таким образом, шкала [0;1] настоящего исследования соотносится с интервалом [0;6] проекта Polity IV, и поскольку значение индекса для России с 2008 г. равно четырем, получаемый нами ряд можно в среднем сместить на 0,3 в сторону увеличения авторитарности. Это довольно грубая, но, пожалуй, единственно возможная процедура при отсутствии объективной информации о либеральных (расширительных) аспектах полиархии и использовании экспертных оценок (которые тоже грешат субъективизмом).

При оценке региональных режимов по оси «зависимость—автономия» (см. *табл. 2*) прежде всего целесообразно задействовать индикатор дотационности, который является важным показателем не только экономической, но и политической зависимости от федерального центра, поскольку угроза сокращения межбюджетных трансфертов способна блокировать любые попытки проведения независимой местной политики.

В условиях типичного для российских регионов губернаторского моноцентризма необходимо также учитывать, в какой степени глава региона включен в местные элитные группы, кланы или клиентелы. Если в первые годы после отмены прямых выборов губернаторов основной массе глав регионов были продлены полномочия (в обмен на лояльность), то в период президентства Д.А.Медведева возобладала практика назначения «варягов», то есть политиков, не связанных с регионом[27]. Имеет значение и территориальная аффилиация руководителей федеральных структур (ФСБ, МВД, прокуратуры, ГФИ) в регионе, выступающих в качестве противовеса губернаторскому моноцентризму.

[27] Туровский [Turovsky] 2009б; Подвинцев [Podvincev] 2009.

Уровень авторитарности региона измеряется с помощью как общепринятых, так и модифицированных электоральных показателей. В первом случае — это индекс Х.Молинара, корректирующий значения индекса эффективного числа партий Лааксо-Таагеперы с целью учета фактора доминирующей партии:

Таблица 2 **Измерение региональных политических режимов**

Вектор	*Индикатор*	*Вес в индексе («внутри» каждой оси)*[28]
Зависимость (DEP)	Доля дотаций региональным и муниципальным бюджетам в консолидированном бюджете субъекта РФ — «Subs»	0,40
	Территориальная аффилиация губернатора (1 — «варяг»; 0 — местный) — «Gov»	0,30
	Территориальная аффилиация руководителей федеральных структур в регионе (1 — «варяг», 0 — местный) — «Chiefs»	0,30
Авторитаризм (AUTH)	Административно-мобилизационный ресурс (корреляция явки и результатов «Единой России») — «AMR»	0,40
	Индекс Молинара — «Molinar»	0,30
	Авторитарная электоральная мобилизация — «Turnout»	0,30
Патримониализм (PATR)	Прозрачность госзакупок (рейтинг «Transparency Russia») — «Transparency»	0,40
	Информационная открытость сайтов региональных органов власти (по рейтингу Фонда свободы информации) — «Openness»	0,30
	Численность государственных служащих на 1000 жителей — «Officials»	0,15
	Доля неэффективных расходов в объеме общих расходов консолидированного бюджета субъекта РФ (база данных оценки эффективности Минрегиона) — «Ineff»	0,15

[28] *Экспертная оценка.*

$$N_M = 1 + N_{LT}\frac{\sum v_i^2 - v_1^2}{\sum v_i^2},$$

где N_{LT} — индекс Лааксо-Таагеперы, v — доля голосов i-ой партии; v_1 — доля голосов партии-победителя. Во втором — так называемый административно-мобилизационный ресурс[29] и показатель авторитарной электоральной мобилизации, который рассчитывается путем возведения доли явки в квадрат (что приводит к резкому снижению веса средних и низких значений).

[29] *Математическую процедуру измерения данного ресурса см. Собянин, Суховольский [Sobjanin, Sukhovol'skijj] 1995.*

Патримониализм, понимаемый как стиль управления, противостоящий веберовскому идеалу бюрократии, оценивается с помощью четырех показателей. Первые два из них отражают прозрачность власти и системы государственного управления, а тем самым — уровень их подотчетности обществу. Для патримониальных режимов характерен также раздутый госаппарат, рассматривающий бюджет как источник извлечения ренты, что закономерно приводит к росту неэффективных расходов (третий и четвертый индикаторы).

Индексы осей конструируются аддитивно, путем сложения «взвешенных» коэффициентов, и имеют следующий вид:

$$DEP = 0{,}4 * Subs + 0{,}3 * Gov + 0{,}3 * Chiefs \quad (1).$$

$$AUTH = 0{,}3 + 0{,}7 * (0{,}4 * AMR + 0{,}3 * Molinar + 0{,}3 * Turnout) \quad (2).$$

$$PATR = 0{,}4 * Transparency + 0{,}3 * Openness + \\ + 0{,}15 * Officials + 0{,}15 * Ineff \quad (3).$$

Поскольку, как уже говорилось, выборы по новым правилам пока состоялись не во всех регионах, при измерении использовались данные за 2007—2011 гг., позволяющие оценить, к чему пришли региональные режимы на завершающем этапе централизации и консолидации режима общенационального. Полученные результаты представлены на *рис. 1—3.*

Как видно из *рис. 1*, жестко авторитарными и в тоже время крайне зависимыми в 2007—2011 гг. были весьма разнородные регионы (Воронежская область, Бурятия, Тыва, Чеченская республика и Чукотский АО); столь же, если не более авторитарными, но при этом достаточно автономными от федерального центра — группа регионов Приволжского ФО (Башкортостан, Татарстан, Пензенская и Ульяновская области). Отчетливо выделяется также группа относительно автономных от центра регионов с довольно мягким авторитаризмом, в которую входят Свердловская, Вологодская и Новосибирская области. В связи с этим победу оппозиции на выборах мэров Екатеринбурга (2013 г.) и Новосибирска (2014 г.) нельзя трактовать как случайность.

Сочетание авторитаризма и высокого уровня патримониализма характерно в основном для республик (Ингушетия, Чечня, Марий Эл, Калмыкия), а также для Белгородской области и Чукотского АО (см. *рис. 2*). «Оппозицию» им составляют регионы северо-запада (Ленинградская и Мурманская области, Карелия) и Самарская область.

Наконец, патримониальные режимы отчетливо различаются по степени зависимости от федерального центра (см. *рис. 3*). Примечательно, что Татарстан входит в кластер бюрократизированных автономных режимов наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, тогда как другие республики Поволжья тяготеют к патримониализму. Что касается Москвы, замеры по которой делались применительно к 2009 г., то после отставки Ю.М.Лужкова уровень ее автономии значительно снизился.

Рисунок 1 Режимы на осях «зависимость» и «авторитаризм»

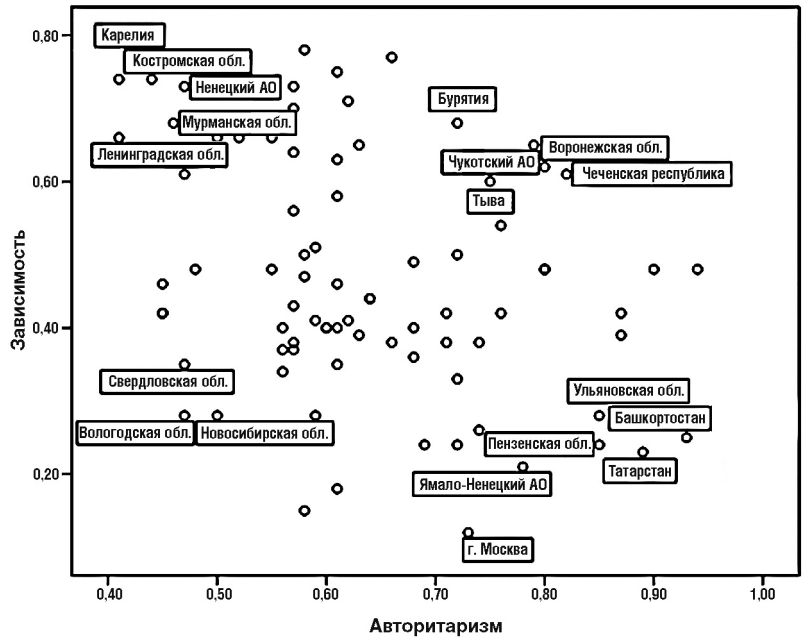


Рисунок 2 Режимы на осях «авторитаризм» и «патримониализм»

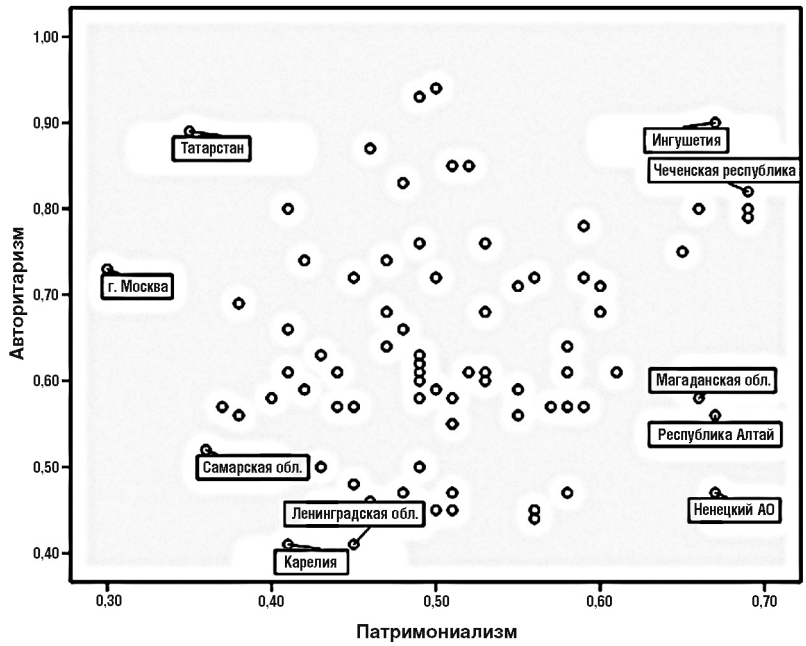
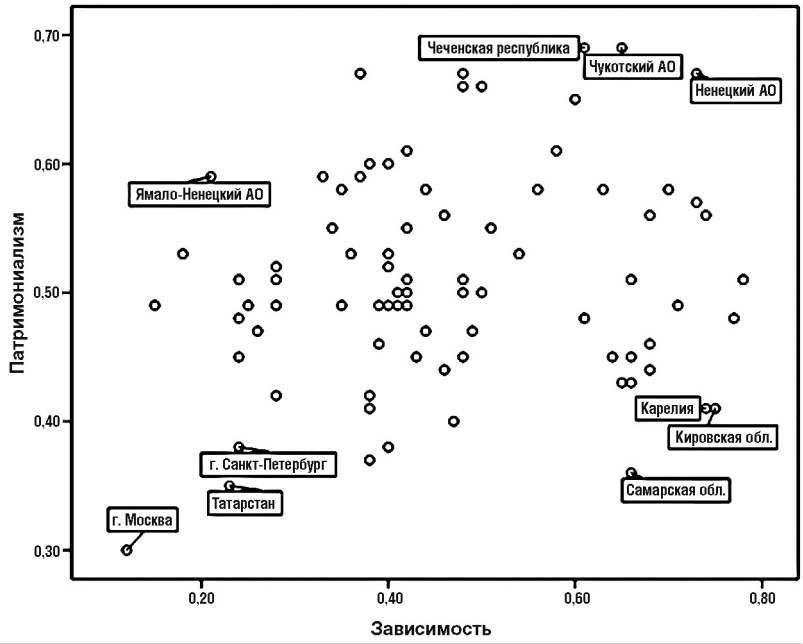


Рисунок 3 Режимы на осях «патримониализм» и «зависимость»



Результаты корреляционного анализа (см. *табл. 3*) указывают на отсутствие значимых связей между измерениями, что соответствует требованию ортогональности осей, свидетельствуя о релевантности самой методологической схемы и корректности экспертной оценки при выставлении веса в ходе конструирования индикаторов.

Таблица 3 Корреляции между осями региональных политических режимов

	Зависимость	*Авторитаризм*	*Патримониализм*
Зависимость	1	–0,09	–0,15
Авторитаризм		1	0,18
Патримониализм			1

В целях валидации полученных результатов нами была рассчитана корреляция измерений региональных режимов с рядом других индексов, таких как индекс демократичности российских регионов Московского фонда Карнеги (2006—2010 гг.), индекс демократичности проекта «Демократический аудит» (2005 г.) и два субиндекса в рамках Рейтинга эффективности исполнительной власти в субъектах РФ Агентства политических и экономических коммуникаций (2014 г.). Поскольку мы

делали акцент именно на авторитарности российских регионов, коэффициент корреляции с индексами демократичности оказался отрицательным (высокая авторитарность означает низкую демократичность). В случае индекса Московского Центра Карнеги сила связи довольно высока, в случае индекса «Демократического аудита» — в два раза ниже (см. *табл. 4*).

Таблица 4 Корреляции измерений региональных режимов с другими индексами

	Карнеги	*Демократический аудит*	*Эффективность бюрократии АПЭК (по данным статистики)*	*Эффективность бюрократии АПЭК (экспертная оценка)*
Зависимость	0,092	0,023	-0,161	-0,164
Авторитаризм	**-0,601***	**-0,305***	-0,020	**0,348***
Патримониализм	-0,078	-0,056	**-0,335***	-0,120

* Коэффициент значим на уровне 0,01.

Интересная закономерность обнаружилась при подсчете корреляций между индикаторами эффективности бюрократии. Изначальная гипотеза состояла в том, что для патримониальных режимов характерен более низкий уровень эффективности, чем для бюрократизированных. Несмотря на временной лаг между периодами вычисления индекса АПЭК и использованного нами индикатора, получить значимый показатель удалось, но только по индексу, построенному на основе статистических данных. Результаты же экспертных оценок коррелируют с авторитарным вектором, еще раз высвечивая недостатки подобной методики.

* * *

Таким образом, предлагаемая концептуальная рамка и измерительный аппарат позволяют приходить к результатам, сходным с теми, что были получены при вычислении аналогичных индексов. При этом трехвекторная модель оптимальна с точки зрения компактности и надежности данных, так как в минимальной степени задействует экспертные оценки. В содержательном отношении итоги измерения во многом соответствуют заключениям предшествующих исследований. Так,

большинство регионов СКФО характеризуются повышенным уровнем патримониализма и авторитарности, хотя, вопреки общепринятому мнению, не все они независимы от центра (Чеченская республика и Ингушетия) и авторитарны (Северная Осетия). В то же время возникает вопрос об адекватности допущения о тождественности экономической и политической зависимости применительно к республикам Северного Кавказа. Еще более интересно, что сходная ситуация в плане авторитарности и (нео)патримониализма наблюдается и в ряде регионов с доминированием русского этноса (Белгородская, Пензенская, Кемеровская и некоторые другие области), где, по сути, сохраняется вотчинный стиль правления.

Список особенностей региональных политических режимов можно продолжить, однако это выходит за рамки данной статьи и требует специальных исследований, очерчивание горизонта которых и составляло базовую интенцию настоящей работы. Предложенная методика, бесспорно, не лишена недостатков, но все же она позволяет продвинуться вперед в понимании актуального состояния региональных политий.

Библиография

Гельман В.Я. 1998. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. № 1 [Gel'man V.Ja. 1998. Regional'naja vlast' v sovremennojj Rossii: instituty, rezhimy i praktiki // Polis. № 1].

Гельман В.Я., Рыженков С.И. 2010. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» // *ПОЛИТЭКС*. № 4 [Gel'man V.Ja., Ryzhenkov S.I. 2010. Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i «vertikal' vlasti» // POLITEKS. № 4].

Даль Р. 2010. *Полиархия: участие и оппозиция*. — М. [Dahl R. 2010. Poliarkhija: uchastie i oppozicija. — M.].

Ковалев В.А. 2001. *Политическая трансформация в регионе: Республика Коми в контексте российских преобразований*. — Сыктывкар [Kovalev V.A. 2001. Politicheskaja transformacija v regione: Respublika Komi v kontekste rossijjskikh preobrazovanijj. — Syktyvkar].

Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. 2002. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис*. № 3 [Kuz'min A.S., Melvin N.J, Nechaev V.D. 2002. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetskojj Rossii: opyt tipologizacii // Polis. № 3].

Лапина Н.Ю. 2006. «Центр — регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего // *ПОЛИТЭКС*. № 2 [Lapina N.Ju. 2006. «Centr — regiony» v postsovetskojj Rossii: istorija, mekhanizmy vzaimodejjstvija, scenarii budushhego // POLITEKS. № 2].

Овчинников А.П. 2002. *Политическая регионалистика: Три уровня власти в региональном измерении*. — Самара [Ovchinnikov A.P. 2002. Politicheskaja regionalistika: Tri urovnja vlasti v regional'nom izmerenii. — Samara].

Петров Н., Титков А. 2013. *Рейтинг демократичности регионов: 10 лет в строю*. — М. [Petrov N., Titkov A. 2013. Rejjting demokratichnosti regionov: 10 let v stroju. — M.].

Подвинцев О.Б. 2009. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // *ПОЛИТЭКС*. № 2 [Podvincev O.B. 2009. Gubernatory-«varjagi» i regional'nye politicheskie ehlity v sovremennojj Rossii: uslovija i tendencii vzaimodejjstvija // POLITEKS. № 2].

Пшеворский А. 2013. Политический институт и политический порядок // Пшеворский А., Мигранян А. (ред.) *Демократия в российском зеркале*. — М. [Przeworski A. 2013. Politicheskijj institut i politicheskijj porjadok // Przeworski A., Migranjan A. (red.) Demokratija v rossijjskom zerkale. — M.].

Сартори Д. 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // *Полис*. № 4 [Sartori J. 2003. Iskazhenie konceptov v sravnitel'nojj politologii (II) // Polis. № 4].

Собянин А.А., Суховольский В.Г. 1995. *Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991—1993 гг.* — М. [Sobjanin A.A., Sukhovol'skijj V.G. 1995. Demokratija, ogranichennaja fal'sifikacijami: Vybory i referendumy v Rossii v 1991—1993 gg. — M.].

Туровский Р.Ф. 2009а. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис*. № 2 [Turovsky R.F. 2009a. Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza // Polis. № 2].

Туровский Р.Ф. 2009б. Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // *Полития*. № 2 [Turovsky R.F. 2009b. Praktiki naznachenija gubernatorov: inercija i radikalizm v politike Centra // Politeia. № 2].

Хантингтон С. 2003. *Третья волна: Демократизация в конце XX в.* — М. [Huntington S. 2003. Tret'ja volna: Demokratizacija v konce XX v. — M.].

Холмс С. 2013. Имитация демократии и имитация авторитаризма // Пшеворский А., Мигранян А. (ред.) *Демократия в российском зеркале*. — М. [Holmes S. 2013. Imitacija demokratii i imitacija avtoritarizma // Przeworski A., Migranjan A. (red.) Demokratija v rossijjskom zerkale. — M.].

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М. [Schumpeter J. 1995. Kapitalizm, socializm i demokratija. — M.].

Яковенко И. 2005. Демократический аудит России // *Новая газета*. 19.12 [Jakovenko I. 2005. Demokraticheskijj audit Rossii // Novaja gazeta. 19.12].

Gervasoni C. 2010. Measuring Variance in Subnational Regimes: Results from an Expert-Based Operationalization of Democracy in the Argentine Provinces // *Journal of Politics in Latin America*. № 2.

Giraudy A. 2013. Varieties of Subnational Undemocratic Regimes: Evidence from Argentina and Mexico // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 48. № 2.

Hale H.E. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. Vol. 58. № 1.

Levitsky S., Way L. 2010. *Competitive Authoritarianism*. — Cambridge.

Mazzuca S. 2007. Reconceptualizing Democratization: Access to Power Versus Exercise of Power // Munck G. (ed.) *Regimes and Democracy in Latin America*. — Oxford.

McMann K., Petrov N. 2000. Survey of Democracy in Russia's Regions // *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 41. № 3.

Milton-Edwards N. 1993. Facade Democracy and Jordan // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 20. № 2.

O'Donnell G. 1999. *Counterpoints: Selected Essays on Authoritarianism and Democratization*. — Notre Dame.

Schedler A. 2006. *Electoral Authoritarianism*. — Boulder.

Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies*. — Cambridge.

Snyder R. 2001. Scaling Down: The Subnational Comparative Method // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 36. № 1.

Приложение

Таблица 5 Измерение региональных политических режимов

Регион	*Год*	*Зависимость*	*Авторитаризм*	*Патримониализм*
Алтайский край	2011	0,38	0,48	0,45
Амурская область	2011	0,69	0,55	0,51
Архангельская область	2009	0,69	0,63	0,43
Астраханская область	2011	0,31	0,59	0,50
Белгородская область	2010	0,32	0,87	0,61
Брянская область	2009	0,31	0,71	0,60
Владимирская область	2009	0,33	0,57	0,45
Волгоградская область	2009	0,31	0,62	0,49
Вологодская область	2011	0,21	0,47	0,51
Воронежская область	2010	0,65	0,80	0,41
Москва	2009	0,09	0,73	0,30
Санкт-Петербург	2011	0,17	0,69	0,38
Еврейская АО	2011	0,33	0,60	0,53
Забайкальский край	2008	0,34	0,64	0,58
Ивановская область	2008	0,73	0,57	0,57
Иркутская область	2008	0,59	0,57	0,58
Кабардино-Балкарская республика	2009	0,35	0,76	0,49

Регион	*Год*	*Зависи-мость*	*Автори-таризм*	*Патримо-ниализм*
Калининградская область	2011	0,36	0,45	0,56
Калужская область	2010	0,26	0,68	0,53
Камчатский край	2011	0,40	0,58	0,40
Карачаево-Черкесская республика	2009	0,48	0,61	0,61
Кемеровская область	2008	0,17	0,83	0,48
Кировская область	2011	0,75	0,61	0,41
Костромская область	2010	0,74	0,44	0,56
Краснодарский край	2007	0,19	0,74	0,47
Красноярский край	2011	0,66	0,50	0,43
Курганская область	2010	0,38	0,55	0,51
Курская область	2011	0,30	0,56	0,38
Ленинградская область	2011	0,66	0,41	0,45
Липецкая область	2011	0,14	0,61	0,53
Магаданская область	2010	0,40	0,58	0,66
Московская область	2011	0,64	0,57	0,45
Мурманская область	2011	0,68	0,46	0,46
Ненецкий АО	2009	0,73	0,47	0,67
Нижегородская область	2011	0,68	0,57	0,44
Новгородская область	2011	0,71	0,62	0,49
Новосибирская область	2010	0,21	0,50	0,49
Омская область	2011	0,29	0,63	0,49
Оренбургская область	2011	0,28	0,57	0,37
Орловская область	2011	0,77	0,66	0,48
Пензенская область	2007	0,21	0,85	0,51
Пермский край	2011	0,12	0,58	0,49
Приморский край	2011	0,28	0,61	0,49
Псковская область	2011	0,78	0,58	0,51
Адыгея	2011	0,44	0,76	0,53
Республика Алтай	2010	0,34	0,56	0,67
Башкортостан	2008	0,19	0,93	0,49
Бурятия	2007	0,71	0,72	0,56
Дагестан	2011	0,40	0,72	0,50
Ингушетия	2011	0,42	0,90	0,67
Калмыкия	2008	0,38	0,80	0,69
Карелия	2011	0,77	0,41	0,41

Регион	*Год*	*Зависи-мость*	*Автори-таризм*	*Патримо-ниализм*
Коми	2011	0,30	0,61	0,52
Марий Эл	2009	0,38	0,80	0,66
Мордовия	2011	0,38	0,94	0,50
Саха (Якутия)	2008	0,32	0,45	0,51
Северная Осетия	2007	0,41	0,59	0,55
Татарстан	2009	0,19	0,89	0,35
Тыва	2010	0,50	0,75	0,65
Хакасия	2009	0,30	0,68	0,60
Ростовская область	2008	0,29	0,87	0,46
Рязанская область	2010	0,66	0,61	0,58
Самарская область	2011	0,66	0,52	0,36
Саратовская область	2007	0,21	0,59	0,42
Сахалинская область	2008	0,24	0,56	0,55
Свердловская область	2010	0,25	0,47	0,58
Смоленская область	2007	0,27	0,57	0,59
Ставропольский край	2011	0,34	0,64	0,47
Тамбовская область	2011	0,39	0,68	0,47
Тверская область	2011	0,70	0,57	0,58
Томская область	2011	0,32	0,45	0,50
Тульская область	2009	0,32	0,71	0,55
Тюменская область	2011	0,28	0,74	0,42
Удмуртская республика	2007	0,17	0,72	0,45
Ульяновская область	2008	0,21	0,85	0,52
Хабаровский край	2010	0,30	0,60	0,49
Ханты-Мансийский АО	2011	0,61	0,47	0,48
Челябинская область	2010	0,28	0,66	0,41
Чеченская республика	2008	0,51	0,82	0,69
Чувашская республика	2011	0,36	0,61	0,44
Чукотский АО	2011	0,68	0,79	0,69
Ямало-Ненецкий АО	2010	0,14	0,78	0,59
Ярославская область	2008	0,23	0,72	0,59

М.С.Турченко

ФАКТОРЫ ФРАГМЕНТАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (2003–2013)

Ключевые слова: партийная фрагментация, региональные выборы, эффективное число партий, политические машины

Долгое время участие политических партий в региональных парламентских выборах было более чем скромным[1]. В результате избирательной реформы 2002 г. ситуация изменилась. В соответствии с федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», с 15 июля 2003 г. во всех регионах страны не менее половины депутатов законодательных собраний должны были избираться по пропорциональной системе. Таким образом, участие списков политических партий в региональных парламентских выборах стало неизбежным.

[1] Голосов [Golosov] 2006; Hale 2007; Кынев, Любарев [Kynev, Ljubarev] 2011.

Одним из побочных эффектов этой реформы было появление региональных партийных систем, о которых если и приходилось говорить ранее, то лишь применительно к отдельным «отклоняющимся случаям»[2]. При этом степень фрагментации таких систем значительно различалась от региона к региону.

[2] Gel'man, Golosov 1998.

Цель настоящей статьи — выявить основные причины фрагментации партийных систем российских регионов в период 2003—2013 гг., когда в каждом субъекте РФ как минимум дважды прошли парламентские выборы по новым правилам. Эмпирическим коррелятом понятия «партийная фрагментация» является эффективное число электоральных партий. В работе рассмотрено, какую роль в фрагментации региональных партийных систем играли институциональные, социологические и политические факторы. В первой части статьи описаны наиболее значимые подходы к объяснению причин фрагментации партийных систем, а также дан обзор исследований, проливающих свет на причины электорального доминирования «Единой России». Далее выдвинуты, обоснованы и операционализированы гипотезы исследования, а затем представлены результаты эмпирического анализа, проведенного с использованием метода множественной линейной регрессии. Главные выводы работы отражены в заключении.

Подходы к объяснению причин фрагментации партийных систем

Вопрос о причинах фрагментации партийных систем — один из классических в рамках электоральных исследований[3]. Для ответа на него в политической науке выработан ряд подходов.

Институциональный подход, основы которого были заложены еще М.Дюверже в опубликованной в 1951 г. работе «Политические партии»[4], отводит ключевую роль в формировании партийных систем избирательным законам. В течение второй половины XX в. данный подход активно развивался в западной политологии. Было установлено, что главным параметром избирательных систем, влияющим на структуру партийной конкуренции, является величина округа[5]: чем она больше, тем выше должен быть и уровень политического плюрализма.

Второй, социологический, подход к объяснению причин партийной фрагментации подразумевает, что констелляция политических партий определяется прежде всего социальными характеристиками обществ, в которых эти партии функционируют, или политизированными общественными расколами. Одними из первых эту точку зрения выразили С.М.Липсет и С.Роккан[6].

В рамках третьего подхода предполагается, что институциональные и социологические факторы влияют на число партий не порознь, а совместно. Проверке его состоятельности за последние годы было посвящено немало научных публикаций. Так, П.Ордешук и О.Швецова эмпирически протестировали гипотезу, согласно которой избирательные институты влияют на степень партийной фрагментации лишь в той мере, в какой это позволяет структура общества. Исследователи сконцентрировали внимание на таком параметре избирательных систем, как величина округа, а в качестве основного социологического фактора взяли степень этнической гетерогенности[7]. По их заключению, «если эффективное число этнических групп большое, политическая система становится довольно чувствительной к величине округа [то есть пролиферации партий способствуют высокая этническая фрагментация *и* большая величина округа]. Но если этническая фрагментация низкая, то *лишь* (курсив мой — *М.Т.*) большая величина округа ведет к высокой партийной фрагментации. Наконец, если величина округа — единица, то партийная система относительно невосприимчива к уровню этнической... гетерогенности»[8]. Впоследствии этот вывод был подтвержден в ряде других исследований[9].

Все три упомянутых подхода были разработаны на материале демократических государств. Однако в современной России политический процесс функционирует в иной логике и нередко характеризуется как электоральный авторитаризм[10]. Отсюда следует, что, помимо институциональных и социологических факторов, партийная конкуренция здесь может быть опосредована факторами политическими, а именно вмешательством федеральной и региональной исполнительной власти[11].

[3] Neto, Cox 1997: 149.

[4] Дюверже [Duverger] 2007.

[5] Taagepera, Shugart 1989: 19, 112.

[6] Lipset, Rokkan 1967: 47.

[7] Ordeshook, Shvetsova 1994: 101.

[8] Ibid.: 122.

[9] См., напр. Neto, Cox 1997; Mozaffar, Scarritt, Galaich 2003; Geys 2006; Clark, Golder 2006.

[10] См., напр. Гельман [Gel'man] 2012: 66—67.

[11] Ross 2011.

Фрагментация vs. доминирование: случай России

В научной литературе, посвященной электоральным процессам в России, практически не уделялось внимания объяснению кросс-региональных различий в фрагментации партийных систем. Лишь в недавно опубликованной статье Г.Голосова был рассмотрен механический эффект влияния ограничительных методов перевода голосов в места (Империали и «Тюменского метода») на степень партийной фрагментации в региональных парламентах. Было установлено, что подобные методы действительно сдерживают многопартийность на уровне ассамблей, способствуя сверхпредставительству крупных партий[12].

[12] Golosov 2014: 14.

В то же время в последние годы появилось немало работ, где анализируются причины доминирования «Единой России» на региональных парламентских выборах[13]. При решении поставленных в настоящем исследовании задач содержание этих работ тоже нельзя обойти вниманием, так как в некотором отношении фрагментация региональных партийных систем и доминирование «Единой России» — две стороны одной медали.

[13] Golosov 2011; Panov, Ross 2013; Reuter 2013.

По заключению Голосова, электоральные результаты «Единой России» на региональных выборах 2003—2007 гг. определялись рядом факторов. Первый из них был связан со степенью влиятельности регионального руководства. Успех сопутствовал «партии власти» в тех регионах, где губернаторы обладали достаточным влиянием, что позволяло им эффективно использовать свои властные ресурсы в ее интересах. Другой немаловажный фактор касался этничности. Высокие результаты «Единая Россия» получала там, где доля русского населения была относительно невелика. Наконец, доля голосов за «Единую Россию» во многом зависела от действий центра, активно манипулировавшего избирательным законодательством. Эти и некоторые другие факторы обеспечили электоральное доминирование «партии власти» и привели к всеобъемлющему контролю центра над региональным политическим процессом[14].

[14] Golosov 2011: 411—413.

На основе анализа региональных парламентских выборов с 2003 по 2011 г. О.Дж.Рейтер пришел к выводу, что результат «Единой России» был выше там, где у глав исполнительной власти имелись отлаженные «политические машины»[15]. Такими, клиентелистскими по своей сути, «машинами» располагали прежде всего те губернаторы, которые были избраны населением региона на всенародных выборах[16]. Кроме того, Рейтером были статистически проверены многие другие предположения о факторах электорального доминирования «Единой России», взятые как из упомянутого исследования Голосова, так и из работ, выполненных на ином страновом материале.

[15] Reuter 2013: 102.

[16] Ibid.: 108—109.

Изучив электоральные показатели кандидатов от «партии власти» в одномандатных округах на 43 региональных выборах с 2008 по 2011 г., П.Панов и К.Росс установили, что результат выдвиженцев «Единой России» зависел от конфигурации и стратегий региональных элит и был выше в регионах с авторитарным политическим режимом[17].

[17] Panov, Ross 2013: 750.

В работах Голосова, Рейтера, Панова и Росса был выдвинут ряд гипотез, полезных для данного исследования. Вместе с тем нельзя забывать, что, будучи отчасти обусловлены сходными факторами, партийная фрагментация и электоральный успех «Единой России» в регионах — разные феномены, которые подлежат, соответственно, отдельному изучению.

Обоснование гипотез исследования

В настоящем исследовании анализ причин фрагментации партийных систем в регионах осуществляется по региональным электоральным циклам, под которыми в данном случае понимается не более чем хронологическая последовательность региональных парламентских выборов. Первые выборы по новым правилам (прошедшие в период с 7 декабря 2003 г. по 12 октября 2008 г.) отнесены к первому циклу; вторые (состоявшиеся в период с 8 октября 2006 г. по 8 сентября 2013 г.) — ко второму. Некоторые регионы успели провести третьи по счету выборы по новым правилам, но эти случаи ввиду их немногочисленности вынесены за рамки исследования.

Исходя из рассмотренных выше подходов, можно сформулировать несколько гипотез относительно факторов, повлиявших на уровень фрагментации партийных систем в российских регионах.

Институциональные факторы. Следуя заключениям приверженцев институционального подхода, можно было бы предположить, что различия в уровне партийной фрагментации российских регионов определялись размерами избирательных округов, в которых происходило распределение мест между списками политических партий, однако проведенные ранее исследования заставляют усомниться в обоснованности такого предположения[18]. В российских условиях партийную конкуренцию сдерживали не столько размеры округов, сколько официально установленные заградительные барьеры[19]. В связи с этим «институциональная» гипотеза будет состоять в том, что в регионах со сравнительно невысокими заградительными барьерами партийная фрагментация усиливалась.

[18] См., напр. Golosov 2006: 28.

[19] Ibidem.

Социологические факторы. В исследованиях, выполненных на материале демократических стран, в качестве важнейшего компонента социальной структуры, способного повлиять на уровень фрагментации партийных систем, нередко фигурирует степень этнической гетерогенности[20]. Предполагается, что, поскольку этничность относится к тем характеристикам индивида и группы, которые легче всего поддаются политизации, такая гетерогенность является одной из ключевых предпосылок многопартийности. В статье будет протестирована применимость данного утверждения к полиэтническим субъектам Российской Федерации.

[20] См., напр. Ordeshook, Shvetsova 1994: 101.

По заключению исследователей, опирающихся на опыт западных демократий, с ростом числа обладающих правом голоса сложность общественной структуры возрастает и расширяется круг вопросов,

попадающих в политическую повестку дня[21]. Ввиду того что артикуляторами требований граждан выступают партии, с увеличением количества политически релевантного населения их число тоже должно расти. Это будет вторая гипотеза в рамках «социологической» группы.

Количество партий в российских регионах может также зависеть от доли проживающих там этнических русских. К настоящему времени появилось немало работ, где доказывается, что для регионов с относительно небольшой долей русского населения характерны закрытый политический режим и слабая политическая конкуренция[22]. Таким образом, представляется вероятным, что в субъектах РФ с малой долей этнических русских партийная фрагментация будет низкой.

Политические факторы. Как уже говорилось, на характер региональных политических процессов активно влиял федеральный центр, еще в начале 2000-х годов взявший курс на постепенное сокращение числа политических партий[23]. Для достижения этой цели был осуществлен комплекс законодательных мер, квалифицируемых рядом исследователей как «контрреформы»[24], которые снизили партийное предложение на федеральном и региональном уровнях.

Могли отразиться на степени партийной фрагментации и факторы, обусловленные спецификой региональной политической жизни. В частности, можно предположить, что уровень партийной фрагментации был ниже в регионах с влиятельными губернаторами, располагавшими эффективными «политическими машинами», которые позволяли им обеспечивать высокие электоральные показатели «партии власти». Однако воздействие данного фактора, судя по всему, зависело от года проведения выборов. Поскольку со второй половины «нулевых» годов общее число партий в стране неуклонно сокращалось, проводившиеся позднее региональные выборы могли отличаться низким уровнем партийной фрагментации безотносительно к степени влиятельности главы исполнительной власти.

С особенностями региональных политических режимов связаны и три другие «политические» гипотезы. В соответствии с первой из них, в регионах, политические режимы которых обладали четко выраженными авторитарными чертами, в электоральном процессе участвовало меньшее число партий. Согласно второй, низким уровнем партийной фрагментации отличались регионы, губернаторы которых одними из первых сделали выбор в пользу «Единой России». Третья гипотеза состоит в том, что относительно слабая партийная конкуренция должна была быть характерна для регионов со сплоченной политической элитой.

Наконец, в работе будет протестирована гипотеза о *совместном влиянии* на степень фрагментации региональных партийных систем *институциональных и социологических факторов*, а именно величины заградительного барьера и уровня этнической гетерогенности. Тем самым будет проверено, действительно ли при низких заградительных барьерах высокий уровень этнической гетерогенности способствовал пролиферации партий.

[21] *Anckar 2000: 306.*

[22] *Hale 2007: 170—171; Golosov 2011: 401; Reuter 2013: 113.*

[23] *Голосов [Golosov] 2006: 267—268.*

[24] *Кынев, Любарев [Kynev, Ljubarev] 2011: 512—573.*

Операционализация переменных и источники данных

Представленный в настоящей работе анализ осуществляется по двум региональным электоральным циклам, а его единицей выступает субъект Федерации. Выбор данного подхода определяется тем, что он позволяет отчетливее выделить факторы партийной фрагментации в кроссрегиональной и временно́й перспективах[25]. В рамках первого цикла выборы по новым правилам состоялись в 87 регионах, в рамках второго — в 83-х. Основным методом исследования является множественный регрессионный анализ на основе метода наименьших квадратов с расчетом робастных стандартных ошибок[26].

[25] См. Голосов [Golosov] 2006: 251.

[26] См. White 1980.

Зависимая переменная, отражающая уровень фрагментации партийных систем субъектов РФ, — эффективное число электоральных партий (*ENPV*). Этот показатель для каждых региональных выборов рассчитывался по формуле, предложенной Голосовым, которая точнее альтернативных индексов фиксирует уровень фрагментации систем с доминирующей партией[27]:

$$N_p = \sum_1^x \frac{s_i}{s_i + s_1^2 - s_i^2},$$

где s_i и s_1 — доли голосов или мест, полученных i-той и лидирующей партиями соответственно.

[27] Golosov 2010: 181—182.

Независимая переменная, относящаяся к институциональному фактору фрагментации партийных систем, представлена в значениях официально установленных заградительных барьеров (*Threshold*).

Операционализация этнической гетерогенности (*Ethnic Heterogeneity*) выполнена на основе подхода Ордешука и Швецовой, которые рассчитывали степень такой гетерогенности посредством вычисления эффективного числа этнических групп[28]:

$$\frac{1}{\sum g_i^2},$$

где g_i — процентная доля населения, относящаяся к i-той этнической группе.

[28] Ordeshook, Shvetsova 1994: 108.

Численность избирателей (*Voters*) операционализирована через их количество (в миллионах человек), зарегистрированное на территории субъектов РФ в 2003 (для первого цикла) и 2010 гг. (для второго цикла); а доля этнических русских (*Percent Russian*) — через процентную долю русских по данным переписей 2002 и 2010 гг.

Вмешательство федерального центра в региональные политические процессы с течением времени нарастало (по крайней мере, в рамках первого цикла). Чем позже проводились выборы, тем в менее благоприятных для функционирования партий условиях они проходили. Поэтому при операционализации независимой переменной, отражающей влияние центра на региональные партийные системы, было решено использовать показатели года и месяца проведения парламентских выборов (*Time of Election*). Например, применительно к выборам, проведенным в октябре 2006 г., соответствующая переменная будет

составлять 6,83: целая часть числа показывает год выборов, а дробная — результат деления порядкового номера месяца на 12.

Влиятельность глав регионов (*Governor's Strength*) операционализировалась через процентную долю голосов, полученных ими на последних губернаторских выборах, в которых они принимали участие. Если в момент проведения выборов в ассамблею регионом руководил назначенец, переменная кодировалась как ноль. Данный способ измерения степени влиятельности губернаторского корпуса уже использовался в ряде исследований, посвященных российской региональной политике[29]. Однако, поскольку при выдвижении гипотез было сделано допущение, что наличие влиятельного губернатора сдерживало партийную фрагментацию лишь до второй половины «нулевых» годов, для регрессионной модели была разработана также интерактивная переменная — степень влиятельности губернаторского корпуса с учетом временно́го компонента (*Governor's Strength* × *Time of Election*).

[29] *См., напр. Golosov 2011: 405; Reuter 2013: 110.*

При определении степени демократичности региональных политических режимов (*Democracy*) был задействован экспертный рейтинг Московского Центра Карнеги, подготовленный Н.Петровым и А.Титковым и построенный на десяти различных социально-политических индикаторах[30]. Для парламентских выборов первого цикла использовалась оценка демократичности регионов за 2003—2007 гг., для парламентских выборов второго цикла — за 2006—2010 гг.[31] Ввиду отсутствия более ранних данных в случае Чеченской республики индекс демократичности в первом электоральном цикле был взят за период 2004—2008 гг. Применительно к Агинскому Бурятскому, Корякскому, Таймырскому и Усть-Ордынскому Бурятскому автономным округам сведения о степени демократичности относятся к 2000—2004 гг. Источником информации здесь выступал индекс, подготовленный теми же авторами по той же методике в рамках проекта «Социальный атлас российских регионов»[32].

[30] *Петров, Титков [Petrov, Titkov] 2013: 5—6.*

[31] *Там же: 25—28.*

[32] *http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml.*

Принадлежность главы региона к «Единой России» определялась на основании того, открывал ли он ее список на региональных выборах (*Head of List*). Однако участие губернаторов в избирательных кампаниях ЕР имело политические последствия лишь до тех пор, пока оно было хоть в какой-то степени добровольным. С марта же 2006 г. под давлением центра наличие губернаторов во главе списков «партии власти» стало уже не столько делом выбора, сколько негласной обязанностью[33]. В связи с этим рассматриваемая переменная конструировалась в два этапа. На первом устанавливалось, возглавлял ли руководитель того или иного региона список «партии власти» (или региональную группу ее федерального списка, если региональные выборы совпадали с думскими). Если да, переменная кодировалась как единица, если нет — как ноль. На втором фиксировалось время, когда губернатор возглавлял список «Единой России». Если до марта 2006 г., то значение, полученное на первом этапе, умножалось на единицу, если в марте 2006 г. или поз-

[33] *Golosov 2011: 406; Reuter 2013: 111.*

же — на ноль[34]. Таким образом, данная переменная релевантна лишь для первого цикла региональных выборов.

В условиях построения вертикали власти, одним из важнейших элементов которой выступала «Единая Россия»[35], показателем разделенности региональных политических элит может служить наличие значимых для региона политических акторов во главе списка любой другой партии. Если это имело место, переменная «разделенность элиты» (*Elite Conflict*) кодировалась как единица, если нет — как ноль. Подобный способ фиксации внутриэлитного конфликта уже использовался в работах Голосова[36] и Рейтера[37], однако к числу ключевых представителей региональных элит там отнесен не совсем идентичный круг акторов. В настоящем исследовании воспроизведен подход Рейтера, который включает в региональную политическую элиту вице-губернаторов, членов Совета Федерации, председателей региональных законодательных собраний, а также мэров региональных столиц и городов с населением более 100 тыс. человек[38].

При конструировании переменных задействовалась информация из довольно широкого круга источников.

Сведения о результатах региональных парламентских выборов по спискам политических партий взяты из базы данных ЦИК РФ[39]. Материалы сайта ЦИК использовались также для определения численности зарегистрированных в регионах избирателей на 7 декабря 2003 г. и на 1 января 2010 г.[40]

База данных «Российская электоральная статистика» Центра содействия демократии и правам человека «Геликс»[41] послужила источником сведений о величине заградительных барьеров на региональных выборах, состоявшихся до 4 декабря 2011 г. включительно, а также о результатах губернаторских выборов. Информация о величине заградительных барьеров на региональных выборах в 2012—2013 гг. почерпнута из базы данных «Гарант»[42].

Материалы сайтов Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.[43], касающиеся национального состава регионов, легли в основу переменных *Ethnic Heterogeneity* и *Percent Russian*.

Работа А.Кынева «Выборы парламентов российских регионов 2003—2009»[44] и база данных ЦИК РФ стали главными источниками информации о персональном составе списков политических партий на региональных парламентских выборах.

Эмпирический анализ

В *табл. 1* представлены пять регрессионных моделей, сконструированных для объяснения причин различного уровня фрагментации партийных систем в первом цикле региональных парламентских выборов. Первая, вторая и третья модели тестируют гипотезы об институциональных, социологических и политических причинах соответственно. В четвертой проверяется гипотеза о совместном влиянии на развитие региональных партийных систем величины заградительного барьера

[34] *Golosov 2011: 406.*

[35] *См. Reuter, Remington 2009.*

[36] *Golosov 2011: 406.*

[37] *Reuter 2013: 112—113.*

[38] *Ibidem.*

[39] *http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom.*

[40] *http://www.cikrf.ru/news/relevant/2010/07/13/chislennost.html.*

[41] *http://db.geliks.org/.*

[42] *http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm.*

[43] *http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.*

[44] *Кынев [Kynev] 2009.*

Таблица 1 **Факторы партийной фрагментации (первый цикл)[45]**

	M1	*M2*	*M3*	*M4*	*M5*
Intercept	4,34*** (1,09)	2,21** (0,88)	7,75*** (2,21)	11,67*** (2,09)	10,46*** (2,55)
Threshold	-0,17 (0,17)	—	—	-1,17*** (0,31)	-0,52* (0,28)
Ethnic Heterogeneity	—	-0,16 (0,26)	—	-4,14*** (1,07)	-1,79* (1,01)
Voters	—	-0,35*** (0,12)	—	—	-0,16 (0,15)
Percent Russian	—	2,42*** (0,74)	—	—	1,84*** (0,63)
Time of Election	—	—	-1,07*** (0,26)	—	-1,01*** (0,23)
Governor's Strength	—	—	-6,15** (3,03)	—	-5,46** (2,65)
Democracy	—	—	0,09*** (0,02)	—	0,05*** (0,02)
Head of List	—	—	-0,80** (0,37)	—	-0,80** (0,34)
Elite Conflict	—	—	0,99*** (0,31)	—	0,69** (0,29)
Governor's Strength × Time of Election	—	—	0,84** (0,41)	—	0,74* (0,38)
Threshold × Ethnic Heterogeneity	—	—	—	0,55*** (0,16)	0,29* (0,15)
N	87	87	87	87	87
R2	0,03	0,21	0,61	0,23	0,69
Adj. R2	0,02	0,18	0,58	0,20	0,65

* p < 0,1
** p < 0,05
*** p < 0,01

[45] Здесь и в табл. 2 в ячейках приведены нестандартизированные регрессионные коэффициенты и значения робастных стандартных ошибок (в скобках).

и степени этнической гетерогенности. Наконец, пятая объединяет в себе четыре предыдущих.

Согласно полученным результатам, основные причины партийной фрагментации в первом цикле выборов были связаны с особенностями политического процесса как в регионах, так и в стране в целом (М3). На статистически значимом уровне получили подтверждение все гипотезы, выдвинутые в рамках «политической» группы. Эффективное число электоральных партий было ниже в регионах с закрытыми политическими режимами, а также там, где губернаторы принадлежали к «Единой России» и отсутствовали серьезные внутриэлитные разногласия.

Уровень партийной фрагментации был также ниже в регионах с влиятельными губернаторами, что подтверждает гипотезу об эффективности выстроенных ими «политических машин». Вместе с тем было обнаружено, что данная закономерность постепенно сошла на нет. Как видно из *рис. 1*, влиятельные главы субъектов Федерации сдерживали фрагментацию партий лишь до начала 2007 г. (с этого времени доверительный интервал маржинального эффекта теряет статистическую значимость[46]). Дело, по-видимому, заключается в том, что к этому моменту под воздействием центра число жизнеспособных партий сократилось кардинальным образом и «партийное меню» практически во всех регионах стало примерно одинаковым безотносительно к силе губернатора.

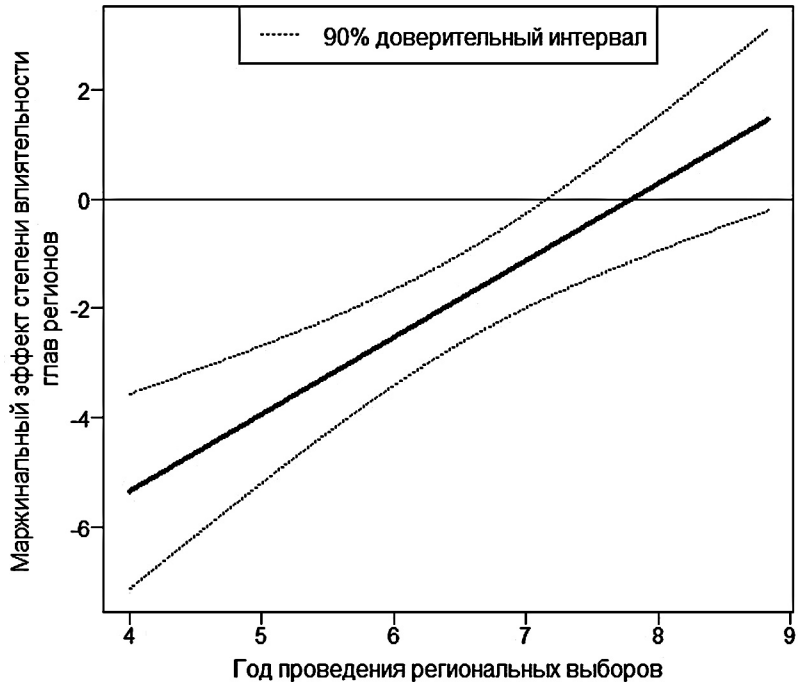
Институциональные (M1) и социологические (M2) факторы обладают гораздо меньшей объяснительной силой, нежели политические. Более того, по отдельности они объясняют меньшую долю вариации зависимой переменной, чем вместе (M4).

Совместное же влияние этих факторов носило довольно неожиданный характер. В противоположность западным демократиям[47], этническая гетерогенность российских регионов не способствовала партийной фрагментации, а, наоборот, сдерживала ее. При этом, как следует

[46] Доверительные интервалы с двух сторон от сплошной линии указывают на условия, при которых степень влиятельности глав регионов отражается на эффективном числе электоральных партий. Они статистически значимы до тех пор, пока одновременно располагаются ниже или выше нулевой отметки (см. Brambor, Clark, Golder 2006: 75—76).

[47] См., напр. Clark, Golder 2006: 700—701.

Рисунок 1 Маржинальный эффект степени влиятельности глав регионов (первый цикл)



из расчета маржинальных эффектов (см. *рис. 2*), такое сдерживающее влияние возникало при небольшой величине заградительного барьера[48]. Подобная ситуация, по-видимому, обусловлена тем, что, помимо республик, высокая этническая гетерогенность присуща автономным округам, где по целому ряду особых причин (небольшая численность и плотность населения, значительные расстояния между населенными пунктами и т.д.) уровни фрагментации были низкими. При этом в шести из восьми автономных округов заградительные барьеры были ниже 7% либо их не было вообще.

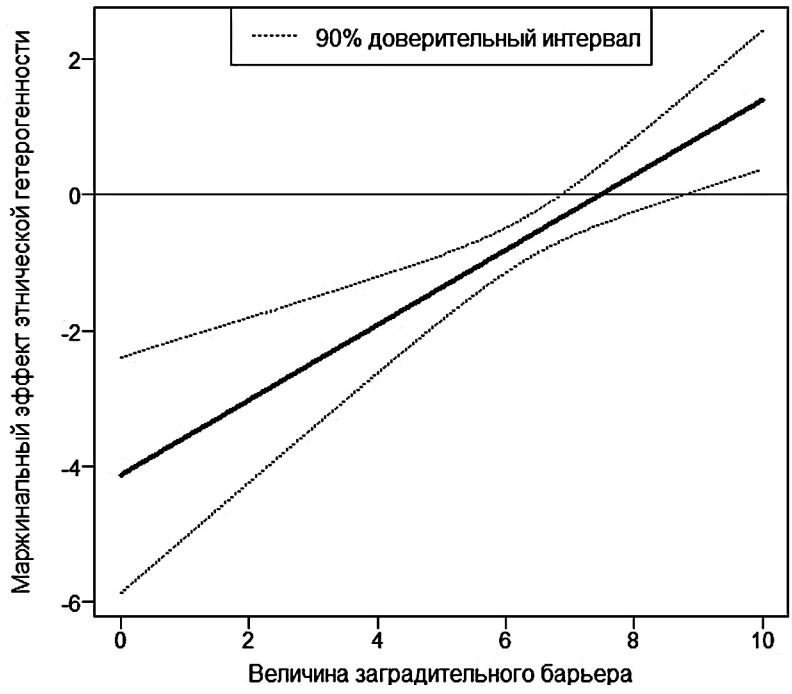
[48] Любопытно, что при высоких заградительных барьерах (близких к 10%) этническая гетерогенность не только переставала сдерживать, но и начинала поощрять фрагментацию. Так, в Калмыкии, где был установлен 10-процентный заградительный барьер, эффективное число электоральных партий составляло 3,19.

В пятой модели (M5) объединены все факторы, сконструированные для анализа уровня фрагментации региональных партийных систем в рамках первого цикла выборов по новым правилам. Все включенные в нее переменные, кроме *Voters*, статистически значимы, а сама модель объясняет около 70% вариации зависимой переменной.

Для завершения анализа по первому циклу остается рассмотреть степень влияния на уровень партийной фрагментации переменной, отражающей долю этнических русских. Характер ее связи с зависимой переменной — отрицательный, что обусловлено высокой подконтрольностью политических систем этнических субъектов Федерации главам региональной исполнительной власти[49].

[49] Golosov 2011: 401.

Рисунок 2 Маржинальный эффект этнической гетерогенности (первый цикл)



В *табл. 2* представлены регрессионные модели, сконструированные для объяснения причин различного уровня фрагментации партийных систем во втором цикле региональных парламентских выборов. Алгоритм их построения был таким же, как и при построении моделей для первого цикла.

Как и в первом цикле региональных парламентских выборов, основную роль в объяснении вариации зависимой переменной играют политические факторы (М3), однако их сила существенно ниже. Лишь одна «политическая» переменная в этой модели одинаково значима для обоих циклов — *Democracy*. Переменная «разделенность элит»

Таблица 2 Факторы партийной фрагментации (второй цикл)

	M1	*M2*	*M3*	*M4*	*M5*
Intercept	2,24*** (0,58)	1,57*** (0,37)	-1,48*** (0,46)	3,20 (2,48)	-1,59 (1,34)
Threshold	0,01 (0,09)	—	—	-0,08 (0,36)	0,03 (0,18)
Ethnic Heterogeneity	—	-0,01 (0,09)	—	-0,67 (1,70)	-0,09 (0,87)
Voters	—	-0,03 (0,09)	—	—	-0,10 (0,09)
Percent Russian	—	1,03*** (0,35)	—	—	-0,01 (0,32)
Time of Election	—	—	0,16*** (0,04)	—	0,19*** (0,04)
Governor's Strength	—	—	2,01 (1,34)	—	2,58* (1,35)
Democracy	—	—	0,07*** (0,01)	—	0,07*** (0,01)
Elite Conflict	—	—	0,18 (0,24)	—	0,11 (0,24)
Governor's Strength x Time of Election	—	—	-0,20 (0,13)	—	-0,24* (0,13)
Threshold x Ethnic Heterogeneity	—	—	—	0,06 (0,25)	-0,01 (0,13)
N	83	83	83	83	83
R2	0,00	0,15	0,46	0,07	0,52
Adj. R2	0,00	0,11	0,43	0,04	0,45

* p < 0,1
** p < 0,05
*** p < 0,01

потеряла объяснительную силу, что отчасти является следствием того, что во втором цикле региональных выборов внутриэлитные конфликты, как правило, не выходили за рамки «партии власти», когда дело касалось электоральной борьбы. Интерактивная переменная, отражающая степень влиятельности губернаторов с учетом временно́го компонента, чуть вышла за пределы статистически значимого уровня, но вернулась в его границы в пятой модели (где и будет подробно рассмотрена).

Применительно ко второму циклу модель, объединяющая институциональные и социологические факторы (М4), оказалась практически бесполезной для объяснения степени фрагментации региональных партийных систем, равно как и «чистая» институциональная модель (М1). Причина состоит в том, что в подавляющем большинстве российских регионов, включая автономные округа и республики, были установлены 7-процентные заградительные барьеры.

Несколько большей (по сравнению с четвертой и первой моделями) объяснительной силой обладает социологическая модель (М2), но единственно за счет переменной *Percent Russian*, которая к тому же утрачивает статистическую значимость при соприкосновении с политическими факторами.

Полная модель (М5) объясняет примерно 50% вариации зависимой переменной. Особого внимания в ней заслуживает значимость интерактивной переменной *Governor's Strength* × *Time of Election*. Для корректной ее интерпретации был рассчитан маржинальный эффект, отображенный на *рис. 3*. Из рисунка видно, что во втором цикле региональных парламентских выборов высокая степень влиятельности глав регионов оказывала статистически значимое ограничительное воздействие на число партий с 2011 г.

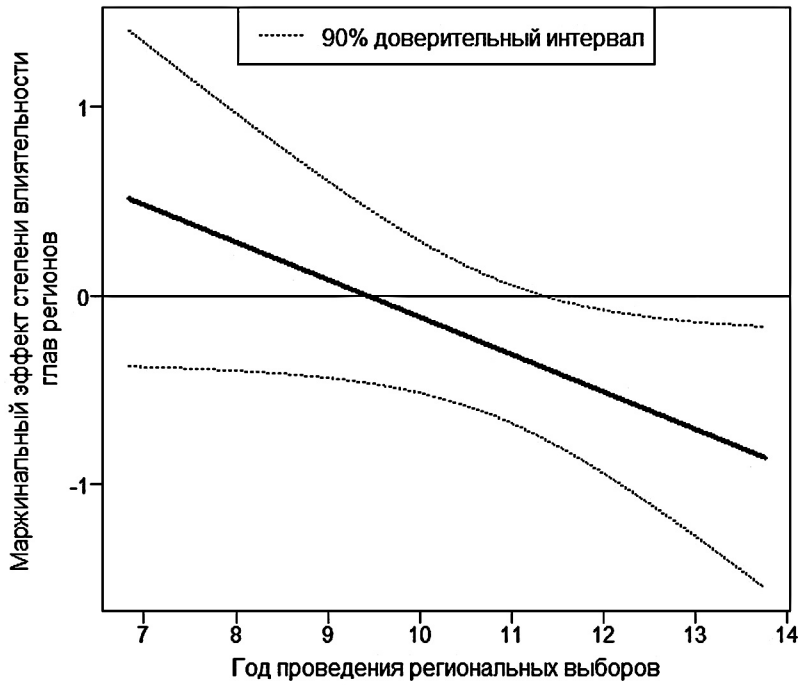
Данному феномену можно предложить следующее объяснение. С 2011 г. на волне мобилизации избирателей, недовольных status quo, стал значительно сокращаться уровень электоральной поддержки «Единой России», что закономерным образом привело к увеличению партийной фрагментации на региональных парламентских выборах[50]. Активизация оппозиционных партий, произошедшая в то время, потребовала более интенсивного использования в интересах «партии власти» ресурсов «политических машин», которыми обладали влиятельные губернаторы. В итоге их воздействие на уровень партийной фрагментации опять, как и в период до 2007 г., стало заметным.

[50] *Справедливость этого утверждения подтверждает сравнение значений эффективного числа электоральных партий на региональных выборах второго цикла, состоявшихся до 2011 г., с аналогичным показателем на более поздних выборах того же цикла. Результаты теста Манна-Уитни показывают, что с 2011 г. значения эффективного числа электоральных партий увеличились (результат статистически значим на 1-процентном уровне в левостороннем тесте).*

Заключение

В западных исследованиях, посвященных поиску причин партийной фрагментации, главное внимание уделяется институциональным и социологическим факторам. Предполагается, что число партий обусловлено параметрами избирательных систем, существующими общественными расколами или их совместным влиянием. Данных объяснений, однако, недостаточно для понимания причин партийной фрагментации в российских регионах.

Рисунок 3 Маржинальный эффект степени влиятельности глав регионов (второй цикл)



Проведенный анализ показывает, что основные факторы, определявшие эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2003—2013 гг., были связаны с активностью федерального центра и высших должностных лиц субъектов Федерации. Воздействие первого заключалось в создании неблагоприятных для появления значимых партий условий. Воздействие же глав регионов проистекало из наличия у наиболее влиятельных из них ресурсов «политических машин», которые использовались в интересах «партии власти», способствуя снижению общего уровня фрагментации. При этом эффект от деятельности таких «машин» наблюдался до 2007 г., пока политическая борьба на региональном уровне сохраняла более или менее конкурентный характер, и с 2011 г., когда политическая конкуренция вновь на некоторое время вернулась.

Устойчивое влияние на уровень фрагментации партийных систем российских регионов оказывал и такой фактор, как характер регионального политического режима. Регионы с большей политической открытостью имели более высокий уровень партийной фрагментации, и наоборот.

Полученные результаты демонстрируют, что, несмотря на наличие в первой половине 2000-х годов условий для складывания региональ-

ных партийных систем, решающую роль в их формировании играла исполнительная власть, препятствовавшая появлению значимых для избирателей партий, способных конкурировать с «Единой Россией». Если таковые и возникали, то исключительно в результате внутриэлитных разногласий, которые ко второму циклу региональных парламентских выборов по новым правилам практически сошли на нет. Таким образом, проведенное исследование указывает на существенную роль политических факторов при формировании партийных систем в режимах электорального авторитаризма.

Библиография

Гельман В.Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. № 4 [Gel'man V.Ja. 2012. Rascvet i upadok ehlektoral'nogo avtoritarizma v Rossii // Politeia. № 4].

Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика 1993—2003*. — СПб. [Golosov G.V. 2006. Rossijjskaja partijjnaja sistema i regional'naja politika 1993—2003. — SPb.].

Дюверже М. 2007. *Политические партии*. — М. [Duverger M. 2007. Politicheskie partii. — M.].

Кынев А.В. 2009. *Выборы парламентов российских регионов 2003—2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы*. — М. [Kynev A.V. 2009. Vybory parlamentov rossijjskikh regionov 2003—2009: Pervyjj cikl vnedrenija proporcional'nojj izbiratel'nojj sistemy. — M.].

Кынев А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция*. — М. [Kynev A.V., Ljubarev A.E. 2011. Partii i vybory v sovremennojj Rossii: ehvoljucija i devoljucija. — M.].

Петров Н.В., Титков А.С. 2013. *Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю*. — М. [Petrov N.V., Titkov A.S. 2013. Rejjting demokratichnosti regionov Moskovskogo Centra Karnegi: 10 let v stroju. — M.].

Anckar C. 2000. Size and Party System Fragmentation // *Party Politics*. Vol. 6. № 3.

Brambor T., Clark W.R., Golder M. 2006. Understanding Interaction Models: Improving Empirical Analyses // *Political Analysis*. Vol. 14. № 1.

Clark W.R., Golder M. 2006. Rehabilitating Duverger's Theory: Testing the Mechanical and Strategic Modifying Effects of Electoral Laws // *Comparative Political Studies*. Vol. 39. № 6.

Hale H.E. 2007. *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. — Cambridge.

Gel'man V., Golosov G.V. 1998. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 14. № 1—2.

Geys B. 2006. District Magnitude, Social Heterogeneity and Local Party System Fragmentation // *Party Politics*. Vol. 12. № 2.

Golosov G.V. 2006. Disproportionality by Proportional Design: Seats and Votes in Russia's Regional Legislative Elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 1.

Golosov G.V. 2010. The Effective Number of Parties: A New Approach // *Party Politics*. Vol. 16. № 2.

Golosov G.V. 2011. Russia's Regional Legislative Elections, 2003—2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.

Golosov G.V. 2014. The Effects of Proportional Seat Allocation Methods upon Legislative Fragmentation: Evidence from Russia // *European Politics and Society*. 28.10.

Lipset S.M., Rokkan S. 1967. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. — N.Y.

Mozaffar S., Scarritt J.R., Galaich G. 2003. Electoral Institutions, Ethnopolitical Cleavages, and Party Systems in Africa's Emerging Democracies // *The American Political Science Review*. Vol. 97. № 3.

Neto O.A., Cox G.W. 1997. Electoral Institutions, Cleavage Structures, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. Vol. 41. № 1.

Ordeshook P.C., Shvetsova O.V. 1994. Ethnic Heterogeneity, District Magnitude, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. Vol. 38. № 1.

Panov P., Ross C. 2013. Sub-National Elections in Russia: Variations in United Russia's Domination of Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 4.

Reuter O.J., Remington T.F. 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.

Reuter O.J. 2013. Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 2.

Ross C. 2011. The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.

Taagepera R., Shugart M.S. 1989. *Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral System*. — New Haven, L.

White H. 1980. A Heteroskedasticity-Consistent Covariance Matrix Estimator and a Direct Test for Heteroskedasticity // *Econometrica*. Vol. 48. № 4.

С.И.Каспэ

ЕЩЕ О ПОНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ: ФОРМА И СУБЪЕКТ

Ответ Михаилу Ильину

Распалась связь привычная вещей;
Не держит центр, захвачен мир безвластьем,
На волю вырвался поток кровавой мути,
Все ритуалы очищенья затопив.

Уильям Батлер Йейтс
(пер. Н.Науменко и С.Силаковой)

Ключевые слова: политическая форма, метафора, центр, политический субъект, политический актор

Затеявшаяся на страницах «Политии» дискуссия о понятии политической формы[1], конечно, не спонтанна; учинить ее мы с Михаилом Васильевичем договорились лично и очно. Спор этот, правда, принял неожиданный и неудобный для меня оборот: мои скромные изыскания в интересующей нас обоих области политической науки оказались осыпаны настолько неумеренными похвалами, что я почувствовал себя заключенным в своего рода «золотую клетку». Чтобы двигаться дальше, из нее нужно найти выход; и я вижу его только в том, чтобы решительно взломать ту интеллектуальную конструкцию, в которой невольно оказался заперт. Взлом — иногда необходимое, но всегда грубое действие. Поэтому перед тем, как приступить к делу, я хочу — обязан — выразить глубочайшее почтение к коллеге Ильину. Его труды оказали на меня колоссальное влияние[2]. Однако то представление о научной *этике*, которое мы оба разделяем и которое нас тем самым объединяет (велик русский язык!), требует сейчас отложить в сторону *этикетные* соображения и далее высказываться без оглядки на них. К чему и приступаю.

[1] Каспэ [Kaspe] 2012; Ильин [Ilyin] 2014, 2015.

[2] И не только труды. Та персональная помощь и, я бы сказал, защита, которой на протяжении 18 лет одаривал меня Михаил Васильевич в ходе всех поворотных событий моей научной биографии, неоценима и неописуема.

Но сначала следует назвать те линии полемики, которые мне кажутся бесперспективными, не ведущими за пределы клетки. Прежде всего, я считаю ненужным вступаться за тех авторов, на чьи исследования я ориентировался (Этьен Балибар, Пьер Манан, Александр Мотыль, Шелдон Уолин, Карл Шмитт и др.), — несмотря на то что они удостоились от Ильина более или менее уничижительных и, на мой взгляд, в основном несправедливых оценок. Да, я по-прежнему полагаю, что мои «фавориты» внесли не меньший вклад в политическую науку, чем

«фавориты» Ильина (а «в среднем», пожалуй, и больший). Но тут дело вкуса; о вкусах не стоит спорить.

Затем, я не намерен дискутировать с Ильиным по вопросам лингвистическим и этимологическим. Его познания в этих областях неизмеримо шире моих, и если Ильин полагает, например, что латинская forma не только не производна от греческой μορφή, но и «противостоит» ей[3], то мне остается только смиренно принять его суждение как безусловно авторитетное (не забывая, впрочем, о существовании иных и тоже вполне авторитетных точек зрения на этот счет, на которые я и ссылался).

[3] *Ильин [Ilyin] 2014: 61.*

Далее, я не хочу вдаваться в обсуждение тонких дистинкций «понятий, метафор и когнитивных схем»[4] (и тем более «понятийных метафор и метафорических понятий»[5]). Конечно, есть исследовательские цели, для достижения которых эти различения чрезвычайно важны. Но я ставил перед собой другие цели, и для их достижения было вполне достаточно оттолкнуться от того основательного положения, что человеческие мысль и язык метафоричны по самой своей природе, что именно «переносы смысла» являются основным способом нашего обращения с реальностью и что, следственно, никакие «циклы тривиализации и детривиализации» терминов и концептов, о которых пишет Ильин, их фатальной метафоричности упразднить не в состоянии. Я вовсе не впадал в иллюзию «полного и безоглядного воспроизведения метафоры»[6] как единственно возможного модуса ее функционирования — просто потому, что, не сомневаясь в самом существовании этого и других модусов, совсем их не изучал, не проводил соответствующих градаций. Поэтому выпад Ильина («Подобного рода мыслительные ухищрения являются уловкой разума (List der Vernunft), столкнувшегося с непереносимой сложностью и многоликостью мира, с множественностью переходов от действительности к мысли и обратно»[7]), мне кажется, сделан не по адресу — какие уж тут ухищрения? Наоборот, сплошные упрощения. Причем сознательные — бритва Оккама и так порядком затупилась от редкого использования, а без этого инструмента интеллектуальную гигиену поддерживать трудновато. Я уж не говорю об изысканной метафорике концептуализаций самого Ильина, далеко превосходящей ту, на которую я способен. Да вот хотя бы: «...метафоры, а также связанные с ними слова и выражения обыденного языка, научные понятия и термины существуют самостоятельно и живут своей жизнью. Если они и „гибнут“, то скорее как Феникс, который возрождается из пепла, но „помнит“ о своем происхождении и прежних своих воплощениях»[8]. Или, еще лучше, рассуждение о множестве подвидов «средоточий — ядер, сердец, середин, сердцевин и, наконец, центров»[9]. Не будучи в состоянии ни операционализировать разницу между метафорами, скажем, «сердца» и «сердцевины», ни вообразить такую операционализацию, ни представить себе, для чего она могла бы понадобиться политической науке[10], я использую для обозначения всего этого класса явлений простое слово «центр». Не слишком интересуясь тем, метафорическое ли это понятие или понятийная метафора.

[4] *Ильин [Ilyin] 2015: 91.*

[5] *Там же: 89.*

[6] *Там же: 91.*

[7] *Там же: 89.*

[8] *Там же: 91.*

[9] *Там же: 88.*

[10] *За вычетом разве что дискурс-анализа — которым, впрочем, ни Ильин, ни я все равно не занимаемся.*

Теперь о вещах более важных — о тех моих принципиальных несогласиях с Ильиным, развертывание которых проложит дорогу вон из «золотой клетки». Зачем я с такой настойчивостью ее ищу, зачем так горячусь, когда речь идет о вещах вроде бы предельно отвлеченных и спекулятивных, станет понятно не сразу. Но станет.

Прежде всего я категорически — и категориально — не согласен с предложенной Ильиным модификацией моего определения политической формы. Напомню: в моем понимании политическая форма есть «*интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти*, которая в определенных условиях места и времени, для определенной политии (или для ансамбля политий) играет роль одновременно *дескриптивную*, *аскриптивную* и *прескриптивную*… получающая свое отдельное имя уже в качестве метафоры *второго порядка*»[11].

[11] *Каспэ [Kaspe] 2012: 13.*

NB! Попутно поясню вызвавший недоумение Ильина и, видимо, действительно не до конца ясный оборот «метафора второго порядка». Он прав: тут имелись в виду скорее «„метафорические“ завершения все новых и новых циклов концептуализации», чем «„абсолютизация“ редуцированной когнитивной схемы»[12]. Постепенная сборка, подгонка и приспособление друг к другу *отдельных* метафор, использующихся для указания на *отдельные* аспекты отношений господства-подчинения (а иначе как метафорически на них и не укажешь), со временем приводят к их объединению в более или менее плотно сбитый конгломерат — не вполне однородный, пронизанный внутренними напряжениями, но все же достаточно структурированный и довольно интегрированный. Следующим ходом отыскивается метафора, указывающая уже на конгломерат в целом (и тем самым на ассоциированную с ним политию, тоже в целом). Вот ее-то я и назвал «метафорой второго порядка» — то есть «метафорой метафор», содержащей в себе в свернутом и потому уже не очевидном состоянии более частные переносы смысла (метафоры первого порядка). Их обнаружение требует специальной настройки аналитической оптики и нетривиальных мыслительных процедур (хороший пример такой работы дает недавно изданная по-русски книга Филипа Манова[13]). Однако в политической повседневности люди преимущественно обходятся именно укрупненными смысловыми конгломератами — город vs. империя, империя vs. нация, демократия vs. тирания etc. Таковы — перефразируя название знаменитой книги Джорджа Лакоффа и Майкла Джонсона — political forms we live by. And die for.

[12] *Ильин [Ilyin] 2015: 85.*

[13] *Манов [Manow] 2014.*

Ильин модифицирует это определение следующим образом: «композиция взаимно комплементарных пространственных (а также темпоральных и иных) метафор власти (и не только власти, но также свободы-мира, порядка и т.п.)», поясняя, что «дополнения в основном

касаются темпоральности и „невластных“ аспектов политики», и полагая, что тем самым делает определение «проще и отчетливей»[14]. Не согласен: и не проще, и не отчетливей.

[14] *Ильин [Ilyin] 2015: 85.*

«Невластных» аспектов политики, на мой взгляд, не бывает. Проблема властвования одних людей над другими неустранимо присутствует и в любом политическом действии, и в любом политическом размышлении. Более того, она субстантивна и конститутивна для них обоих. Разве могут вопросы свободы, мира и порядка обсуждаться в отвлечении от проблемы властвования? И разве в политической практике они решаются (или когда-либо решались) в таком отвлечении? Гарольд Лассуэлл — один из тех авторов, которых мы с Ильиным ценим оба. Поэтому приходится напомнить данное Лассуэллом (в соавторстве с Абрахамом Капланом) классическое определение предмета политической науки, то есть политики per se: «образование и распределение власти» (shaping and sharing of power)[15]. Слово «shaping» трудно с полной адекватностью перевести на русский; «образование» — неплохой вариант, но его надо читать как «придание образа». То есть *формы*.

[15] *Lasswell, Kaplan 1950: XIV.*

Что же касается «темпоральности», то настолько радикальное расширение понятия формы до такой степени противоречит базовому, общеупотребительному (на протяжении последних веков и даже тысячелетий) значению слова, что способно полностью обессмыслить его использование в качестве аналитической категории. Безусловно, пространство и время связаны (все в этом мире связано); но мы же не станем приписывать таким словам, как «час» или «век», пространственные коннотации? Не станем отвечать на вопрос «какова форма этой фигуры?» — «полшестого»? Или на вопрос «сколько времени?» — «треугольник»?

Конечно, формы вообще и политические формы в частности текучи, подвижны и изменчивы (кстати, для меня эталонным примером внимательной, чуткой реконструкции их движения остается замечательная книга Ильина[16]). Однако я считаю, что тем *процессуальным* факторам, которые на них разнообразно воздействуют (вызывая их консолидацию и эрозию, деградацию и реновацию), лучше оставить статус *независимых* переменных — и сосредоточиться на политической форме как переменной *зависимой*. Может так статься, что в результате топологических преобразований квадрат превратится в круг (или, скажем, полис в империю, или империя в национальное государство). Но, во-первых, не его квадратность станет causa formalis такого превращения, и совершит он его не сам, не собственной волей (ни у квадрата, ни у империи, ни у государства собственной воли нет — она есть только у людей). Новую форму ему придаст *некто* (кто? этим вопросом еще предстоит задаться). Во-вторых, превратившись в круг, квадрат перестанет быть квадратом. И новую форму, которую примет некогда составлявший его субстрат (множество точек), придется описывать и исследовать заново.

[16] *Ильин [Ilyin] 1997.*

Таким образом, включение в состав понятия политической формы, помимо пространственного смысла (i.e. пространственной мета-

форики), еще и смысла темпорального (i.e. темпоральной метафорики), не говоря уже о загадочных «иных» метафориках, как раз и приводит к той «концептной натяжке» (conceptual stretching, по Джованни Сартори), которая, по мнению самого же Ильина, «увеличивает хождение» понятия... но ценой «утраты четкости»[17]. Я очень хотел бы «увеличить хождение» понятия политической формы — но не такой ценой.

Потому что я считаю, что оно может и должно быть операциональным, причем в усиленном понимании этого определителя. Что оно может — а значит, должно — применяться не только в той das Glasperlenspiel, которой мы с наслаждением отдаемся при первой возможности (да и при последней тоже — уже стоя на краю пропасти), но и в поиске ответов на актуальные политические вызовы. И здесь еще один пункт наших принципиальных расхождений с Ильиным.

Ведь хорошо видно, что он использует понятие политической формы преимущественно в целях ретроспекции. Такое направление взгляда само по себе обладает неоспоримой ценностью и автономным достоинством, и я последний, кто станет это отрицать. В конце концов, не случайно, что наша с Ильиным полемика ведется на страницах журнала «Полития», продолжающего труды и занятия передавшей ему свое название Группы ретроспективной и сравнительной политологии[18]. Но ретроспекцию все же не следует абсолютизировать, доводить ее до тотального детерминизма в духе Никколо Макиавелли: «...чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что все происшествия мира имеют всегда соответствующие отношения с теми, которые уже прошли»[19]. Не то чтобы Ильин делал буквально то же самое, но склоняется он все-таки в эту сторону.

Его увлекает «тотальная первобытность»: ведь она «охватывает 95% всей истории человечества. Представьте, сколько метаморфоз совершилось за это время в рамках множества относительно изолированных родов-человечеств. Какой потенциал разнообразия форм был выработан! Что на этом фоне суета последних 4—5 поколений...»[20] (Допустим; затруднение и даже, как сейчас принято выражаться, засада в том, что эти увлекательные метаморфозы мы можем именно и только «воображать», причем совершенно невозбранно — поскольку никаких источников, по которым их можно было бы доказательно реконструировать, в нашем распоряжении нет и не предвидится.) Он обращается к «ностратическим этимологиям» (мирно признавая их «гадательность»[21]). Он уверенно пишет о «первочеловеческом мире», из которого постепенно вызревает «более отвлеченная инстанция авторитета — чудесной порождающей, плодоносной силы... а фактически лишь средоточия циркуляции власти»[22]; о «родовом строе» гоминид, еще только предварявших появление homo sapiens; о «неясных праформах» и «просвечивающих представлениях»; о вождествах (Herrschaft) и патримониумах; о Чжунго и Маурьях; об «отдельных казусах» афинской архе и киевской державы как о затмевающей сознание «злобе дня»... Наверное, достаточно.

[17] Ильин [Ilyin] 2015: 90.

[18] См. единственный, но очень важный оставленный ею материальный след: Зубов, Салмин, Тайван [Zubov, Salmin, Taivans] (ред.) 1991.

[19] Макиавелли [Machiavelli] 1998: 517. Попутно замечу: как все-таки интересна эта чисто ньютоновская картина мира — за сто с лишним лет до собственно Ньютона, до «Математических начал натуральной философии»! Мы привыкли думать, что науки о человеке следуют за науками о природе и пользуются их открытиями. Похоже, бывает и наоборот.

[20] Ильин [Ilyin] 2015: 87.

[21] Там же: 93.

[22] Там же: 87.

Все это чрезвычайно интересно и несомненно важно — говорю это совершенно искренне и без малейшей иронии. Однако мой взгляд направлен в другую сторону от точки hic et nunc; мой взгляд не ретро-, а проспективен. Меня интересует не только и не столько «откуда мы?», сколько «куда мы идем?». Вот зачем понятию политической формы должна быть придана максимальная операциональность — в, если угодно, *оперативных* целях. Вот почему я протестую против его произвольных расширений, притупляющих это аналитическое орудие. Инструмент должен быть острым. Вот почему я не только отклоняю предложение подсоединить темпоральные аспекты и контексты к понятию политической формы и ограничиваю его пространственными коннотациями, но и остаюсь при своем мнении относительно конфигурации «центр/вертикаль — периферия» как ключевой в ряду пространственных метафор, используемых для указания на конкретные особенности той или иной политической формы и для их различения между собой. Безусловно, таких метафор, обычно носящих бинарный характер, много. Ильин совершенно прав, напоминая о важности оппозиций «верх — низ», «внешнее — внутреннее», «система — среда», «свои — чужие»... Верно; более того, и этот перечень еще не закрыт, в нем как минимум не хватает оппозиции «левое — правое», великолепно исследованной Жаном Лапонсом[23]. Но легко видеть, что все названные (подозреваю, что и неназванные тоже) метафоры производны от образа центра, вторичны по отношению к нему. Ось «верх — низ» (то есть Axis Mundi) проходит через центр мира или через некую ничем не примечательную точку? Центр вовне или внутри? Среда — внешняя по отношению к системе? Свои — в центре или где-то на горизонте?

[23] *Laponce 1981.*

Потому что метафора центра — это метафора власти par excellence, о чем я подробно писал в первой главе своей книги «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма»[24]. Причем власти в самом широком диапазоне ее ипостасей, от «жесткой» власти «легитимного насилия»[25] и «реальной возможности физического убийства»[26] до «мягкой», символической и символизирующей, но от того не менее действенной власти «номинации как... благословения легитимного видения социального мира»[27], власти как «производства истин»[28] и «способности придавать некую *форму* (курсив мой — *С.К.*) преференциям других»[29]. Снова — в который раз — напоминаю о той восхитительной лапидарности, с которой описывал эту многоликую, но неизменно властную природу центра Эдвард Шилз: «Быть „центром“ означает определять должные объекты ориентаций — путем прямого приказа, рекомендации или олицетворения (embodiment). Быть „центром“ означает обладать знанием, которое рассматривается другими как желанное, поразительное или опасное для его обладателя. Быть „центром“ означает быть объектом не только повиновения, но и подражания»[30]. А значит, и в корпусе политических метафор метафора центра занимает *центральное* во всех смыслах место, и да простится мне эта неуклюжая, но не случайная тавтология.

[24] *Каспэ [Kaspe] 2007: 11—44.*

[25] *Вебер [Weber] 1990a: 645.*

[26] *Шмитт [Schmitt] 1992: 43.*

[27] *Бурдье [Bourdieu] 1993: 72.*

[28] *Фуко [Foucault] 2002: 286.*

[29] *Най [Nye] 2006: 31.*

[30] *Shils 1988: 251.*

Но власть по своей природе субъектна.

NB! Разумеется, если отвергнуть пропагандировавшийся Мишелем Фуко образ «власти без трона»[31], децентрированной и бесформенной. Что ж, я его отвергаю: по причинам, описанным в той же главе «Центров и иерархий», а пуще и прежде того — прислушиваясь к голосу здравого смысла. Мне кажется, что утверждать, будто «власть — это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе»[32], можно либо от полной индифферентности к политическому, порожденной комфортным существованием в башне из слоновой кости, вдали от властных воздействий (что к Фуко вряд ли относится), либо от отчаяния, порожденного как раз чудовищной болезненностью этих непрекращающихся, мучительных воздействий — и невозможностью найти и уничтожить их источник. Как-то само собой приходит на ум стихотворение Гаука, персонажа повести братьев Стругацких «Трудно быть богом», написанное им в предчувствии арканарской резни:

[31] *Фуко [Foucault] 1996: 190.*

[32] *Там же: 192.*

«Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...»

Но в отчаянии Фуко тоже трудно заподозрить — все, что мы о нем знаем, дезавуирует эту гипотезу, да и он сам ее дезавуировал: «Часто говорилось (и критики ставили мне это в укор), что я, располагая власть везде и всюду, исключаю всякую возможность сопротивления. Как раз наоборот! Я имею в виду, что властные отношения с необходимостью вызывают сопротивление, каждое мгновение взывают к нему, открывают для него возможности»[33]. Тут загадка. Не пытаясь ее разрешить, я все же закончу это отступление продолжением цитаты из Стругацких: «...У спрута есть сердце. И мы знаем, где оно». В центре, конечно.

[33] *Фуко [Foucault] 2002: 290.*

А если власть субъектна, если ее ключевой метафорой является центр, если субъектом власти является тот, кто находится в центре, и если политическая форма как «интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти», играющая роль «одновременно дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную», определяется в первую очередь именно специфической метафорикой центра, периферии и вертикали, то... То обрисовывается перспектива операционального (и, повторю, *оперативного*) применения понятия политической формы. Кто, собственно, задает форму? Кто *формирует* политическое? Who shape the power? И *как* он это делает?

Здесь нужно привести довольно обширную цитату из «Центров и иерархий» — чтобы привлечь внимание к одному мимоходом заданному в ней вопросу, на который я тогда так и не попытался ответить и который теперь занимает меня все больше.

«Что значит — иметь центр? Какова, хотя бы в самом общем виде, семантика этого слова, какие смыслы несет оно в себе и внедряет в социальную реальность (или отцеживает из нее)? Словарь Макса Фасмера предлагает следующую генеалогию: „Через нем. Zentrum — то же из лат. centrum от греч. κεντρον “острие (циркуля)”“. Один из лучших этимологических словарей английского языка, The American Heritage® Dictionary of the English Language, уточняет, что κεντρον, в свою очередь, восходит к глаголу κεντειν — прокалывать, причем морфема kent- отнесена к разряду древнейших индоевропейских корней. Таким образом, понятие „центр“ изначально (по крайней мере, в пределах индоевропейской языковой семьи) содержит некоторые смысловые компоненты, возможно, большей частью латентные, но от того не менее значимые.

Прежде всего: „центр“ есть нечто единичное и при этом, во-первых, окруженное множественностью, во-вторых, производящее ее. Совершаемое циркулем движение очерчивания, выделяющее и ограничивающее фигуру в бесконечной плоскости, *следует за* движением обозначения, намечающим центр будущего круга и делающим возможным его возникновение. Принципиально важно, что одновременно с представлением о центре вводится и представление о вертикали, вторгающейся в плоскость и возвышающейся над ней. Центр появляется в результате воздействия некоей внешней по отношению к плоскости силы, которая помечает своим присутствием единственную точку (что, кстати, позволяет задаться вопросом о критериях ее выбора) — и следующим ходом очерчивает ту совокупность, что будет отныне выступать в качестве порожденной центром и неразрывно с ним связанной периферии»[34].

[34] *Каспэ [Kaspe] 2007: 24.*

Вопрос, о котором я говорю, — это, конечно, вопрос о *критериях выбора центральной точки*. Но он повис в воздухе, потому что его имеет смысл адресовать только тому, кто совершает этот выбор. Так кто же держит циркуль? Кто его направляет, кто устанавливает одну его ножку в центр, ipso facto обращающийся из потенциального в актуальный, а другой совершает «движение очерчивания»? Кто определяет режим взаимодействий между центром (который — не надо забывать важную оговорку Шилза — сам представляет собой «целый кластер центров и контрцентров»[35]), субцентрами и периферией? Тот, кто это делает, определяет форму; в геометрии — геометрическую, в политике — политическую. Тот, кто это делает, обладает властью установления и конституирования, властью царя, по Эмилю Бенвенисту, то есть властью «отделения внешнего от внутреннего, священного царства от царства профанного, своей земли от чужой»[36]. И эта власть не просто политическая (хотя политическая тоже); она мета- и супраполитическая, она

[35] *Shils 1988: 253.*

[36] *Бенвенист [Benveniste] 1995: 252.*

предшествует всякой другой политической власти, которая впредь будет осуществляться в назначенных пределах и в положенной форме. Власть *формирующая* в некоторых технических отношениях может уступать более привычной политической власти, действующей уже в рамках определенной формы, — тут я отсылаю к фигуре Законодателя, возможно самой загадочной в политической философии Жан-Жака Руссо, и к ее тонкой интерпретации, предложенной Алексеем Салминым: «„Законодатель“, этот полубог или человекобог, в сущности довольно ничтожная личность, гофмановский „крошка Цахес“, столько же вождь, сколько и раб»[37]. Впрочем, грань между переменяющей мир *властью установления порядка* и управляющей уже претерпевшим перемену миром, более рутинной *властью поддержания порядка* мыслима лишь аналитически — в реальности она проницаема, причем с обеих сторон. Об этом убедительно свидетельствуют, например, политические биографии таких «отцов-основателей» (Founding Fathers) американской политии, как Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, после совершенного ими акта основания возглавлявших и направлявших свое собственное детище уже в гораздо более тесных рамках предписанного конституцией президентского функционала. Или — тоже например — политическая биография Владимира Путина, наоборот, плавно сменившего первоначально предназначавшуюся ему (и исполнявшуюся им) роль хранителя и охранителя худо-бедно сложившегося в первые семь лет после принятия российской Конституции политического порядка на роль его переучредителя (менее de jure, более de facto, но тем не менее).

[37] Салмин [Salmin] 2009: 62.

Спрашивая, кто придает политическому ту или иную форму, я a priori выношу за скобки все неверифицируемые средствами дисциплинарной (а значит, дисциплинированной) науки ответы. Во-первых, я не верю в какое бы то ни было самодвижение политических конфигураций, в необоримую силу какой бы то ни было традиции, в замкнутые «эволюционные циклы» и «цивилизационные ритмы», будь они неладны[38]. Мы уже понимаем, что на любой генетический код (да и на любую «духовную скрепу») рано или поздно найдется своя генная инженерия — скажем, опыт двух столь различных корейских политий, равномерно произросших из одной и той же «Страны утренней свежести», свидетельствует об этом с совершенной ясностью. Если *что-то делается*, то это *кто-то делает* — вольно или невольно, рефлексивно или нерефлексивно, автономно или мобилизованно, индивидуально или коллективно, но *делает*.

[38] «Эоны» и «хризалиды», которыми изобилуют тексты Ильина, меня тоже смущают.

Единственные акторы истории и политики — это обладающие неотменимой свободой воли человеческие существа. Они действуют то солидарно, то вразброд, равнодействующая их стремлений то слагается в единый вектор таранной мощи, то рассыпается в прах. Но атомарной единицей анализа любой социологии (в том числе социологии политики, которой мы в этом журнале занимаемся) должно остаться веберовское «социальное действие» — то есть «действие человека, <...> кото-

рое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»[39].

[39] Вебер [Weber] 1990б: 602—603.

Во-вторых, я — по причинам, экспликация которых стала бы и неуместной, и излишней, — не отрицаю in toto возможности провиденциальных вмешательств в человеческую жизнь вообще и в ее политическое измерение в частности. Однако орудием Провидения все равно становятся исключительно человеческие существа, совершающие определенные (пусть даже отчасти предопределенные) социальные действия — которые, следовательно, все равно находятся в ведении социальных и политических наук. Да, 12 коршунов показались над Палатином, а над Авентином — только шесть. Да, это было небесное знамение будущего центра, caput mundi, arx Romani Imperii[40]. Но провел священную борозду (pomerium), убил Рема и основал Рим, то есть проколол (κεντειν) и перекроил ткань человеческого мира по меньшей мере на 12 веков вперед, именно Ромул, а никак не коршуны и не те (тот), кто их послал. И это были вполне социальные действия, совсем по Максу Веберу.

[40] Конечно, тут я, как обычно, исхожу из теоремы Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям» (Thomas W.I., Thomas D.S. 1928: 571—572).

А еще важно принять в расчет, что субъекты, акторы (и индивидуальные, и коллективные) не только создают политические формы, но и разрушают их. Возможно, для того чтобы воздвигнуть новые; возможно, и не преследуя никаких других целей, кроме разрушения (причем и разрушение старой политической метафорики, и конструирование новой, конечно, далеко не только дискурсивные действия, их цена — кровь и кости). Не то чтобы я полностью разделял панический страх Шелдона Уолина, который внушили ему надвигающиеся на Запад «бесформенные формы» власти (formless forms)[41]; и я даже не до конца понимаю, что он имел в виду и как мыслим настолько безликий ужас. Бывают и такие формы, которые хуже бесформенности, и их очертания делаются все отчетливее. Но в любом случае следует помнить и воспринимать как *исследовательский вопрос* последние строки стихотворения Йейтса, первая строфа которого стала эпиграфом к этой статье: кто тот «Зверь, чей пробил час теперь, / Грядет на Вифлеем, чтобы родиться»? И что он предпримет, родившись, какими ресурсами воспользуется? Сколько еще времени осталось тем политическим формам, в которых мы сейчас живем, и что придет им на смену? Видимо, операционализация понятия политической формы необходимо требует обращения к проблематике политической субъектности — и нужна прежде всего для ее прояснения (впрочем, et vice versa).

[41] Wolin 2004: 559.

Я бесконечно благодарен Ильину за то, что он направил мои размышления в эту сторону. Я полагаю, что наша полемика оказалась полезна, поскольку прояснила и различия в наших воззрениях на политическую форму, и их, воззрений, обоюдную комплементарность. Я не опровергаю построения Ильина; я просто думаю по-другому и в другой перспективе. Именно политическая субъектность — соположенная понятию политической формы — станет предметом моих дальнейших изысканий.

Библиография

Бенвенист Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. — М. [Benveniste É. 1995. Slovar' indoevropejjskikh social'nykh terminov. — M.].

Бурдье П. 1993. Символический порядок и власть номинации // Бурдье П. *Социология политики*. — М. [Bourdieu P. 1993. Simvolicheskijj porjadok i vlast' nominacii // Bourdieu P. Sociologija politiki. — M.].

Вебер М. 1990а. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990a. Politika kak prizvanie i professija // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — M.].

Вебер М. 1990б. Основные социологические понятия // Вебер М. *Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990b. Politika kak prizvanie i professija // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — M.].

Зубов А.Б., Салмин А.М., Тайван Л.Л. (ред.) 1991. *Ретроспективная и сравнительная политология*. Вып. 1. — М. [Zubov A.B., Salmin A.M., Taivans L.L. (red.) 1991. Retrospektivnaja i sravnitel'naja politologija. Vyp. 1. — M.].

Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий*. — М. [Ilyin M.V. 1997. Slova i smysly: Opyt opisanija kljuchevykh politicheskikh ponjatijj. — M.].

Ильин М.В. 2014. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // *Полития*. № 4 [Ilyin M.V. 2014. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (I) // Politeia. № 4].

Ильин М.В. 2015. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // *Полития*. № 1 [Ilyin M.V. 2015. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (II) // Politeia. № 1].

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М. [Kaspe S.I. 2007. Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. — M.].

Каспэ С.И. 2012. О понятии политической формы // *Полития*. № 4 [Kaspe S.I. 2012. O ponjatii politicheskojj formy // Politeia. № 4].

Макиавелли Н. 1998. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*. — Ростов-на-Дону [Machiavelli N. 1998. Rassuzhdenija o pervojj dekade Tita Livija // Machiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdenija o pervojj dekade Tita Livija. — Rostov-na-Donu].

Манов Ф. 2014. *В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства*. — М. [Manow Ph. 2014. V teni korolejj: Politicheskaja anatomija demokraticheskogo predstavitel'stva. — M.].

Най Дж. 2006. *Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике*. — Новосибирск [Nye J. 2006. Gibkaja vlast': Kak dobit'sja uspekha v mirovojj politike. — Novosibirsk].

Салмин А.М. 2009. *Современная демократия: Очерки становления и развития*. — М. [Salmin A.M. 2009. Sovremennaja demokratija: Ocherki stanovlenija i razvitija. — M.].

Фуко М. 1996. *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*. — М. [Foucault M. 1996. Volja k istine: Po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. — M.].

Фуко М. 2002. Власть и знание // Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. Ч.1. — М. [Foucault M. 2002. Vlast' i znanie // Foucault M. Intellektualy i vlast'. Ch.1. — M.].

Шмитт К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 1 [Schmitt C. 1992. Ponjatie politicheskogo // Voprosy sociologii. № 1].

Laponce J.A. 1981. *Left and Right: The Topography of Political Perceptions*. — Toronto.

Lasswell H.D., Kaplan A. 1950. *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. — New Haven, L.

Shils E. 1988. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935 — 1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.

Thomas W.I., Thomas D.S. 1928. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. — N.Y.

Wolin S. 2004. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. — Princeton, Oxford.

К.О.Телин

ДЕНОМИНАЦИЯ КЛАССА

Ключевые слова: класс, политический процесс, капитализм, марксизм, общество, группы давления

В 1986 г. немецкий социолог Ульрих Бек опубликовал работу «Общество риска», в которой утверждал, что современное индустриальное общество переживает очередную смену парадигмы, вызванную динамикой производственных отношений второй половины XX в. В представлении Бека актуальные социальные процессы наполнялись содержанием почти фантастическим, подлежащим обсуждению скорее в публицистической, нежели в философской и научной среде: не фокусируя внимания на стоявших на повестке дня конъюнктурных вопросах (холодная война, нефтяные шоки, перестройка etc.), Бек вместо этого отмечал всеобщность напряжения, разлитого по обществу, а фактически и прямую неспособность последнего избежать участия в бесконечном карнавале опасностей и рисков. Скептицизм и порождающее бесчисленные риски одиночество человека (и, как ни странно, общества) стали неотъемлемыми чертами концепции Бека; как писал сам автор, «движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: „Я хочу есть!“ <...> Движущая сила общества риска выражается фразой: „Я боюсь!“»[1].

[1] *Бек [Beck] 2000: 36.*

Безотносительно к истинности или ложности концепции Бека (равно как и ее постмодернистской яркости) важно отметить тот приговор, который она выносит общественной среде. Общество стремительно меняется, и трансформируется в нем не только понятие риска, но и иные категории, куда более значимые для политической теории. Как указывает Джованни Арриги, «история постоянно приводит в беспорядок стройные концептуальные построения и теоретические посылки, на основе которых мы пытаемся понять прошлое и предсказать будущее мира, в котором живем»[2].

[2] *Арриги [Arrighi] 2008.*

К числу важнейших объектов подобной ревизии, бесспорно, относятся теории социальной стратификации и класс как один из основных элементов таковой. Если сегодня лишь у немногих остаются сомнения в общей (за некоторыми исключениями) неактуальности понятий касты или сословия, то мышление в классовых категориях по-прежнему воспринимается в гуманитарных науках comme il faut. Примечательно, что популярность классового подхода слабо связана с идеологическими предпочтениями исследователей и политиков: возникнув как понятие строго «левое», класс со временем превратился в подлинно общеупотребительный инструмент. Его с равной убежденностью в своей правоте применяют либералы и консерваторы, социалисты и патриоты, о классе

с исключительной дотошностью писал Ллойд Уорнер[3], не ограниченный, в общем-то, в выборе терминов и категорий. Вероятно, именно с признания столь удивительного положения классовых конструкций и следует начинать их рассмотрение.

С позиций широкого спектра современных исследований в понятии класса соединены два аспекта, в чем-то противоположные и даже противоречащие друг другу. С одной стороны, имеются четко сформулированные теоретические основания для обозначения этим термином некоей группы или даже страты (различия здесь не очевидны, но критически важны[4]); с другой — класс представляет собой политически и (в некоторых случаях) оценочно нагруженное понятие, используемое в устоявшихся марксистских схемах господства и угнетения. В последнем случае класс выступает не столько как инструмент социологического анализа, сколько как политическая категория. Одно дело — вести разговор об отношениях собственности и участии в производстве общественного блага, другое — интерпретировать эти отношения под углом зрения постоянного поддержания политического и идеологического господства.

Марксистская линия в этом плане, бесспорно, последовательна, ибо утверждает базисный статус экономических явлений по отношению ко всем прочим. Однако вне марксистского подхода сочетание двух аспектов «класса» привносит в политический дискурс причудливую химеру, к которой обращаются то с экономико-статистическими, то с откровенно манипулятивными целями. Вершиной подобного преображения и «деноминации» классовой модели является идея «среднего класса», столь популярная среди политиков, которые ссылками на величие этого «класса» расширяют собственную электоральную базу (в том числе благодаря чрезвычайному плюрализму исследователей в отношении его дефиниций). Стоит повториться: в марксистских построениях есть хотя бы четкая логика, пусть и возвращающая исследователя к допущению об изначальной «скверности» человека, то и дело прибегающего к внеэкономическим средствам для поддержания своего экономического положения. В рамках же современных классовых построений обнаруживается множество связей и закономерностей, не подтвержденных эмпирически и относящихся к некоему умозрительному идеалу. Пол Кругман, например, называет общество среднего класса обществом будущего, так и не объясняя толком, что такое «средний класс»[5].

Впрочем, обращение к понятию класса вне традиционных левых представлений об экономической природе последнего характерно и для таких исследователей, как Пьер Бурдьё[6] или Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф[7]. Первый отмечал номинальность устанавливаемых в обществе «классов», указывая на обусловленную их сугубо потенциальной реальностью мобилизационную необходимость[8]; Лакло и Муфф подчеркивали, что для утверждения класса в качестве субъекта социально-политического действия требуется актуализирующая посылка — конституирование себя в рамках дискурсивного пространства[9].

[3] Киселев [Kiselev] 2008: 355–356.

[4] Понятие группы не предполагает представления о структурной позиции и роли внутри общественной организации, понятие страты — предполагает в обязательном порядке, поскольку последняя выступает элементом соответствующей схемы.

[5] Кругман [Krugman] 2009: 51.

[6] Bourdieu 1983; Бурдьё [Bourdieu] 1993.

[7] Laclau 1985; Лакло, Муфф [Laclau, Mouffe] 2004; Laclau 2005.

[8] Бурдьё [Bourdieu] 1993.

[9] Лакло, Муфф [Laclau, Mouffe] 2004.

Становление класса, в их глазах, de facto представляет собой перформативное действие — чтобы явиться на свет, классу как таковому нужно произнести: «Я существую». С точки зрения Лакло и Муфф, классовая идентичность есть прямой результат политического жеста и дискурсивного конструирования, а не только и не столько экономической реальности[10].

[10] Там же.

Отчасти это примиряет два упомянутых выше аспекта классовой модели, однако ставит перед исследователями новую трудновыполнимую задачу. Становится недостаточным лишь постулировать политическое измерение того или иного класса, необходимо представить основания, имеющиеся для этого в конкретной идентичности и мировосприятии. По сути, это и есть ключевая точка «деноминации» класса: актуальность данного понятия в современном политическом анализе находится под сомнением, поскольку самоконструирование новых или старых групп под лозунгами классовой борьбы пусть не совсем невозможно, но уж точно крайне затруднено. Классовые столкновения если и укладываются в прежнюю, основанную на экономическом антагонизме модель борьбы, то только в новом формате (борьба привилегированных и «исключенных»[11], богатых и бедных, олигархов и прекариата[12]). Подобная же реконструкция, во-первых, нуждается в аналитическом (нейтральном или ангажированном) фундаменте, а во-вторых, вполне может оказаться за пределами обычных левых позиций, став достоянием других сил — вплоть до прямых оппонентов социалистов из националистического лагеря.

[11] Тэйлор [Taylor] 2002.

[12] Standing 2011.

К важнейшим причинам изменения привычного положения вещей принято относить усложнение материального производства, все большее разнообразие товаров и услуг и невозможность выделения в этом «богатстве народов» некогда реальных категорий «буржуазии», «пролетариата» и пр. Если это утверждение и верно, то лишь отчасти: даже самую разношерстную номенклатуру вполне можно рассматривать сквозь классовую призму, поскольку она базируется на изначальном содержании экономических процессов. Теоретиков, полагающих, будто классы не охватывают весь плюрализм и всю «свободу» рыночной экономики, можно сравнить с биологами, при открытии нового вида пытающимися пересмотреть основы классификации живых организмов.

Единственное рациональное зерно, содержащееся в гипотезе об экономической невозможности классового разделения, состоит в том, что распространение частной собственности действительно усложнило выявление внутри экономики диспозиции тех, кто не владеет хоть какими-то средствами производства. Наличие относительно многочисленной элиты (прежде всего интеллектуальной) за пределами традиционных «сливок общества», да и вообще теория и практика множественных элит[13], подвергают серьезному сомнению обычное представление об эссенциализме «эксплуататоров» и «эксплуатируемых». Если раньше статус пролетариата подкреплялся многими внеэкономическими пара-

[13] Даль [Dahl] 2010; Парето [Pareto] 2011.

метрами (отсутствие доступа к правам и свободам, свободного времени etc.), то сегодня иной «человек труда» в данном отношении неотличим от среднестатистического «буржуа», и обнаружить пролетариат в его исконном виде (*haben nichts in ihr zu verlieren als ihre Ketten*[14]) не так-то просто. Однако это не значит, что невозможно: достаточно вспомнить тезис Антонио Грамши о переходе от экономического противостояния к культурному[15].

Куда более важным и знаковым для политического измерения класса является то интеллектуальное, культурное и даже потребительское разъединение, которое превращает любую прежнюю схему в бесконечно сложное пространство, описанное Бурдьё в рамках теории капиталов[16]. Глобализация, массовое производство и распространение по планете частного капитала, увязанного в систему оффшорных и трансакционных сетей, формируют среду «глобального разъединения», когда прежние поведенческие модели, культурные связи и идентичности переживают тяжелый период эрозии. И хотя в результате распада ранее существовавших ролей может появиться некая гомогенная масса «трудящихся», из этой возникшей по итогам дезинтеграции и сумятицы массы не образуется «класс-для-себя», ибо такие «трудящиеся» ощущают отсутствие коллективной идентичности. Даже внутри конкретного государства и его политического класса подчас трудно найти основания для идеологических или иных коалиций — последние по большей части носят конъюнктурный характер, выступая в качестве средства поддержания скорее частного, нежели коллективного господства. Класс, de facto нуждающийся в групповом самосознании или хотя бы чувстве сопричастности некоей общности, вырождается в примитивную форму олигархии, где даже представители одного как-бы-класса то и дело сталкиваются между собой, не осознавая, чем чреваты подобные игры на пороховой бочке гетерогенного общества. Именно поэтому «внутриклассовые», на первый взгляд, противоречия могут оборачиваться коллапсом всей политической системы, как произошло, например, в Югославии или Ливии.

Олигархия эта лишена того самого классового самосознания, о котором писали Лакло, Муфф и Бурдьё; напротив, она ориентирована на поддержание индивидуально-личностного господства во вполне конкретных сегментах общественной жизни — иное, как правило, есть не более чем продукт конспирологических построений. Подтверждением данного тезиса может служить периодически демонстрируемая «классами» неспособность отстоять собственные интересы перед лицом не только глобальных, но и внутренних конфронтаций.

Американский социолог Ричард Лахман выделяет три ключевых условия, позволяющих вести речь о монолитной элите (которой, как мы помним, для перевоплощения в класс необходимо еще и соответствующее сознание):

1) все ресурсы, отбираемые у производящего класса (классов), присваиваются некоей унифицированной организацией;

[14] «Нечего терять, кроме своих цепей» (цит. по: Маркс, Энгельс [Marx, Engels] 1848).

[15] Грамши [Gramsci] 1959: 470.

[16] См. Bourdieu 1983.

2) никакая соперничающая элита не способна создать конкурирующую организацию присвоения;
3) индивидуальные представители элиты или существующие внутри нее группы не в состоянии подорвать сложившуюся систему управления, лишив опоры других членов элиты[17].

[17] *Лахман [Lachmann] 2010: 32.*

Вряд ли кто-либо из исследователей согласится с тем, что данные условия соблюдаются сегодня в таком масштабе, при котором можно было бы всерьез говорить о сохранении классовой структуры общества. Напротив, даже при отсутствии серьезных социальных потрясений соперничающие элиты стараются максимально разнообразить способы поддержания статуса своих представителей, не опираясь, по большему счету, на какие-то консолидирующие механизмы. В роли унифицированной присваивающей организации может, конечно, выступать государство, однако современный капитализм парадоксальным (с точки зрения классового подхода) образом ослабляет именно эту организацию, сужая пространство ее монопольного господства. Бесспорно, капитализм продуцирует новые унифицированные структуры — корпорации, концерны, фонды, — но это уже не одна организация, не две и даже не пять; в таких условиях даже стройная логика организованной множественности («коалиций поддержки» в трактовке американского политолога Пола Сабатьера[18]) перестает работать. Как указывают Арриги, Иммануил Валлерстайн и Теренс Хопкинс, «упадок есть именно то, что он есть: долгосрочное ослабление центров государственной власти в их взаимоотношениях с главными точками сосредоточения капитала — транснациональными корпорациями, банками и банковскими консорциумами, а также их международными агентами»[19].

[18] *Sabatier, Jenkins-Smith (eds.) 1993.*

[19] *Арриги, Валлерстайн, Хопкинс [Arrighi, Wallerstein, Hopkins] 2008.*

В концепции Карла Маркса и Фридриха Энгельса класс фактически представляет собой политическую партию, в случае пролетариата начинающуюся с коалиций, создаваемых рабочими для защиты своих прав, а в случае буржуа подкрепляемую «подчинением всего общества условиям, обеспечивающим их [буржуазный] способ присвоения»[20]. Однако в современном обществе равно затруднено и то, и другое. Так, профсоюзная деятельность нередко сталкивается с нормативными ограничениями и подчас приобретает чисто номинальный характер, что вызвано целым рядом причин — от торга рабочих за сугубо индивидуальные улучшения или косметическое изменение производственного процесса до корпоративной природы современных профсоюзов. Поведение же правящей прослойки попросту не укладывается в логику «подчинения всего общества» — этому мешают как a priori меньшие аппетиты групп давления, так и принципиально конкурентные отношения между ними, препятствующие объединению в гомогенный класс. Кроме того, «буржуазию» в известном смысле можно назвать жертвой своих собственных действий: конструируя манипулятивные связи и снижая уровень общественных дискуссий, правящая прослойка в какой-то момент начинает играть против себя, становясь заложницей упрощенной и бессмысленной повестки дня. Разделяя и властвуя, былая «буржуа-

[20] *Маркс, Энгельс [Marx, Engels] 1955: 441.*

зия» сама становится объектом «глобального разъединения»; кибернетический закон Уильяма Эшби — «управляющая структура должна быть сложнее управляемой» — рушится из-за управленцев.

Сама полярность отношений внутри современного «буржуазного класса» (если мы вообще допускаем его существование) ставит вопрос о необходимости новой интерпретации подобного разъединения: даже если реально имущими представителями класса выступает немногочисленная прослойка глобальных игроков, а все прочие выполняют по отношению к ним роль, близкую к пролетарской, коммуникации и связи внутри элиты оказываются сложнее классовых конструкций. Соперничество элит, непостоянство их предпочтений, целей и интересов, образование «множеств», формируемых не только и не столько на объективной основе, сколько благодаря манипулятивной деятельности, — все это признают и современные левые критики, но даже они не в состоянии предложить сколько-нибудь реальный выход из положения. «Новый исторический блок, как и его предшественники в ходе великих революций прошлого, не может быть тождественен какому-то одному классу», — пишет Борис Кагарлицкий[21], не отказываясь при этом от концепции классово ориентированной революции. Возникает любопытная с исторической точки зрения ситуация: ведущая роль в грядущем крахе капитализма приписывается классу, хотя составляющие этот класс группы даже не приблизились к классовому сознанию.

[21] Кагарлицкий [Kagarlickij] 2013: 78.

Вместе с тем сложившаяся политическая практика возвращает нас к сделанному чуть выше замечанию об «a priori меньших аппетитах групп давления». Левые критики, особенно в лице экономистов, изучающих природу и уровень мирового неравенства, отмечают, что за минувшие 30 лет последнее заметно усилилось: в странах, где разница в доходах стала за этот период лишь весомее, на сегодняшний день живут семь человек из десяти, а совокупное богатство 85 ключевых бизнесменов равно активам беднейшей половины населения Земли (3,5 млрд. человек)[22]. В итоге невольно напрашивается вопрос: как же богатейшей прослойке удалось достичь столь выдающихся результатов при отсутствии классового самосознания? Ответ на этот вопрос действительно имеет решающее значение.

[22] http://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/bp-working-for-few-political-capture-economic-inequality-200114-en.pdf.

Мировая история знает немало примеров прорывного экономического роста, не обеспеченного достаточным уровнем внутренней солидарности, однако проблема распределения богатства и доходов лежит в несколько иной плоскости, на что и обращают внимание левые интеллектуалы. По их заключению, современная глобализация стимулирует догоняющее развитие[23], а это, в свою очередь, благоприятствует ситуации, когда экономический рост, по сути, запускается с вершины социальной пирамиды. «Возникающие запросы [богатых] с течением времени удовлетворяются и возникают новые, а уже удовлетворенные, то есть утратившие актуальность, запросы богатых воспринимаются как актуальные более низкими социальными слоями», — отмечает Леонид Ионин[24], фактически выступая с апологией неравенства, причем

[23] Алексейчук [Aleksejchuk] 2013.

[24] Ионин [Ionin] 2010: 69.

не только в экономической сфере. Вполне естественно, что такое положение устраивает не всех интеллектуалов, поскольку, как показывает практика, удовлетворение запросов богатых приводит к нарастающей дивергенции: верхние децили сосредоточивают в своих руках все больше средств, de facto исключаемых из базы доходов прочих членов общества.

Однако подобная ситуация отнюдь не обязательно свидетельствует о классовой солидарности, не говоря уже о консолидации «буржуазных» собственников. Во-первых, современные финансовые инструменты, лазейки в антимонопольном законодательстве и лоббистские практики открывают возможность создания тех самых конкурирующих «организаций присвоения», которые разрушают, а вовсе не укрепляют монолитность элиты. Во-вторых, наблюдаемая мультипликация богатства и доходов зачастую носит спекулятивный и даже иллюзорный характер: лидеры списка Forbes регулярно приобретают и теряют миллиарды долларов[25], что практически никак не сказывается на процессах производства и потребления. И, наконец, в-третьих, рост дивергенции связан с дополнительным ослаблением низших слоев, в результате экономических кризисов лишающихся постоянной работы, доступа к институтам социализации и привычным моделям потребления. Расслоению способствует эффект низкой базы, а не осознанные классовые усилия.

[25] Показательна история бразильского предпринимателя Эйке Батисты, чье состояние за 2011—2013 гг. сократилось с 30 до 1(!) млрд. долларов при отсутствии стихийных бедствий, аварий на предприятиях и иных форс-мажорных обстоятельств, связанных с основными фондами и производственными циклами.

Осуществляемое на основе статистических выкладок объединение всех сверхбогатых в некую эссенциальную общность возвращает нас к уже обозначенной двойственности «класса», предстающего то как социальная группа, то как политическая категория. Вступая тем самым в область сугубо умозрительных допущений, использующие данную категорию исследователи подвергают себя риску чрезмерной ангажированности, влияющей на итоги научной работы.

Дополнительным обстоятельством, мешающим принять тезис о классовом характере нынешнего расслоения, является статистика слияний, поглощений и банкротств, оказывающих глубокое воздействие на корпоративный сектор экономики. Деиндустриализация, глобализация, изменение межсекторного баланса — все это резко меняет конъюнктуру даже в развитых странах. Несмотря на показное богатство, положение современного предпринимателя в известной степени нестабильно, ибо оно не базируется ни на сословной принадлежности, ни на принципиальной угнетенности наемного работника, что порождает дополнительные критические издержки, препятствующие формированию классового сознания.

К подобным издержкам относится, в частности, зыбкость самих социальных маркеров принадлежности к богатым слоям общества, в условиях упадка идеологии (порой называемого «деидеологизацией») редуцируемых до сферы потребления. В ситуации зафиксированного еще Гербертом Маркузе «поглощения» идеологии, которая становится уже не совокупностью воззрений, а лишь доступным набором моделей потребления[26], классовое сознание приобретает слишком узкие или, напротив, гротескные черты, приличествующие скорее прозе Брета

[26] Маркузе [Marcuse] 1994: 10.

Истона Эллиса, нежели политическому процессу. По справедливому замечанию Ральфа Дарендорфа, «место идеологии в современном обществе занимает общественное мнение», категория куда более гибкая и ситуативная, нежели программно-ценностные установки[27]; в результате даже находящиеся на вершине пирамиды распределения оказываются в ловушке «эксклюзивного потребления» и еще более переменчивой моды в области стиля и поведения.

[27] *Дарендорф [Dahrendorf] 1998: 61.*

Потенциальное классовое сознание «имущих» размывает и концепция «среднего класса», направленная, казалось бы, против традиционного левого дискурса и критики, связанной именно с проблемой распределения общественного богатства. Согласно данным социологических исследований, к среднему классу предпочитают относить себя не наименее, а наиболее обеспеченные члены общества: при медианной отметке принадлежности к middle-class в 70 тыс. долларов годового дохода[28] к нему причисляют себя люди с 250 тыс. долларов[29]. Как отмечает Пол Кругман, «люди с доходами, в четыре-пять раз превышающими медиану, в лучшем случае считают себя высшим средним классом»[30], причем, по свидетельству индийского социолога Дипанкара Гупта, подобная «принижающая» тенденция характерна для многих стран, в том числе Индии и Великобритании[31]. В итоге конституирование класса, о котором писали Лакло и Муфф, оказывается невозможным: в условиях, когда существенная часть преуспевающих членов общества намеренно отсекает себя от еще более успешных его представителей, на выходе образуется тот самый «1%», против эксклюзивного положения которого активно протестовало движение *Occupy Wall Street*.

[28] *The Lost Decade 2012.*

[29] *Lustgarten 2014.*

[30] *Кругман [Krugman] 2014.*

[31] *Mustafi 2013.*

Конечно, дополнительную опору «бизнес-классу» может составить государство, о потенциальной роли которого также упоминалось. Однако многочисленные неолиберальные реформы государственного управления, по своему замыслу призванные поддержать именно бизнес, в итоге сводят на нет и эту возможность: государство теряет не столько монополию на принуждение (силовое и экономическое), сколько свою прежнюю роль хранителя идентичности. Будучи убеждены, что в свое время государство «хватило лишку в смысле единообразия» системы образования, de facto отвечающей за усвоение общих ценностей, и что эту систему следует денационализировать[32], неолибералы обвиняют государства в том, что «они замещают ценности людей чужими ценностями»[33], доказывая, что чем меньше государство будет вмешиваться в вопросы культуры и идентичности, тем свободнее и лучше будет общество. Но подвергнутое такому реформированию государство, по сути, становится лишь одним из многих акторов культурной и информационной политики — и не всегда самым весомым. Верхние же слои общества нуждаются прежде всего в идеологическом оправдании их господства, сил на которое у ослабевшего и дискредитировавшего себя государства попросту не остается.

[32] *Фридман [Friedman] 2006: 122.*

[33] *Там же: 230.*

Даже вступая в корпоративный сговор с представителями «буржуазного класса», государство способно гарантировать положение лишь

конкретных игроков, а не социальной группы в целом: иными словами, вместо полноценного пакта получается своеобразная «личная уния». В целом это не обязательно противоречит устойчивости существующей модели, однако, как отмечает Филипп Шмиттер, появление современного корпоративизма продиктовано «скорее определенным набором обстоятельств, нежели функциональными качествами <...> Нынешняя фаза развития цикла деловой активности такова, что капиталисты не видят особой (или какой-либо вообще) пользы в том, чтобы связывать себя консенсуальными критериями»[34]. Отсутствие же подобных критериев порой выливается в трансформации, которые, будучи нацелены на сохранение политической элиты, вместе с тем предполагают полный пересмотр корпоративных договоренностей, причем возможными причинами такого пересмотра могут служить «защита прав потребителя, качество жизни, экология, отношения между полами, этические и иные проблемы»[35]. В результате отношения между корпорациями, а также между ними и государством перемещаются на мезоуровень, фактически превращаясь во взаимоотношения внутри конкретных отраслей экономики, что полностью лишает исследователя возможности использовать при анализе классовый подход[36].

[34] *Шмиттер [Schmitter] 1997: 15.*

[35] *Там же: 17.*

[36] *Там же.*

Немало примеров подобного рода дает финансово-экономический кризис 2008 г. — в частности, в США и Испании, где, несмотря на сохранение общего состава политического истеблишмента, корпоративные договоренности оказались под ударом и динамика экономического развития внезапно стала определяться не внутренней логикой «классового господства», а популистскими тенденциями, возобладавшими в рамках всей политической системы. Конечно, такое развитие событий не знаменует собой торжество полиархии или партисипативной демократии, однако оно ставит под вопрос валидность употребления классовых концепций в противовес, например, олигархическим схемам.

Приведенная выше мысль Шмиттера отсылает нас к развернувшейся более полувека назад дискуссии между Никосом Пуланзасом и Ральфом Милибэндом, в которой первый из теоретиков указывал на *структурную* включенность классовой системы в механизмы капиталистического государства. При этом, частично соглашаясь с Альтюссером, греческий мыслитель подчеркивал, что «если капиталистическое государство хочет успешно действовать именно как классовое государство, защищая долгосрочные интересы буржуазии, то оно должно сохранять какую-то степень автономии от правящего класса»[37]. Для настоящего исследования данный тезис имеет значение в той мере, в которой фиксирует роль государства даже в рамках концепции entente cordiale капитализма и классовой теории. Государство оказывается своего рода гарантом классового господства, хотя и не афиширующим такую свою природу, но неолиберальные установки ставят под сомнение его способность к медиации, «сплочению формации и нагромождения различных способов производства»[38]. Чрезвычайно важным, однако, представляется то обстоятельство, что основные работы Пуланзаса написаны

[37] *Цит. по: Алексеева [Alekseeva] 2000: 250.*

[38] *Пуланзас [Poulantzas] 1997.*

до расцвета неолиберализма в экономической практике как развитых, так и ряда развивающихся стран. Даже если исключить из рассмотрения произошедшее позже дробление суверенитета, ограничившее пропагандистские возможности государства, выводы неутешительны: государство должно поддерживать бизнес и финансами, но приватизация и дискреция не позволяют ему аккумулировать ресурсы в достаточном для удовлетворения аппетитов бизнеса объеме. На выходе мы имеем противоречие между краткосрочной выгодой от внедрения корпоративистских практик и долгосрочными последствиями подобной «капитализации» государства: типичная скрытая петля системной динамики. Для того чтобы избежать ловушки, государство, призванное поддерживать классовую структуру, вынуждено исключать себя из нее. Учитывая же специфику принятия политических решений, нельзя абстрагироваться от возможности «чрезмерного исключения», которое разрушит любое представление о прочной структурной зависимости государства от схем классового господства.

Имеются и другие причины, не позволяющие согласиться с тезисом о непременном структурном совпадении капитализма и классового общества. О его неадекватности свидетельствует, в частности, опыт социальных трансформаций европейских обществ. В XV—XVIII вв. некоторые из них развивались по довольно специфической траектории: там так и не появилось полноценного классового антагонизма, поскольку «без защиты того или иного небуржуазного слоя буржуазия оказывалась политически беспомощной»[39], а внешние рынки по степени своей привлекательности для купцов и предпринимателей значительно превосходили внутренние. Наличие подобных моделей капитализма, не вписывающихся в примитивные представления о его генезисе, указывает на возможность капиталистических порядков с неясным классовым делением, а то и отсутствием выраженного антагонизма внутри классовой структуры, которые должны рассматриваться скорее не в традиционной марксистской, а в миросистемной перспективе. Иными словами, аргументы Пуланзаса если и справедливы, то лишь по отношению к частным случаям, пусть наиболее частым и классическим, и не затрагивают системной логики.

[39] *Арриги [Arrighi] 2006: 173.*

Разумеется, это не снимает остроты противостояния внутри капитализма — расслоение действительно нарастает, а угнетение и изъятие становятся все более очевидными. Если в 2000 г. «двести самых богатых людей в мире располагали ресурсами, превышающими ресурсы двух миллиардов самых бедных»[40], то сегодня, как уже говорилось, совокупное богатство 85 «плутократов» равно активам 3,5 млрд. человек. Вместе с тем само угнетение сейчас мало напоминает столкновение двух обособленных и осознающих свое положение «классов. По заключению итальянского политического теоретика Данило Дзоло, в современном обществе возрастает отчуждение уже не от продукта, а от самого труда, вследствие чего мощнейший профессиональный канал социализации оказывается связан не с усилением, а с ослаблением чувства

[40] *Дзоло [Zolo] 2010: 13.*

[41] *Там же.*

[42] *Wetherly 2007: 110—112.*

[43] *Miliband 2007: 71.*

[44] *Фразе [Fraze] 2012: 153.*

[45] *Aguiar 2008.*

сопричастности[41]. Угнетение производительных сил определенной социальной группой отнюдь не свидетельствует о ее внутреннем сплочении; да и само существование такой группы может быть сугубо номинальным и базироваться лишь на институциональных формах, обеспечивающих воспроизводство акта принуждения. Как отмечает Пол Уэзерли, хотя в инструментальном плане государство может быть орудием некоей социальной силы, в условиях сложного общества и политической конкуренции поддержание эксклюзивного положения какой-либо из этих сил маловероятно[42]; Милибэнд, в свою очередь, подчеркивает, что «правящий класс не монолитен и не может действовать в качестве агента-принципала»[43].

Возможно и еще одно возражение против классовой теории, указывающее на ситуацию, когда накопленные классами внутренние противоречия приводят к постепенному размыванию изначальных позиций. Слово Питеру Фразе: «Национально-освободительные и феминистские движения заставили признать тот факт, что старая концепция рабочего класса отводила центральную роль белым мужчинам из числа „рабочей аристократии“, маскируя как неоплачиваемый домашний труд, так и роль расизма в исключении не-белых из привилегированных секторов экономики, и как бы ни любили старые левые изображать рабочий класс в качестве универсальной идентичности, суммирующей частные интересы, рабочий класс в социологическом смысле всегда был видом политики идентичности»[44]. Таким образом, социологическая конструкция класса вновь наталкивается на мультиплицированные политические связи, более того, класс опять предстает в виде эссенциалистской ловушки, средство избежать которой — политика идентичности — оказывается незаслуженно забыто. Впрочем, некоторые оппоненты Фразе предлагают рассматривать идентичность в контексте прежних классовых столкновений, апеллируя к разработкам как Франкфуртской школы, так и более поздних исследователей[45], анализирующих потребность людей в самопредставлении и идентификации в рамках теории рационального выбора.

Неготовность левых мыслителей к отказу от использования классовой теории применительно к современному политическому процессу во многом обусловлена тем, что связь капиталистического государства и классовой борьбы вытекает из внутренней логики марксистской теории, постулирующей комплементарность этих феноменов. Пересмотр данного представления требует частичной ревизии марксизма, неизбежно порождающей обвинения в логических ошибках, или отказа от теории в целом, что, естественно, снимает с повестки дня и рассматриваемый вопрос. Но подобная приверженность ортодоксальной марксистской позиции чревата серьезными проблемами: оперируя аргументами, увязывающими классовую борьбу с актуальной политикой, представители левого фланга невольно превращают свою коммуникацию в публичном пространстве в замкнутую конструкцию, что ведет, в свою очередь, к болезненному разрыву между теорией и практикой. И хотя левое

движение с ним уже неоднократно сталкивалось (к примеру, после 1956 или 1968 г.), в условиях современной неустойчивости этой части политического спектра он способен повлечь за собой катастрофические последствия.

В сложившейся ситуации марксисты и другие левые, придерживающиеся классовых позиций, оказываются элементом той самой системы, с которой столь истово борются, ведь выделение в «неоднородной массе» классового интереса невольно сужает угол зрения соответствующего игрока или даже превращает его в раба теоретических конструкций. «Цепочки случайных изменений начинаются с элит, а не с классов или индивидуумов», — пишет Ричард Лахман[46], справедливо указывая на приоритет полуноминальной группы (элиты) перед нуждающимся в саморефлексии классом. И пока организационными и мобилизационными методами не преодолен драматический разрыв между реальностью аморфных номинальных групп и утопией классовых ристалищ, самая острая дискуссия левого толка обречена оставаться не более чем самообманом.

[46] *Лахман [Lachmann] 2010: 31.*

Библиография

Алексеева Т.А. 2000. *Современные политические теории: От концепций к теориям*. — М. [Alekseeva T.A. 2000. Sovremennye politicheskie teorii: ot koncepcij k teorijam. — M.].

Алексейчук П. 2013. *Следующая конвергенция* [Aleksejchuk P. 2013. Sledujushhaja konvergencija] (http://rabkor.ru/culture/books/2013/06/06/spence).

Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век*. — М. [Arrighi G. 2006. Dolgij dvadcatyj vek. — M.].

Арриги Дж. 2008. Глобализация и историческая макросоциология // *Прогнозис*. № 2 [Arrighi G. 2008. Globalizacija i istoricheskaja makrosociologija // Prognozis. № 2] (http://www.intelros.ru/pdf/Prognozis/Prognozis_2_2008/2.pdf)

Арриги Дж., Валлерстайн И., Хопкинс Т. 2008. 1989-й как продолжение 1968-го // *Неприкосновенный запас*. № 60 [Arrighi G., Wallerstein I., Hopkins T. 2008. 1989-j kak prodolzhenie 1968-go // Neprikosnovennyj zapas. № 60].

Бек У. 2000. *Общество риска: На пути к другому модерну*. — М. [Beck U. 2000. Obshhestvo riska: Na puti k drugomu modernu. — M.].

Бурдьё П. 1993. *Социология политики*. — М. [Bourdieu P. 1993. Sotsiologiya politiki] (http://bourdieu.name/content/burde-sociologija-politiki).

Грамши А. 1959. Тюремные тетради // Грамши А. *Избранные произведения: В 3 т*. Т. 3. — М. [Gramsci A. 1959. Tjuremnye tetradi // Gramsci A. Izbrannye proizvedenija: V 3 t. T. 3. — M.].

Даль Р. 2010. *Полиархия: Участие и оппозиция*. — М. [Dahl R. 2010. Poliarhija: Uchastie i oppozicija. — M.].

Дарендорф Р. 1998. *После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе*. — М. [Dahren-

dorf R. 1998. Posle 1989: Moral', revolyutsija i grazhdanskoje obshchestvo. Razmyshlenija o revolyutsii v Yevrope. — M.].

Дзоло Д. 2010. *Демократия и сложность: реалистический подход*. — М. [Zolo D. 2010. Demokratija i slozhnost': realisticheskij podhod. — M.].

Ионин Л.Г. 2010. *Апдейт консерватизма*. — М. [Ionin L.G. 2010. Apdejt konservatizma. — M.].

Кагарлицкий Б. 2013. *Неолиберализм и революция*. — М. [Kagarlickij B. 2013. Neoliberalizm i revoljucija. — M.].

Киселев К.В. 2008. *Миф о среднем классе: Основания конструирования и политические функции*. — Екатеринбург [Kiselev K.V. 2008. Mif o srednem klasse: Osnovanioa konstruirovanioa i politicheskioe funktsii. — Yekaterinburg] (http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2008/23.pdf).

Кругман П. 2009. *Кредо либерала*. — М. [Krugman P. 2009. Kredo liberala. — M.].

Кругман П. 2014. Переосмысление среднего класса // *Независимая газета*. 10.02 [Krugman P. 2014. Pereosmyslenie srednego klassa // Nezavisimaja gazeta. 10.02] (http://www.ng.ru/krugman/2014-02-10/5_middle_class.html).

Лакло Э., Муфф Ш. 2004. *К радикальной демократической политике: Предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии»* [Laclau E., Mouffe Ch. 2004. K radikal'noj demokraticheskoj politike: Predislovie ko vtoromu izdaniju «Gegemonii i socialisticheskoj strategii»] (http://www. politizdat.ru/outgoung/15/).

Лахман Р. 2010. *Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. — М. [Lachmann R. 2010. Kapitalisty ponevole: Konflikt jelit i jekonomicheskie preobrazovanija v Evrope rannego Novogo vremeni. — M.] (http://www.prognosis.ru/lib/Lachmann.pdf).

Маркс К., Энгельс Ф. 1848. *Манифест коммунистической партии* [Marx K., Engels F. 1848. Manivest kommunisticheskoj partii] (http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm).

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. — М. [Marx K., Engels F. 1955. Sochinenija. 2-e izd. T. 4. — M.].

Маркузе Г. 1994. *Одномерный человек*. — М. [Marcuse H. 1994. Odnomernyy chelovek — M.] (http://www.bks-mgu.ru/fulltxt/A125.pdf).

Парето В. 2011. *Трансформация демократии*. — М. [Pareto V. 2011. Transformacija demokratii. — M.].

Пуланзас Н. 1997. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Семигин Г.Ю. (ред.) *Антология мировой политической мысли*. Т. 2. — М. [Poulantzas N. 1997. Politicheskaja vlast' i social'nye klassy kapitalisticheskogo gosudarstva // Semigin G.Ju. (red.) Antologija mirovoj politicheskoj mysli. T. 2. — M.] (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/50.php).

Тейлор Ч. 2002. *Демократическое исключение (и «лекарство» от него?)* [Taylor Ch. Demokraticheskoe iskljuchenie (i «lekarstvo» ot

nego?)] (http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/exclusion).

Фразе П. 2013. Воображаемое сообщество // *Социология власти*. № 3 [Fraze P. 2013. Voobrazhaemoe soobshhestvo // Sociologija vlasti. № 3] (http://socofpower.ane.ru/uploads/3(2013)/SV11.pdf).

Фридман М. 2006. *Капитализм и свобода*. — М. [Friedman M. 2006. Kapitalizm i svoboda. — M.] (http://freemarket.tj/images/stories/books/friedman_capitalismfreedom.pdf).

Шмиттер Ф. 1997. Неокорпоративизм // *Полис*. № 2 [Schmitter Ph. 1997. Neokorporativizm // Polis. № 2].

Aguiar F., Francisco A. de. 2008. *Can Rational Choice Cope with Identity?* Paper presented at the First ISA Forum of Sociology. Barcelona (Spain). Sept. 5—8 (http://digital.csic.es/bitstream/10261/7758/1/conferencia1fernando.pdf).

Bourdieu P. 1983. Okonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kaputal // Kreckel R. (ed.) *Soziale Ungeichheiten*. — Goettingen.

Laclau E. 2005. *On Populist Reason*. — L.

Laclau E., Mouffe Ch. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. — L.

Lustgarten S. *The New Rich: How $250k a Year Became Middle Class* (http://frugaling.org/the-new-rich-middle-class/).

Miliband R. 2004. *Marxism and Politics*. — L.

Mustafi S.M. 2013. *Why Indian Elites Like to Call Themselves «Middle Class»* (http://india.blogs.nytimes.com/2013/05/17/why-indian-elites-like-to-call-themselves-middle-class/?_php=true&_type=blogs&_r=0).

The Lost Decade *of the Middle Class*. 2012 (http://www.pewsocialtrends.org/2012/08/22/the-lost-decade-of-the-middle-class/).

Sabatier P., Jenkins-Smith H. (eds.)1993. *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. — Boulder.

Standing G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*. — Bloomsbury.

Wetherly P. 2007. Can Capitalists Use the State to Serve Their General Interests? // Wetherly P., Barrow C., Burnham P. (eds.) *Class, Power and the State in Capitalist Society: Essays on Ralph Miliband*. — Basingstoke.

Ю.В.Руднев

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И «ТАЙНОЕ» ЗНАНИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Как государь может «уподобиться» льву и лисе?[1]

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, «Государь», ренессансная эпистема, «техника себя»

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования №15-05-0042 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ, выделенной НИУ ВШЭ. Автор признателен Кьяре Крищиани (Павийский университет), Юлии Ивановой, Павлу Соколову и Илье Гурьянову (НИУ ВШЭ) за ценные комментарии и замечания по поводу материала, послужившего основой исследования.

В настоящей работе предлагается новая интерпретация знаменитого афоризма Никколо Макиавелли из трактата «Государь»: «...из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе» (гл. XVIII)[2]. Его смысловое содержание будет соотнесено с различными типами знания эпохи Возрождения (прежде всего с «тайным»), которые ранее привлекались исследователями не в комплексе. Сочинения Макиавелли, как я попытаюсь показать ниже, порождены цельной картиной мира ренессансного интеллектуала, представлявшей собой уникальную конфигурацию магических, алхимических, астрологических, медицинских дискурсов.

Продемонстрировать потребность в подходе, характерном для современной интеллектуальной истории, можно задавшись вопросом: как именно государь (или любой другой человек) способен «уподобиться» животному? О смысле, заключенном в звериной метафоре, можно лишь догадываться, и неизвестно, значила ли она для человека Возрождения то же, что и сейчас для нас. Мы бы сказали, что уподобиться льву или лисе — значит быть храбрым или хитрым. Однако Роберт Дарнтон, автор знаменитой книги «Кошачье побоище»[3], где показывается, как метафоры становились для людей прошлого реальными жизненными сценариями, утверждает в дискуссии с Роже Шартье, что в некоторые исторические эпохи «символизм функционировал по принципу онтологической сопричастности, а не как простое отношение репрезентации, обозначения»[4]. Другими словами, для Макиавелли образы льва и лисы вполне могли быть не абстрактными символами моральных качеств, а частью материального мира, окружающей реальности *per se*.

Чтобы увидеть в афоризме Макиавелли наибольший объем актуальных для современника смыслов, нужно взглянуть на ренессансную картину мира именно под углом зрения единства контекстов характерного для нее знания, определить режим, в котором ими должен оперировать государь. Реализуя поставленную задачу, я буду использовать

[2] Здесь и далее выдержки из русскоязычного текста «Государя» приводятся по изданию: Макиавелли [Machiavelli] 1982.

[3] Darnton 1999.

[4] Darnton 1986: 221.

понятие «техника себя», введенное в дискурс гуманитарной науки Мишелем Фуко. Оно станет концептуальным центром, позволяющим объяснить механизм упомянутого Макиавелли «уподобления».

Для эпохи Возрождения характерно использование астрологических, медицинских, алхимических и магических концептов при описании различных состояний как души человека, так и его «природного» и «политического» тела[5]. Жившие тогда люди верили, что на материю можно влиять с помощью духовных сущностей, поскольку дух — посредник, заполняющий пространство между человеком и высшими сферами, медиум микро- и макрокосма. Его особую роль демонстрирует существовавшая в то время сложная система духовных материй («спиритусов»), критических для жизнедеятельности индивида: одна из форм «духа» отвечала за правильное функционирование систем организма; другая, более чистая и тонкая, зачастую приравнивавшаяся к «душе», — за восприятие образов окружающего мира и интеллектуальную деятельность.

[5] Подробнее об этом см. Кантерович [Kantorowicz] 2013.

В мире, пронизанном различными духовными материями, индивидуальные и коллективные магические ритуалы, астрология, алхимия («земная астрономия»[6]) имели «прагматический» смысл и позволяли трансформировать «спиритусы» индивида. Описания техник, посредством которых это осуществлялось, требуют комплексного и внимательного исследования, подобного тому, которое провела, например, Барбара Обрист в отношении алхимического знания[7]. В целом поворот к изучению дискурсов магии, астрологии, медицины, алхимии как особых упражнений с душой человека случился в последней четверти XX в., то есть сравнительно недавно. О его плодотворности можно судить хотя бы по тому, что он позволил увидеть новое измерение в философии Исаака Ньютона и Роберта Бойля, которые оказались не первыми представителями эпохи Просвещения, а последними из магов[8].

[6] Grafton, Newman 2001: 173—174.

[7] Подробнее см. Obrist 1982.

[8] См. Linden 2003; Keynes 2010.

* * *

В исследовательской литературе прочтение фразы «из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе» зависит от общей интерпретации творчества мыслителя. Она, в свою очередь, радикально поляризовалась еще в XVI в., когда некоторые стали называть Макиавелли дьяволом во плоти. Даже в XX в., в работе знаменитого политического мыслителя Лео Штрауса[9], он остается «учителем зла», насаждаемого вместо традиционных моральных ценностей.

[9] Strauss 1958.

Приверженцы более умеренного, «реалистического» взгляда на Макиавелли (Бенедетто Кроче[10], Квентин Скиннер[11], Эрнст Кассирер[12]) полагают, что он «прагматически» поставил этику и мораль на службу политике, преодолев доминировавший в ней нормативный (аристотелианский) подход и став здесь своим «Коперником».

[10] Croce 1925.

[11] Skinner 1978.

[12] Cassirer 1946.

По мнению третьей группы исследователей, приписывание иммортализма Макиавелли не имеет под собой оснований. Для них (начиная

с Жан-Жака Руссо) его сочинения — острая сатира на современных ему государей, попытка завести правителя в ловушку, упражнения в гуманистической риторике[13].

[13] *Mattingly 1958; Deitz 1986.*

В полном соответствии с вышесказанным «реалистическое» прочтение Макиавелли предлагает нам видеть в образах льва и лисы переосмысление традиции политической добродетели, ведь в оригинальном контексте, у Цицерона, «хитрость лисы» — атрибут, менее всего подобающий государственному мужу[14]. Для Нэнси Стрюэвер, отрицающей имморализм мыслителя, «Государь» — особый эксперимент с письмом, приключенческий роман, в котором описываются возможные миры эпохи Возрождения; «этологическая» метафора льва и лисы (как и язык автора в целом), с ее точки зрения, свидетельствует о «дереификации» сферы политического[15]. Виктория Кан, в свою очередь, считает, что Макиавелли превращает свой трактат в исследование исторических «кейсов» и миметическое подражание животной «природе» в письме[16], более эффективное, чем просто осмысление моральной традиции.

[14] *Skinner 2002: 142—143.*

[15] *Struever 1992: 156—157.*

[16] *Kahn 1986: 65.*

Не только приведенные выше, но и подавляющее большинство других интерпретаций рассматриваемого афоризма исходят из того, что, упоминая льва и лису, Макиавелли имеет в виду уподобление их символическим качествам, которые, со своей стороны, субстантивированы до уровня абстрактных «хитрости» и «храбрости». Такое прочтение, вне всякого сомнения (если вынести за скобки споры о статусе создаваемой автором реальности), отвечает доминирующему мнению, согласно которому Макиавелли формулирует в «Государе» собственную теорию *Realpolitik*[17].

[17] *Godman 1998.*

Вопрос о том, насколько масштабно идеи Макиавелли сказались на развитии политической мысли последующих эпох, вызывает значительно меньше дискуссий. К выводу о серьезном влиянии его теории на складывание политического пространства Нового времени, приходят, в частности, Джон Покок и Пол Рэй, посвятившие этой проблеме специальные исследования[18]. Вместе с тем, говоря о степени новаторства Макиавелли, Покок делает акцент на преемственности, обнаруживая истоки его идей в античности, тогда как Рэй, напротив, ведет речь о принципиальном разрыве с традицией. Существует и другая позиция, которой придерживается, например, Скиннер: он считает, что теория Макиавелли «непоследовательна», поэтому трудно судить о ее новаторстве[19].

[18] *Pocock 1975; Rahe 2008.*

[19] *Skinner 1978.*

Ответ на вопрос о «модерности», «современности» Макиавелли (то есть о том, в какой мере он нарушает и переосмысливает традицию) важен при определении исследовательской методологии и контекста, на фоне которого нужно интерпретировать его теорию. Возникли ли высказанные им идеи в парадигме знания Нового времени, либо они принадлежат еще к «эпохе магов», астрологии, алхимии? От аргументированного выбора эпистемологической рамки исследования зависит, как мы будем понимать «уподобление», упомянутое в заглавном афоризме: как следование абстрактным качествам — «храбрости», «хитрости», —

имеющим мыслящую сущность (*res cogitans*, как назвал бы их Рене Декарт), или как более «осязаемую», характерную для дононовременного периода манипуляцию атрибутами окружающего мира, связанными с животным началом природы.

В научной литературе есть прецеденты продуктивного прочтения идей Макиавелли в контексте системы знания, предшествующей Новому времени. В работах Энтони Пэрела «К вопросу о модернизме Макиавелли» и «Космос Макиавелли» рассматривается, например, каким образом политическая теория мыслителя соотносилась с астрологическим знанием Возрождения. Проведенный Пэрелом анализ свидетельствует о том, что антропология человека у Макиавелли еще дононовременная: его индивид живет внутри макрокосма и подвержен влиянию звезд. Он внимательно следит за движением небесных сфер, ибо те управляют жидкостями его организма («гуморами»), которые, в свою очередь, определяют его «дух», влияя тем самым на конкретную жизнь и судьбу[20].

[20] Parel 1991; 1992.

Исследования Пэрела углубил Маркус Фишер, обнаруживший в языке «Государя» немало концептов, характерных для гуморальной медицины Возрождения. В его статье «Политическая психология Макиавелли» детально показано, как за, казалось бы, ситуативным и обрывочным их употреблением скрывается целостная естественнонаучная система, механику которой мыслитель воспроизводит вполне традиционно и осознанно[21].

[21] Fischer 1997: 789—829.

Предпринимались и попытки проследить магические и алхимические контексты сочинений Макиавелли. Правда, поскольку знания этого типа относились к категории «тайных» и не фиксировались в письме открыто, а зашифровывались с помощью особых сюжетов, аллюзий, символики[22], соответствующий анализ обычно строится на аналогиях и реконструкциях, зачастую неочевидных.

[22] Стоит упомянуть, что алхимия «открыла себя» читателю только к XVII в., когда стала уже естественнонаучной дисциплиной и приобрела собственный язык описания.

Хейг Патапан, например, выдвинул гипотезу, что Макиавелли находился под воздействием неоплатонической философии, ибо интеллектуалы при дворе Лоренцо Медичи (адресата «Государя») ощущали на себе заметное влияние философа Марсилио Фичино, который занимался переводом не только всех доступных на тот момент сочинений Платона, но и текстов Герметического корпуса — одного из наиболее фундаментальных источников магического знания на протяжении европейской истории[23].

[23] Patapan 2003: 185—207.

В магических контекстах алхимические образы зачастую выступали в качестве языка описания изменений, происходящих с духовными материями человека. Присутствию символизма подобного рода у Макиавелли посвящена довольно своеобразная работа Джеймса Гласса, где тот, отталкиваясь от юнгианских исследований «тайного» знания, пытается показать, что различные трансформации государя и государства, зафиксированные в языке сочинения, не просто отсылают к традиции описания алхимических трансформаций, но и довольно часто встречаются в алхимических трактатах[24]. Сам Карл Густав Юнг, вдохновивший

[24] Glass 1976.

автора, в своих трудах уделяет серьезное внимание тому, как анималистические образы использовались в контексте алхимии[25].

Наряду с исследованиями дононовременного знания у Макиавелли под углом зрения истории науки, имеются и более «филологические», в русле *literary studies* и «нового историзма» Стивена Гринблатта[26]. В них анализируются конкретные медицинские метафоры в языке автора, а также расхожие концепты, характерные для литературы эпохи Возрождения (например, *body politics*[27]).

В частности, одна из подобных работ посвящена «метафоре гуморов»[28], которые, по Макиавелли, регулируются с помощью воображения (*imaginatione* или *fantasia*). Эта тема получает развитие в статье «Театральность и политика: концепт *fantasia* у Макиавелли», автор которой, Кеннет Миног, полагает, что воображение (*fantasia*) как духовно-интеллектуальная субстанция человеческого тела, отвечающая за креативную интеллектуальную деятельность, является ключевой для всей политической теории мыслителя[29].

Несмотря на то что исследователей, считающих теорию Макиавелли домодерной, не так много, разброс мнений среди них довольно велик. Поэтому, чтобы придать системность сплетению различных контекстов знания, нашедших отражение в «Государе», и объяснить с их помощью фразу о «льве и лисе», я, как уже говорилось, воспользуюсь понятием «техника себя», которое Фуко ввел в научный оборот, описывая античные практики формирования «субъективности». Ведь если Макиавелли интересовался неоплатонизмом, реципировал традицию античных авторов, ему могли быть хорошо известны древние «культуры себя», впоследствии привлекшие внимание Фуко.

Сам Фуко высказывался о Макиавелли неоднократно, хотя и в форме отдельных, не объединенных общим сюжетом комментариев[30]. Успех трактата «Государь», с его точки зрения, определялся тем, что он привнес в политический дискурс принципы концентрации власти и рационализации ее стратегий. Кроме того, Фуко связывает с Макиавелли начало перехода от идеи контроля над территорией к идее контроля над населением (то есть «биополитики»)[31] в политической мысли. Отсюда видно, что позиция Фуко созвучна той, которой придерживается Скиннер, считающий теорию Макиавелли эклектичной и располагающий ее у истоков политической теории модерна.

Исходя из рассмотренных выше исследований, относящихся к сфере интеллектуальной истории, мне кажется методологически верным и продуктивным инвертировать «полюса» теории Фуко, переместив идеи Макиавелли из области понятий, применяемых при изучении эпистемы модерна («микрофизика власти», «биополитика»), в область понятий, разработанных Фуко для анализа истории античности и Возрождения («ренессансная эпистема», «техники себя», «забота о себе»). На мой взгляд, это позволит выдержать верный контекст не только для сочинений Макиавелли, но и для концептуального аппарата самого французского философа[32].

[25] Jung 1970. См. также Newmann 1996.

[26] Идеи Гринблатта (см. Greenblatt 1980) довольно схожи с идеями «позднего» Фуко, однако вопрос о взаимовлиянии между ними пока не прояснен.

[27] Archambault 1967.

[28] Sandro 2014.

[29] Minogue 1972.

[30] См. лекционные курсы Фуко 1976—1978 гг. (Фуко [Foucault] 2005, 2011) и его работу «История сексуальности» (Foucault 1986).

[31] См. Holden, Elden 2005.

[32] См. Skinner 1969.

Хотя понятие эпистемы, употребляемое Фуко с целью продемонстрировать главные закономерности функционирования знания внутри ренессансной картины мира, критикуется исследователями за некоторые необоснованные обобщения[33], в настоящей работе я бы хотел сконцентрироваться на его эвристической и системообразующей ценности. На переходе к модерну радикально изменился существовавший ранее механизм «репрезентации», функционировавшей по принципу подобия (то есть «уподобления», о котором сказано в анализируемом афоризме).

[33] См. MacLean 1998.

В эпоху Возрождения, как пишет Фуко, идеи были эпистемически и онтологически, то есть практически буквально, «встроены» в пространство реальности и отсылали не только друг к другу, но и к предметам окружающего мира, имея с ними сходство; возникало постоянное движение толкования, связывавшее человека с каждым уголком космоса. Позднее, в Новое время, структуры знания и познающего субъекта стали идентичными, идеалистически отделенными от жизненного мира и оказались заключены в рамки однородной спекулятивной реальности («трансцендентального субъекта» в философии Иммануила Канта), как бы отражающей, удваивающей реальность материальную. В результате знание человека о мире лишилось осязаемости, телесного измерения. Язык и письмо, обслуживающие знание, начали отсылать не к телесному опыту, самоформированию духа, а к сфере идей, науки[34]. Однако язык алхимии, магии, астрономии, предшествовавший языку современной науки, нес на себе печать как раз домодерной картины мироздания, поэтому он может быть понят лишь через отношение к своей основной функции — фиксации телесно-духовных упражнений на уровне взаимодействия интеллекта и материи.

[34] См. Foucault 2002.

Именно символический язык алхимии, магии, астрономии, медицины, интегрированный в реальность *per se*, представлял собой форму духовной активности, с помощью которой человек Возрождения мог ощутить различные атрибуты космоса более близкими, «подобными» себе или же, наоборот, минимизировать их влияние. Такая форма интеллектуальной активности в античности была названа Фуко «техникой себя»; «техники себя» позволяли индивиду не только создавать из элементов окружающей действительности собственную идентичность, «себя», но и подниматься до уровня универсального, осознавая собственную связь с божественным[35], чувствовать сопричастность замыслу небес, подчиняться его гармоничному развитию.

[35] Подробнее см. Foucault 1986: 54—58.

Символический язык «техник себя» рассказывал прежде всего о том, как тело — «микрокосм» — оказывается пронизано множественными связями, отсылающими к различным знакам, образам, субстанциям, которыми заполнен «макрокосм». Индивид, помещенный в пределы эпистемы эпохи Возрождения, одновременно и уникален, поскольку обладает собственной позицией в общем замысле природы, и универсален, потому что возвышает себя до понимания всеобщих законов мироздания[36].

[36] По мнению Пьера Адо, Фуко неправильно интерпретирует истинную природу «заботы о себе», которая заключается не в удовольствии, получаемом от себя, а в акте единения с универсальным разумом (Hadot 1995: 207). Настоящее исследование, однако, косвенно демонстрирует спорный характер этого тезиса.

* * *

Несмотря на доминирование «реалистической» трактовки языка Макиавелли, переводы его сочинений зачастую оказываются неточными, не дословными[37]. Обратимся непосредственно к тексту главы XVIII, в которой говорится, что государю следует неким образом «уподобиться» лисе и льву, и попытаемся переосмыслить анализируемый афоризм внутри более пространной цитаты. В приводимом фрагменте мною выделены ключевые слова и дан альтернативный перевод (в квадратных скобках) на основе текста оригинала, помещенного под цитатой:

> Государь должен **усвоить то, что заключено** в природе и человека, и зверя [должен **хорошо знать, как использовать** зверя и человека]. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы [этому государей **тайно** обучали античные авторы], повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости. Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен **совместить в себе** обе эти природы [должен **знать, как использовать** одну и другую природу], ибо одна без другой не имеет достаточной силы.
>
> Итак, из всех зверей пусть государь **уподобится** двум: льву и лисе [для Государя обязательно **хорошо знать, как использовать** звериное, среди которого — **выхватывать** лису и льва].
>
> ...Ad un Principe è necessario **saper ben usare** la bestia e l'uomo. Questa parte è stata insegnata a' Principi **copertamente** dagli antichi scrittori, i quali scrivono come Achille e molti altri di quelli Principi antichi furono dati a nutrire a Chirone Centauro, che sotto la sua disciplina gli custodisse; il che non vuol dire altro l'avere per precettore un mezzo bestia e mezzo uomo, se non che bisogna a un Principe **sapere usare** l'una e l'altra natura, e l'una senza l'altra non è durabile.
>
> Sendo adunque, uno Principe necessitato **sapere bene usare** la bestia, debbe di quella **pigliare** la golpe e il lione[38].

В оригинальном фрагменте отсутствуют те простота и прозрачность, которых можно было бы от него ожидать, если бы автор имел в виду только имитацию свойственных лисе и льву хитрости и храбрости. Внутренняя логика текста демонстрирует сложную механику того, что обозначено мною как «уподобление»: государь должен «хорошо знать, как использовать звериное». Согласно Макиавелли, здесь мы имеем дело со знанием, которое «тайно» передается нам древними писателями. Его истоки кроются в особом способе обучения, который практиковал Хирон, аполлонический персонаж, известный прежде всего медицинскими и музыкальными талантами. Миф о кентавре, кроме

[37] Это относится и к англоязычным переводам «Государя» (см. Machiavelli 1976, 1998, 2008), наиболее точным из которых представляется перевод, выполненный Харви Мансфильдом (Machiavelli 1998).

[38] Здесь и далее выдержки из итальянского текста «Государя» приводятся по изданию: Machiavelli 1971.

того, иллюстрирует суть «тайного знания»: это умение сочетать и использовать две «природы», две части мироздания — человеческую и животную. Космос, состоящий из них, должен таким образом находить отражение и подобие в государе, способном видеть их правильное сочетание в окружающем и выстраивать его в себе.

Принцип «уподобления» получает развитие в следующей, XIX главе трактата, где Макиавелли более подробно объясняет, как надлежит правильно использовать «человеческое» и «животное». Разница между двумя режимами этой «техники себя», позволяющими государю сформировать «нового себя» (*un Principe nuovo*), во-первых, продолжает идею единства животных и человеческих атрибутов в пространстве космоса, во-вторых, вводит различие в онтологическом статусе между ними и историческими примерами выдающихся личностей.

Последние, условно говоря, ирреальны, поскольку отдалены от нас в пространственно-временном отношении, в отличие от предметов «сподручного мира», существующих здесь и сейчас. Поэтому образы исторических персонажей не предоставляют нам «материал» для создания себя, мы лишь можем через имитацию (*imitare*) их поступков научиться тому, как правильно использовать, выхватывать (*pigliare*) «материал» окружающего нас здесь и сейчас мира, принципы которого не изменились с древних времен[39].

[39] *Machiavelli 1971: 77.*

> ...И так как все совершенное им [Севером] в качестве нового государя замечательно и достойно внимания, то я хотел бы, не вдаваясь в частности, показать, как он **умел уподобляться** то льву, то лисе [**знал хорошо, как использовать** личность лисы и льва], каковым, как я уже говорил, должны **подражать** государи.
>
> ...Новый государь в новом государстве **не должен ни подражать** Марку, **ни уподобляться** [**подражать**] Северу, но должен у Севера **позаимствовать** то [**выхватить** от Севера те части], без чего нельзя основать новое государство, а у Марка — то наилучшее и наиболее достойное, что нужно для сохранения государства, уже обретшего и устойчивость, и прочность.
>
> ...E perchè le azioni di costui [di *Severo*] furono grandi in un Principe nuovo, io voglio mostrare brevemente quanto egli **seppe bene usare** la persona della golpe e del lione, le quali nature dico, come di sopra, esser necessario **imitare** ad un Principe.
>
> ...Un Principe nuovo in un Principato **non può imitare** le azioni di Marco, nè ancora è necessario **imitare** quelle di Severo; ma **deve pigliare** di Severo quelle parti che per fondare il suo Stato sono necessarie, e da Marco quelle che sono convenienti e gloriose a conservare uno Stato, che sia di già stabilito e fermo.

Продолжая комментировать приведенный выше фрагмент текста, можно вспомнить утверждение Фуко, что в эпоху Возрождения

«подобие» как основной принцип организации реальности имело различные формы[40]. Стать подобным чему-либо можно было через «пригнанность», поскольку соседствующие в пространстве предметы обычно разделяют некое общее качество; «пригнанность» порождала другое подобие — «соперничество» за право обладать разделяемым свойством единолично. Сходным образом и «уподобление» у Макиавелли имеет несколько значений. В более общем виде — это «умение использовать человеческую и животную природу» (*sapere bene usare*). Конкретизируясь, оно становится подражанием (*imitare*) историческим личностям, цель которого — научить государя правильно схватывать (*pigliare*) элементы окружающего мира и создавать из них себя[41].

[40] Подробнее см. Foucault 2002.

Попытаюсь проиллюстрировать различие на примере исторической личности Септимия Севера, упомянутой в «Государе». По мнению Макиавелли, Север отличался «крайней алчностью и жестокостью». Его доблесть (*virtù*) «представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение» — и в этом проявлялось его знание, «как использовать» животную природу. В конкретных ситуациях Север оказывался «свирепейшим львом» и «хитрейшей лисой». «Имитировать» действия Севера можно, ибо он хорошо знал, как пользоваться звериным началом, однако делать это не обязательно. Суть процесса в том, чтобы научиться «выхватывать» те фрагменты, «части» (*parti*) своей реальности (в том числе «животные»), которые помогут основать государство.

[41] В языке эпохи Возрождения, кроме значения «выхватывать», глагол «pigliare» имел также значения «брать», «принимать» как лекарство. Подробнее см. Lessicografia s.a.

Различие между «имитацией» и «схватыванием», которое можно проследить и в других сочинениях Макиавелли, отражает казавшееся ему желательным превосходство созерцательной жизни (*vita contemplativa*) над жизнью активной (*vita active*). История и природа, как он сам говорит, не должны побуждать нас автоматически «выхватывать» из них удовольствие, восхищаться ими: имитируя их, мы должны научиться понимать, какие элементы окружающего мира наиболее нам соответствуют и полезны[42]. Такое знание, превращаясь в содержательный символический мир государя и язык самоописания его опыта, и есть «техника себя», выражающая создание его идентичности через гармонизацию позиции микрокосма внутри макрокосма, заполненного не только материей, но и более тонкими, едва различимыми интеллектуальными субстанциями.

[42] Machiavelli 1971: 279.

NB! Варианты этой ренессансной «техники себя» можно обнаружить в сочинениях и других видных представителей Возрождения, в том числе младшего современника Макиавелли Бенвенуто Челлини. Правда, будучи художником и скульптором, тот, напротив, постулирует первичность *vita activa*. Для него система операций с обыденным миром, которая тоже описывается глаголом *pigliare*, начинается с «выхватывания удовольствия» (*pigliare piacere*) и становится одним из базовых принципов организации жизненного мира[43].

[43] Подробнее см. Rudnev 2014.

* * *

Теперь обратимся к более широкому культурно-историческому контексту, в котором творил Макиавелли, чтобы детальнее объяснить, почему описанная система «уподобления» была настолько важна в кругу интеллектуалов-гуманистов, к которому принадлежал мыслитель.

Заданной цели лучше всего соответствует философская концепция Фичино как феномен, интегрирующий различные системы знания эпохи (медицинскую, астрологическую, магическую, алхимическую). Философия этого неоплатоника не только объясняла общую картину мироздания, но и показывала (в получивших относительно широкое распространение «прикладных» сочинениях — в частности, о борьбе с чумой[44]), как в нее встраивается «сподручный» мир человека Возрождения.

[44] Ficino 1522. Подробнее об этом жанре см. Agrimi, Crisciani 1994; Katinis 2007.

К середине XVI в. «культура себя», практиковавшаяся представителями Флорентийской платоновской академии Медичи (среди которых был и Макиавелли), закрепилась уже на более «формальном» уровне — в виде компендиумов, посвященных тому, «как заботиться о себе не только во время чумы, но и во все другие времена»[45].

[45] Ср. Razzi 1577.

I. Гуморальная медицина и астрология. В главе III своего трактата Макиавелли прямо пишет, что государю следует понимать окружающий ход событий в том числе и в медицинском плане: чем скорее удастся обнаружить «болезнь» государства, тем легче пойдет излечение; однако на ранних стадиях ее трудно идентифицировать, и зачастую доходит до того, что «лекарство» подобрать уже нельзя[46].

[46] Следует заметить, что сюжет комедии Макиавелли «Мандрагора» целиком построен на игре с медицинским контекстом эпохи.

Стало быть, вопрос в том, как научиться распознавать и лечить болезнь. Тайной науке «уподобления» льву и лисе великих героев древности, по мнению Макиавелли, учил кентавр Хирон, который не только был талантливым педагогом, но и хорошо разбирался в медицине и музыке[47]. Поэтому я начну с анализа возможного медицинского и даже «музыкального» — как музыки движения «высших сфер» — контекста рассматриваемого афоризма.

[47] Ingman 1982.

В соответствии со средневековыми и ренессансными медицинскими представлениями, человеческое тело регулировалось течением четырех гуморов: холеры (желтой желчи), флегмы, меланхолии (черной желчи) и крови. От них воспаряла одна из форм «спиритуса», которую считали жизненной силой человека, его «духом».

Спиритус, утверждал Фичино, — это очень тонкая, прозрачная материя, которая подобна воздуху[48] и соединяет человека с духом, спиритусом мира, передавая ему ощущения окружающей реальности. Демонстрируя интеллектуальную активность человека, связанную с духом, он проводил аналогию с игрой на музыкальном инструменте: «...под воздействием чувств в сердце, импульса фантазии и работы разума появляются звук и музыка, они пронзают и гармонизируют воздух

[48] Yates 1964: 64.

и вместе с ним сталкиваются со спиритусом слушающего, соединяющим его душу и тело, и с легкостью передают сердцу фантазию, проникают в разум»[49].

[49] *Цит. по: Walker 2000: 6.*

Согласно Макиавелли, дух (спиритус) государя всегда должен быть чувствителен к изменениям обстоятельств[50]. «Если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны... [государю следует] по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла» (гл. XVIII). Иными словами, государю следует вполне буквально ощущать, «откуда дует ветер» фортуны, слышать, «откуда звучит музыка» высших сфер, ведь его дух — вполне материальная, хотя и очень тонкая субстанция.

[50] *Fischer 1997: 800—801.*

Здесь возникает астрологический контекст, непосредственно вытекающий из ренессансных представлений о строении тела и мира. В космологии Фичино человек как «микрокосм» отражает в себе универсум, то есть «макрокосм». Дух индивида оказывается связан с духом мира, тело человека — с телом мира (i.e. с различными его сферами, включая небесные — звезды и божественные материи), а его разум и душа — с душой мира и высшим божественным разумом (в неоплатонической концепции — Единым). Следовательно, звезды правят судьбой человека не в каком-то абстрактном смысле; каждая из них отвечает за свою сферу, свои конкретные объекты мироздания и тела индивида.

Исходя из этого чуму, свирепствовавшую в Италии с сер. XIV в., объясняли влиянием на Землю Сатурна в неблагоприятной конъюнкции с другими планетами. Фичино, написавший среди прочего «Советы по предотвращению заражения чумой», вместе со многими другими мыслителями эпохи представлял ее в виде тяжелого испарения, которое перемещается с места на место (например, из болот в другие низменности) и проникает в тонкие духовные материи человека.

Общей эпидемиологической ситуацией можно объяснить появление мотива чумы в теме здоровья политического тела (*body politic*) Ренессанса[51]: метафора этого заболевания присутствует и в сочинениях Лоренцо Строцци, патрона Макиавелли[52], которому тот посвятил «Искусство войны», и в письмах его друга Франческо Веттори. Поэтому, учитывая неблагоприятное расположение звезд, «ветер фортуны» вполне мог нести в себе болезнь, смертельную для «духа» народа и государя.

[51] *См., напр. Healy 2001.*

[52] *Landon 2013.*

Чтобы уравновесить воздействие Сатурна, провоцировавшего в теле избыток меланхолии и делавшего его уязвимым для болезней, посылаемых космосом, человек должен был окружить себя предметами, отвечавшими другим планетам, гармонизировавшим телесные гуморы и препятствовавшим проникновению в них тлетворных влияний. Детальное описание подобного рода рецептов приводится Фичино и в «Советах по предотвращению заражения чумой», и в его главном сочинении «Три книги о жизни» (особенно в последней книге «О стяжании жизни с небес»)[53], где показывается, как при помощи различных талисманов (естественных и искусственных), особой еды и моциона тело и душа человека могут быть приведены в соответствие с планета-

[53] *Ficino 1522, 1989.*

ми, которые умеряют влияние неблагоприятного расположения звезд. Именно в этом контексте наиболее ярко проявляется «забота о себе» уже упоминавшегося выше современника Макиавелли Челлини: он подробно рассказывает, как, будучи меланхоликом, стремился «выхватывать» из окружающего мира соответствующие целебные удовольствия (*pigliare piacere*) [54].

[54] *Rudnev 2014: 25—43.*

В ситуации, когда «музыка высших сфер» окрашена во враждебные тона Сатурна, искусство медицины Хирона и его умение управлять «звериной» природой космоса были отнюдь не лишними для интеллектуалов Возрождения. Поэтому государь должен был научиться «тайному знанию», позволявшему предотвращать различные беды и недуги в масштабе как собственного тела, так и тела политического.

II. Имагинативная магия. «Естественнонаучный» контекст эпохи (медицина и астрология), объясняющий функционирование человеческого тела и мироздания[55], органично переходит в представления о магических ритуалах как о практических его формах. Магия вносила в конкретную человеческую судьбу особый порядок, коррелирующий с космической гармонией. Использование талисмана, например амулета в виде Юпитера, позволяло добавить в свою жизнь больше влажных и теплых элементов (соответствующих Юпитеру), тем самым нейтрализуя влияние холодного и сухого Сатурна. Так поддерживался естественный «жар» организма, о котором призывали заботиться медики и который меланхолическая натура человека могла чересчур интенсивно «охлаждать»[56].

[55] *Средневековые мыслители считали, например, что медик и астролог должны работать над продлением жизни человека вместе: первый предоставляет для этого «материю», второй — «форму» (см. Crisciani, Ferrari, McVaugh 2010: 460).*

[56] *Ibid.: 462.*

Однако если предрасположенный к меланхолии индивид научался следовать космической гармонии, он становился «меланхолическим гением» (как было в случаях Микеланджело или Рафаэля), в обратной ситуации возрастал риск различных заболеваний (в частности, чумы).

Исследователи иконографической школы посвятили формам реализации подобных взглядов в искусстве фундаментальные работы[57], среди которых наиболее примечательны и известны «Сатурн и меланхолия» Раймонда Клибански, Эрвина Панофски и Фрица Заксля, «Джордано Бруно и герметическая традиция» Фрэнсис Йейтс и «Спиритуальная и демоническая магия от Фичино до Кампанеллы» Даниэля Уокера. Все они в той или иной мере показывают, что во времена Средневековья и Возрождения взаимосвязь искусства и мышления виделась вполне материальной; поэтому искусство оказывалось «инструментальной эстетикой» [58], обладая способностью лечить человека через трансформации его духа и следом — тела.

[57] *См. Gombrich 1948; Klibansky, Panofsky, Saxl 1964; Yates 1964; Panofsky 1972; Walker 2000 и др.*

[58] *Подробнее см. Genevieve 2012.*

Согласно Фичино, образы богов, «отблески» божественных идей воспринимались с помощью «фантазии» — особых образов, которые передавались человеку от другого человека или от предмета искусства/природы посредством духа, как было описано в приведенном выше «музыкальном» примере. Следовательно, в эпоху Возрождения образность имела вполне материальный вид, форму, причастную осязаемому миру.

Неправильное состояние гуморов тела, провоцировавшее расстройство духа, можно было исправить, передав человеку правильную «фантазию» (*fantasia* или *imaginatione*), то есть образ, который бы гармонизировал его духовную организацию[59]. Дух человека «выхватывал» этот образ из действительности, и тот, в свою очередь, переходил на организм, становился его частью. Поэтому искусство, создающее образы, оказывалось важным, активным знанием о жизненном мире.

[59] *Walker 2000: 108.*

В этом контексте умение государя действовать «по природе или с помощью искусства» (*per natura o per arte*) (гл. XIX) имеет ключевое значение: его дух должен «выхватывать» те образы окружающей реальности, которые бы соответствовали государственному интересу. Применительно к рассматриваемому афоризму это означает, что в некоторые моменты, характеризующиеся неблагоприятной констелляцией небесных влияний, государю следует «хорошо знать, как использовать» (*sapere bene usare*), «выхватывать» (*pigliare*) те образы сподручного мира, которые соотносятся со звериной природой.

Поэтому «уподобление» звериной природе (лисе и льву) — эстетизирующая «техника себя». Она аналогична искусству, интегрирующему контексты симпатической магии, медицины и астрологии, и воплощается в сознательной созерцательной активности государя по отношению к «словам и вещам» действительности, в умении оперировать сложными, многосоставными субстанциями ренессансного космоса.

III. Алхимия. Еще одним видом «тайного» знания эпохи Возрождения была алхимия («земная астрономия»). В текстах, не посвященных этому искусству специально (к каковым относится «Государь» Макиавелли), ее следы обычно стерты, однако они могут присутствовать в виде фоновых или метафорических сюжетов, подобных мифу о Хироне — явной отсылке к медицинскому контексту Возрождения.

Традиция описания трансформаций духа, души при помощи алхимической символики сопровождала формирование собственного языка химии, который по мере приближения к Новому времени постепенно выходит на первый план. Но вплоть до XVII в., как справедливо отмечает Юнг, «алхимиков больше волновали „физические“ изменения, происходящие с сознанием, нежели химические реакции»[60].

[60] *Цит. по: Newman 1996: 160.*

Эта констатация позволяет нам взглянуть на трансформации «души» государя и их возможные ассоциации с некоторыми алхимическими процессами как на нечто буквальное и осязаемое. Поскольку в контексте современного Макиавелли знания душа часто отождествлялась с высшей формой «спиритуса», «духа» как разновидности очень тонкого, теплого воздуха, она оказывалась встроена в ряд аналогичных «испарений». Их подобие позволяло символически описывать работу над очищением и возвышением собственной души через стадии очищения вещества во время алхимического «великого делания» (*magnum opus*), цель которого — получение идеальной материи, философского камня. «Великое делание» в представлениях мыслителей той эпохи

сопровождалось характерными изменениями окраски изначального вещества и попутно выделявшихся испарений[61] — так и трансформацию духа зачастую описывали в различных «красках» и образах.

[61] *Berk 2004: 271; Feinstein 2006: 678.*

Поскольку первичная материя в алхимии обычно ассоциировалась с черным цветом, первая стадия *magnum opus* именовалась «черной» (*nigredo*); ее символом в числе прочих была ворона, поэтому душу перед началом духовных упражнений часто сравнивали с вороной. Следующая стадия очищения вещества называлась «белой» (*albedo*), ей сопутствовали образы голубя или лебедя. На переходе к последней, «золотой» стадии (*rubedo*) мог возникать образ павлина, хвост которого символизировал разнообразие ярких красок при химической реакции.

Высшая, «золотая» стадия связывалась с желтым или красным цветом, и потому среди обозначавших ее животных зачастую присутствовали важные для нас лев и лиса[62]. Образ золота, золотого солнечного шара, который они обыгрывали, венчает неоплатонический космос: он символизирует Единое, божественный ум, озаряющий планету. «Уподобиться» ему — значит приобщиться к тайному знанию о глубинных основах мироздания.

[62] *См. Morrison 2011; McLean.*

Принимая во внимание соответствие ряда концептов Макиавелли медицинскому, астрологическому и магическому контекстам, характерным для неоплатонизма Возрождения, правомерно предположить, что у афоризма о «лисе и льве» был и алхимический смысл. На это указывает, в частности, тесная взаимосвязь алхимии, магии, астрологии и медицины в интеллектуальном пространстве Платоновской академии, где лидирующие позиции занимала философия Фичино. Кроме того, в трактате «Государь» образы льва и лисы используются только в контексте «уподобления» им, а затем Макиавелли говорит о необходимости знать, как правильно «окрашивать» их изображение[63].

[63] *Machiavelli 1971: 283. Ср. с другими случаями употребления этого глагола в контексте «окрашивания» изображений, создания образов (Ibid.: 15, 104, 372, 547, 603, 775).*

В комплексе такие единичные намеки наводят на мысль, что в тексте «Государя» действительно присутствует алхимический контекст — как «форма знания, в логических пределах тяготеющая к *немоте*»[64]. Этот вывод представляется мне оправданным исходя из первоначальной функции соответствующей формы знания как «техники себя», тяготеющей к измерению телесно-духовного опыта.

[64] *Гинзбург [Ginzburg] 2004: 226.*

* * *

Во время написания «Государя» Макиавелли, как известно, находился вдали от политической жизни Флоренции, поскольку был в изгнании. В своем поместье, в провинции он вел стоически умеренный образ жизни, занимаясь интеллектуальной деятельностью. Одно из описаний его «досуга» расхоже цитируется, но без контекста, восстановить который можно на базе проведенного исследования.

В письме, адресованном Веттори, он рассказывал: «С наступлением вечера я возвращаюсь домой... Облачаюсь в царственную придворную одежду и, переодетый достойным образом, иду к античным дворам

людей древности... Там я не стесняюсь разговаривать с ними и спрашивать о смысле их деяний, и они, по свойственной им человечности, отвечают мне. ...И я весь переношусь к ним»[65].

[65] *Цит. по: Макиавелли [Machiavelli] 1973.*

Именно благодаря заботе о своей «душе», сопровождавшейся неустанной практикой античных «техник себя», он поддерживал существование в тот момент, когда политический космос Возрождения повернулся к нему «звериной» стороной. Духовные упражнения позволяли Макиавелли почти буквально находиться при «дворах древности»; из материальных и интеллигибельных элементов окружающего мира, словно из конструктора, он создавал себе «правильное место» и одновременно «себя».

Учитывая общую неблагоприятную ситуацию, Макиавелли советовал государю при поиске своей идентичности не гнушаться «выхватывать» звериные атрибуты космоса, которые гармоничны сложившемуся положению небесных сфер. Для этого, однако, надо «хорошо знать, как использовать» (*sapere bene usare*) их. Можно попытаться «уподобиться» героям древности, «имитируя» (*imitare*) их поступки, а можно следовать «звериной» природе, «примеряя» на себя (*pigliare*) «фантазии»-образы льва и лисы.

Посредством этих манипуляций объектами жизненного мира государь обретал «себя», ибо научался видеть правильное место своего «Я» среди других «слов и вещей» во времени и пространстве мироздания, наравне с ними реализуя общий божественный замысел. С другой стороны, с помощью такой интеллектуальной практики государь мог управлять своей «душой», направлять ее трансформации в прагматическом смысле — через привлечение магических, алхимических техник, то есть «тайного» знания.

«Лев» и «лиса» — образы, которые должны раскрываться потенциальному читателю трактата именно за счет игры различных контекстов (более явных и «тайных»), к которым он причастен как человек эпохи Возрождения. Неоплатоническое понимание символического мира тогда предполагало, что искусство и природа оживают именно во взаимодействии, являющемся для «реципиента» «техникой себя», i.e. организованной, повторяющейся формой духовно-телесной активности.

Библиография

Гинзбург К. 2004. *Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история*. — М. [Ginzburg K. 2004. Mify — ehmblemy — primety. Morfologija i istorija. — M.].

Канторович Э.Х. 2013. *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. — М. [Kantorowicz E.H. 2013. Dva tela korolja: Issledovanie po srednevekovojj politicheskojj teologii. — M.].

Макиавелли Н. 1982. *Государь: Избранные сочинения*. — М. [Machiavelli N. 1982. Gosudar': Izbrannye sochinenija. — M.].

Макиавелли Н. 1973. *История Флоренции*. — М. [Machiavelli N. 1973. Istorija Florencii. — M.] (http://www.vostlit.info/Texts/rus/Macci/framevved.htm).

Фуко М. 2005. *Нужно защищать общество*. — СПб. [Foucault M. 2005. Nuzhno zashhishhat' obshhestvo. — SPb.].

Фуко М. 2011. *Безопасность. Территория. Население*. — СПб. [Foucault M. 2011. Bezopasnost'. Territorija. Naselenie. — SPb.].

Agrimi J., Crisciani Ch. 1994. *Les «Consilia» Médicaux*. — Turnhout.

Archambault P. 1967. The Analogy of the Body in Renaissance Political Literature // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. T. 29. № 1.

Berk M.F.M. van den. 2004. *Magic Flute*. — Leiden, Boston.

Cassirer E. 1946. *The Myth of the State*. — New Haven.

Crisciani C., Ferrari G., McVaugh M. 2010. *Arnaldi de Villanova: Tractatus de humido radicali*. Vol. 2. — Barcelona.

Croce B. 1925. *Elementi di politica*. — Bari.

Darnton R. 1986. The Symbolic Element in History // *Journal of Modern History*. Vol. 58. № 1.

Darnton R. 1999. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. — N.Y.

Deitz M. 1986. Trapping the Prince: Machiavelli and the Politics of Deception // *American Political Science Review*. Vol. 80. № 3.

Feinstein S. 2006. Horsing around: Framing Alchemy in the Manuscript Illustrations of the «Splendor Solis» // *Sixteenth Century Journal*. Vol. 37. № 3.

Ficino M. 1522. *Il consiglio di Marsilio Ficino Fiorentino contro la pestilentia con altre cose aggiunte appropriate alla medesima malattia*. — Firenze.

Ficino M. 1989. *Three Books of Life*. — N.Y.

Fischer M. 1997. Machiavelli's Political Psychology // *The Review of Politics*. Vol. 59. № 4.

Foucault M. 1986. *The History of Sexuality. Vol. 3: The Care of the Self*. — N.Y.

Foucault M. 2002. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. — L., N.Y.

Genevieve G. (ed.) 2012. *Magical Imaginations: Instrumental Aesthetics in the English Renaissance*. — Toronto, Buffalo, L.

Glass J.M. 1976. Machiavelli's Prince and Alchemical Transformation: Action and the Archetype of Regeneration // *Polity*. Vol. 8. № 4.

Godman P. 1998. *From Poliziano to Machiavelli: Florentine Humanism in the High Renaissance*. — Princeton.

Gombrich E. 1948. Icones Symbolicae: The Visual Image in Neo-Platonic Thought // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 11.

Grafton A., Newmann W. (eds.) 2001. *Secrets of Nature: Astrology and Alchemy in Early Modern Europe*. — Cambridge (MA).

Greenblatt S. 1980. *Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare*. — Chicago.

Hadot P. 1995. *Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault*. — Cambridge (MA).

Healy M. 2001. *Fictions of Disease in Early Modern England: Bodies, Plagues, and Politics*. — N.Y.

Holden A., Elden S. 2005. «It Cannot Be a Real Person, a Concrete Individual»: Althusser and Foucault on Machiavelli's Political Technique // *Borderlands*. Vol. 4. № 2 (http://www.borderlands.net.au/vol4no2_2005/eldenhold_foucault.htm).

Ingman H. 1982. Machiavelli and the Interpretation of the Chiron Myth in France // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 45.

Jung C.G. 1970. *Collected Works. Vol. 14: Mysterium Coniunctionis*. — Princeton.

Kahn V. 1986. Virtu and the Example of Agathocles in Machiavelli's Prince // *Representations*. № 13.

Katinis T. 2007. *Marsilio Ficino: Il Consilio contro la pestilentia*. — Roma.

Keynes J.M. 2010. Newton, the Man // *Essays in Biography*. — L.

Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. 1964. *Saturn and Melancholy: Studies in the History of Natural Philosophy, Religion, and Art*. — N.Y.

Landon W. 2013. *Lorenzo di Filippo Strozzi and Niccolo Machiavelli*. — Toronto.

Lessicografia *della Crusca in rete* (http://www.lessicografia.it/).

Linden S. (ed.) 2003. *The Alchemy Reader: From Hermes Trismegistus to Isaac Newton*. — Cambridge.

Machiavelli N. 1971. *Tutte le opere*. — Firenze.

Machiavelli N. 1976. *The Prince* (transl. by Atkinson J.B.). — Indianapolis.

Machiavelli N. 1998. *The Prince* (transl. by Mansfield H.C.). — Chicago.

Machiavelli N. 2008. *The Prince* (transl. by Bondanella P.B.). — Oxford.

MacLean I. 1998. Foucault's Renaissance Episteme Reassessed: An Aristotelian Counterblast // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 59. № 1.

Mattingly G. 1958. Machiavelli's Prince: Political Science or Political Satire? // *The American Scholar*. № 28.

McLean *A. Animal Symbolism in the Alchemical Tradition* (http://www.levity.com/alchemy/animal.html).

Minogue K.R. 1972. Theatricality and Politics: Machiavelli's Concept of Fantasia // Parekh B., Berki R.N. (eds.) *The Morality of Politics*. — L.

Morrison L. 2011. *The Healing Wisdom of Birds*. — Woodbury.

Newmann W. 1996. «Decknamen or pseudochemical language?»: Eirenaeus Philalethes and Carl Jung // *Revue d'histoire des sciences*. T. 49. № 2—3.

Obrist B. 1982. *Les débuts de l'imagerie alchimique (XIV—XV siecles)*. — P.

Panofsky E. 1972. *Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance*. — N.Y.

Parel A.J. 1991. The Question of Machiavelli's Modernity // *The Review of Politics*. Vol. 53. № 2.

Parel A.J. 1992. *The Machiavellian Cosmos*. — New Haven.

Patapan H. 2003. «I Capitoli»: Machiavelli's New Theogony // *The Review of Politics*. Vol. 65. № 2.

Pocock J. 1975. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. — Princeton.

Rahe P.A. 2008. *Against Throne and Altar: Machiavelli and Political Theory under the English Republic*. — Cambridge.

Razzi T. 1577. *Modo di conservarsi sano per regola di vita, non solo quand' è la peste, ma in tutti gli altri tempi*. — Firenze.

Rudnev Yu. 2014. Renaissance Medicine, Magic, and Alchemy in Benvenuto Cellini's Vita // *ENTHYMEMA*. № 11 (http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/4566/4699).

Sandro L. 2014. «Per purgare li animi di quelli populi»: Metafore del vincolo politico e religioso in Machiavelli // *Storia del pensiero politico*. № 2.

Skinner Q. 1969. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. Vol. 8. № 1.

Skinner Q. 1978. *The Foundations of Modern Political Thought. Vol. I: The Renaissance*. — Cambridge.

Skinner Q. 2002. Republican Virtues in an Age of Princes // Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. II: Renaissance Virtues*. — Cambridge.

Strauss L. 1958. *Thoughts on Machiavelli*. — Glencoe.

Struever N. 1992. *Theory as Practice: Ethical Inquiry in the Renaissance*. — Chicago.

Walker D.P. 2000. *Spiritual and Demonic Magic: From Ficino to Campanella*. — University Park.

Yates F.A. 1964. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. — L.

Г.И.Мусихин

«БЛЕСК И НИЩЕТА» ПОЛИТИЧЕСКИХ РИТУАЛОВ

Ключевые слова: ритуал, политический ритуал, религиозный ритуал, символизация, миф, политическое действие

Если говорить об отношении к ритуалам в науках об обществе, то можно обнаружить очевидную двойственность. С одной стороны, значение ритуалов в социальной жизни вообще и в политике в частности никто не отрицает. С другой стороны, изучение самих ритуалов часто упрекают в ненаучности, видя в нем не более чем «слабо структурированные мысли по поводу слабо определенной темы»[1]. Тем не менее не подлежит сомнению, что ритуалы представляют собой особые социальные практики, которые не могут быть отождествлены с привычками, моральными устоями и даже традициями ввиду особого перформативного эффекта, возникающего благодаря регулярному повторению заранее усвоенных знаковых действий, наделенных очевидным «драматургическим» смыслом[2]. Джеффри Александер понимает под коллективными ритуалами «регулярные и упрощенные эпизоды культурного общения, в котором непосредственные участники социального взаимодействия и те, кто за ним наблюдает, разделяют веру в описывающую и предписывающую достоверность символического содержания коммуникации, а также согласны с подлинностью намерений друг друга»[3].

[1] *Goody 1977: 25—35.*

[2] *Kertzer 1988: 8—9.*

[3] *Alexander 2006: 29.*

Что касается политических ритуалов, то, как правило, это перформативные речевые акты, совершаемые участниками тех или иных церемоний на основе общей веры в значимость произносимых слов. И хотя «весь мир театр», ритуалы все же надо отличать от театральных представлений как таковых. Нерадивые политтехнологи, не понимающие отличия одного от другого, способны дискредитировать политические ритуалы, лишив их смысла и символического содержания. *У ритуалов нет «зрителей» как сторонних наблюдателей*. Созерцание/восприятие ритуала предполагает ту или иную форму приобщения как участия (а не просто зрительского сопереживания).

Ритуалы как речевые акты являются (в терминологии Джона Остина[4]) и *иллокутивными* (непосредственно), и *перлокутивными* (институционально). Иллокутивное речевое воздействие побуждает участников ритуала к формированию коллективного «Мы»; ритуальные фразы, будучи произнесены, делают произнесшего их соучастником, а не просто заинтересованным зрителем. Перлокутивная сила ритуальных речевых актов запускает механизм символической власти институтов, которая наделяет события упорядоченностью и предска-

[4] *Подробнее см. Остин [Austin] 1986.*

зуемостью, символически соединяя прошлое, настоящее и будущее[5]. Именно такая символическая институционализация ритуалов создает *ощущение* постоянства, придавая ритуалам смысл «единиц хранения» традиций.

[5] *См., напр. Kertzer 1988: 9—10.*

Однако при этом не нужно забывать о принципиальном различии между иллокутивными и перлокутивными речевыми актами, зафиксированном Остином. Иллокутивные речевые акты обладают *определенной коммуникативной силой, лишь будучи конвенциональными*; в этом случае они обеспечивают указание не только на значение выражаемой пропозиции, но и на коммуникативную цель высказывания (как раз поэтому и возникает коллективное «Мы»). Перлокутивные речевые акты служат *намеренному воздействию на адресата и достижению некоего результата вследствие своей неконвенциональности*. Именно последняя *запускает процесс символизации*, а не просто обозначения.

Наличие политических ритуалов является показателем зрелости существующих обществ и серьезности намерений общественных и освободительных движений. Особый интерес здесь представляют столкновения одних ритуалов с другими, как, например, в Польше 1970—1980-х годов, когда официальные коммунистические ритуалы стали с очевидностью уступать позиции ритуалам религиозным и протестным. Отчетливее всего это было заметно в периоды майских праздников и пасхи, которые отмечались примерно в одно и то же время[6].

[6] *Kubik 1989.*

Типологизацией ритуалов вообще и политических ритуалов в частности наиболее последовательно занимались Роберт Гудин и Макс Глюкман[7]. Глюкман классифицировал ритуалы per se, выделяя магические и религиозные действия, конституирующие и каузальные ритуалы[8]. Гудин фокусировал внимание именно на политических ритуалах, поэтому магическое и религиозное он объединил в единый тип магически-религиозных ритуалов и, оставив в неизменном виде тип конституирующих ритуалов, разделил каузальные ритуалы на схематизирующие (упорядочивающие) и представительные[9].

[7] *Gluckman 1962; Goodin 1978.*

[8] *Gluckman 1962: 23.*

[9] *Goodin 1978: 291.*

Различия между двумя последними, которые не столь очевидны, как в остальных случаях, можно проследить на примере символических акцентов демонстраций 1 мая и парадов 9 мая в Советском Союзе. Если первомайская демонстрация была призвана в первую очередь служить внедрению в массовое сознание систематически упорядоченных идеологических догм, то парад 9 мая на Красной площади был свидетельством представленного «здесь и сейчас» единства советского общества, которое помнит, гордится и готово к отражению любой агрессии.

Вместе с тем, опираясь на функциональность политики как таковой, упомянутые классификации упускают из виду многие содержательные аспекты самих ритуалов. Поэтому в настоящей статье я буду следовать данным классификациям лишь отчасти, включив в рассмотрение наиболее популярные формы политических ритуалов.

Политические и религиозные ритуалы: онтологическое различие и коммуникативное сходство

Магически-религиозные ритуалы являются самими «прозрачными» с точки зрения содержательного компонента, привносимого в политическое действие. Коронация — наиболее распространенный вид такого ритуала. Но даже в сугубо светских ритуалах религиозный компонент может «чудесным образом» получить право на жизнь. Достаточно вспомнить инаугурацию президентов Соединенных Штатов, которые должны приносить присягу на Конституции и произносить клятву, в которой нет слов «Да поможет мне Бог». Однако Джордж Вашингтон по собственной инициативе положил под Конституцию США Библию и добавил к клятве последнюю фразу, сообщив сугубо светскому акту (в нашем случае — разновидности конституирующего ритуала) очевидный религиозный компонент.

Важно учитывать, что политические ритуалы преследуют менее амбициозные цели, нежели религиозные обряды. В рамках политической жизни было бы чересчур претенциозно воздвигать преграду природному хаосу, упорядочивая через апелляцию к потустороннему социальную действительность. Тем не менее как минимум два элемента веры в политических ритуалах присутствуют: во-первых, все политические ритуалы вырастают из четко выраженных политических убеждений, во-вторых, устойчивые политические ритуалы создают условия для общей системы взглядов.

Другими словами, на собственно ритуальном уровне повторяющегося перформативного действия ассоциация политических ритуалов с религиозными обрядами очевидна. И если онтологически различия между первыми и вторыми обнаруживаются достаточно легко, то на коммуникативном уровне разница становится трудноуловимой, на что указывал еще Эмиль Дюркгейм[10]. Влияние религиозной формы и способов воздействия в политических ритуалах особенно усиливается, если ритуалы посвящены близким религии темам сотворения (революции) или смерти (войны).

[10] Дюркгейм [Durkheim] 1998: 180.

Ритуалы как политическая рутина

Подавляющее большинство политических ритуалов относится не к знаменательным событиям, а к повседневной политической жизни. Как правило, это институционально упорядоченные действия, *претендующие* на символическое содержание. Такие ритуалы во многом структурируют политическую повседневность: регулируемые регламентом заседания парламента и правительства, официальные выступления ведущих государственных деятелей (обращения к тем же парламентам), различного рода государственные визиты, политические приемы, съезды и форумы и т.д.

Ритуальная структуризация политической повседневности происходит за счет насыщения последней событиями, которые задают характер «политического времени». Так, неожиданное значение приобретает *ритуал появления*, например схождение прибывшего политика по трапу самолета. Это событие гарантированно привлечет к себе вни-

мание СМИ, хотя содержательное его наполнение ничтожно[11]. Особым ритуалом является также *вступление в контакт* (начало коммуникации). Ритуально-событийная протяженность этих структурных элементов политической рутины гораздо больше реального времени. Прямо противоположным образом обстоит дело со следующим ритуалом, собственно *рабочим действием*, ритуальный механизм которого заключается как раз в том, чтобы «схлопнуть» временну́ю протяженность, а затем вновь увеличить событийную значимость *ритуала объявления* результатов (например, в форме пресс-конференции) и *ритуала ухода*.

[11] Подробнее о ритуалах в СМИ см. Черных [Chernykh] 2013.

Иначе говоря, мы сталкиваемся с довольно любопытным *механизмом повседневной политической ритуализации: увеличением событийной значимости менее содержательных компонентов политического действия*. Принципиальную роль здесь играет четкое соблюдение регламента или протокола. В противном случае структура политического события нарушается, что может привести к непредсказуемым последствиям, приобретающим уже реально символическое звучание. Весьма показательно в этом отношении знаменитое коленопреклонение Вилли Брандта перед памятником погибшим в ходе восстания в Варшавском гетто. Данное событие само было увековечено в памятнике и вызвало волну обсуждений в политических кругах, и не только немецких, а дискуссии исследователей по поводу этого казуса продолжаются до сих пор[12].

[12] Dieter, Mooren 2004.

Именно такие чреватые политической символизацией флуктуации наиболее четко демонстрируют угрозу превращения повседневных политических ритуалов, утративших свой ценностный фундамент в виде убеждений, в рутинизированную процедуру и фольклорную постановку, лишенную истинного духа традиции. Однако при попытках технологизировать отклонения от «ритуальной нормы» последние неминуемо теряют силу символического воздействия, носящего мультиплицирующий неконвенциональный характер. Эти отклонения являются *знаковыми, но не символическими*. Не соответствующий месту проповеднический тон речей Барака Обамы в Конгрессе, полет Владимира Путина с журавлями, апелляции Николя Саркози к Жану Жоресу и Леону Блюму — все это стало знаковыми и узнаваемыми событиями, но не привело (и не могло привести) к массовой мобилизации коллективного самосознания различных социальных слоев, что происходит в случае успешной политической символизации.

Ярче всего подобная квазисимволизация прослеживается в рамках *выборов как миметических* (подражательных) *ритуалов демократии*. Еще Уильямом Райкером было показано, что никакого народа как единого юридического волящего субъекта в момент выборов нет[13], однако сама ритуальная процедура выборов демонстрирует как бы имеющийся народ, который как бы осуществляет верховную власть. Тем самым выполняется очень важная искупительная функция «демократического катарсиса», в ходе которого будто бы звучит vox populi[14].

[13] Riker 1982: 283.

[14] Об «искупительном» значении демократии см. Canovan 1999: 9.

В свое время Мюррей Эдельман показала, как подобные механизмы «обезвреживают» реальные социально-политические конфликты и способствуют укреплению власти[15]. Квазисимволическим образом такие конфликты как бы переносятся на властный уровень, подвергаясь институциональному выхолащиванию. Словесно зафиксированные в массовом сознании, они продолжают артикулироваться политическими оппонентами, но подлинная борьба за власть и ее претворение, как правило, сильно расходится с этой «театральной постановкой»[16]. В итоге *реальная демократия заменяется ритуальной*, где связь власти с насущными социальными интересами становится фрагментарной, хотя и никогда полностью не исчезает.

[15] *Edelman 1969: 245.*

[16] *Об этом см. Bourdieu 1991: 496—499.*

Ритуалы преображения и установления: упорядочивание пограничных состояний

Наиболее наглядными примерами политических ритуалов преображения и установления являются различного рода инаугурации. Особенно показательны в этом отношении инаугурации президентов США. Было подмечено, что в ходе этих сугубо светских на первый взгляд мероприятий «естественное тело» кандидата преображается в бессмертное «политическое тело» лидера нации[17]. Подобные ритуалы призваны обозначать начало нового политического цикла, обновление политического поля и одновременно преемственность политической жизни. Посредством таких ритуалов происходит явное или имплицитное обоснование господствующих идеологических постулатов и существующей социальной иерархии, диктующей соответствующее распределение власти. Тем самым в очередной раз *торжественно подтверждаются невидимые, но фактически непреодолимые границы между управляющими и управляемыми*.

[17] *Müller 1998: 200.*

Другая особенность политических ритуалов преображения и установления заключается в том, что они знаменуют собой *пограничное* состояние, когда одно качество политической жизни уже не действует, а другое еще не провозглашено как действующее. Это пороговое состояние, которое можно назвать стадией маргинальности[18], создает *иллюзию преодоления социальной иерархии*, порождая чувство общности между неравными. Но в конечном счете это чувство еще больше укрепляет сложившийся социальный порядок.

[18] *Об этом см. Turner 1989: 94—158.*

Ритуалом преображения и установления можно считать и *процедуру выборов*, которые, занимая очень небольшой промежуток времени, подобно молнии, на мгновение освещают политический ландшафт, символизируя наличие сообщества, где все граждане уравнены правилом «один человек — один голос». Эта кратковременная *«вспышка эквивалентности»* не преодолевает социально-политические различия, а лишь фиксирует их постфактум, после своего «угасания»[19]. Иными словами, равенство голосующих существует только в сам момент голосования как ритуала, знаменующего собой переход от одного политического состояния к другому.

[19] *Lefort, Gauchet 1990: 113.*

Политические ритуалы жертвоприношения: ослабление через формализацию

Ограниченность символизирующего воздействия политических ритуалов наиболее отчетливо демонстрируют политические ритуалы жертвоприношения. Во многом это обусловлено тем, что переход из религиозной сферы в сферу политическую неизбежно выхолащивает смысловую и символическую силу жертвенного откровения.

Изначальный социальный смысл религиозных ритуалов жертвоприношения заключался в снятии угрозы массового насилия между людьми. Если грехи можно перенести на козла отпущения, нет непосредственной необходимости воздавать за них строго по заслугам всем согрешившим. Однако в политической сфере этот смысл жертвоприношения уже фактически не действует. Поисками врага время от времени занимаются и в современной политике, но эти поиски, будучи следствием случайного стечения обстоятельств, не могут претендовать на статус регулярного ритуала.

Даже самые распространенные на сегодняшний день военные ритуалы, связанные с памятью о жертвах войны, все больше приобретают формализованный характер, превращаясь в нечто вроде театральной постановки, о которой все знают, но которая не порождает подобающего чувства сопричастности[20]. И «креативные» попытки стимулировать такое чувство являются скорее подтверждением данного кризиса, нежели преодолением его. Достаточно вспомнить кампанию по раздаче Георгиевских ленточек, которая способствовала не столько возрождению ритуала жертвенности, сколько его деградации. Символическая орденская лента солдатского самопожертвования (Георгиевский крест был солдатским орденом, как и его советский аналог Орден Славы) на бампере автомобиля больше ассоциируется с кощунством, чем с сопричастностью жертвенному подвигу.

[20] См., напр. Behrenbeck 1998.

Зеркально перевернутое символическое звучание получил ритуал жертвоприношения в современных радикальных фундаменталистских движениях, которые заставили вспомнить о том, что изначально жертвоприношения были человеческими не в символическом, а в прямом смысле слова. Как это ни парадоксально, но именно террористические показательные убийства возродили в памяти истинный смысл жертвоприношения как символизации насилия, призванного очистить мир от «зла».

В случае с терактами 11 сентября 2001 г. сработал даже мультиплицирующий эффект истинной политической символизации: палестинские арабы в массовом порядке приняли участие в стихийных митингах, приветствовавших события в Нью-Йорке. Это шокировало жителей стран Запада и встревожило политическую элиту арабских стран. При этом если западная общественность была обескуражена именно искренней радостью палестинцев, то арабская элита, с одной стороны, опасалась реакции США, а с другой, тревожилась по поводу неподдельной коллективной самоидентификации, сработавшей фактически мгновенно и «поверх голов» политических лидеров. В этом смысле теракты 11 сентября действительно стали символом (а не знаком, выдаваемым за символ) политико-культурного раскола в мире.

Политические праздники как ритуализация мифов

Если говорить о ключевых политических праздниках, то они представляют собой одно из самых наглядных воплощений состояния, когда политические ритуалы соединяются с политическими мифами, выступают их непосредственным продолжением: мифический штурм Зимнего дворца, мифическое *национальное* освобождение Североамериканских колоний (английский не является государственным языком США в полном смысле этого слова).

На неразделимость мифа и ритуала указывал еще Эрнст Кассирер, который рассматривал миф как эпическую, а ритуал — как драматическую стороны одной медали, утверждая, что *ритуал есть «жизненный принцип» мифа*[21]. Миф и ритуал образуют «взаимовыгодную политическую коалицию»: первый наделяет второй легитимностью, а второй, в свою очередь, обеспечивает первому механизм поддержания в повседневной жизни, будь то устойчивый нарратив, монументальная пропаганда или некая форма аффективного приобщения. Благодаря ритуалу миф существует здесь и сейчас и вместе с тем обладает упорядоченной и (что крайне важно для коллективной самоидентификации) хорошо известной процедурой воплощения. То есть, если миф раздвигает (стирает) границы времени и пространства, то ритуал придает этим пространственно-временным «перемещениям» чувственно воспринимаемый вид. Через ритуал мифическое время символизирует себя как объединяющая основа времени вселенского и времени человеческого[22]. Регулярность праздничного ритуала сообщает человеческой жизни определенный ритм, который одновременно соизмерим с повседневностью и выходит за ее пределы, так как значимые политические годовщины отмечаются *каждый год*, хотя первоисточник данного события может отстоять от нас уже на *столетия*.

[21] Cassirer 1994: 41.

[22] Об этом см. Ricoeur 1988: 168—172.

Непременная черта политического ритуала как праздника — его привлекательность. При этом при особом стечении обстоятельств политические праздничные ритуалы могут вызывать чрезвычайную конденсацию эмоций, получающих радикальный выход, именуемый массовой эйфорией[23]. В наибольшей степени это характерно для тоталитарных государств с их массовыми политическими литургиями и продуманной политической хореографией, что позволяет вводить в состояние политического транса обычных обывателей, не склонных в повседневности к идеологическому фанатизму. В связи с этим существует — и довольно широко распространена — точка зрения, согласно которой моменты массового экстаза, срежиссированного тоталитарной политической хореографией, являются модернизированной версией дионисийских вакханалий, сексуализирующей связь масс с лидерами[24].

[23] Об этом см. Klimó, Rolf (Hrsg.) 2006: 13—15.

[24] Об этом см. Kühberger 2006.

Можно сказать, что в последнем случае мы наблюдаем действительную политическую символизацию, поскольку даже срежиссированная хореографическая политическая постановка здесь не только получает ожидаемое массовое одобрение, но и порождает неконвенциональное массовое обожание, лежащее в основе коллективной самоидентификации в данном месте и в данное время. Однако проблема

такого рода политической символизации в том, что она необычайно ресурсозатратна (подобные постановки требуют серьезных временны́х, финансовых, организационных и художественных вложений) и краткосрочна (эйфория как основа самоидентификации не способна существовать дольше конкретного события, поддерживающего состояние эйфории).

Более долговременный (но менее символический) эффект имеет *воспитательная* составляющая политических праздников. В политических ритуалах этого типа именно знаковый и конвенциональный аспекты массовой коммуникации играют ключевую роль. Коллективному сознанию объясняют и предписывают определенные политические принципы и ценности, ожидая их усвоения и согласия с ними[25]. Поэтому воспитательный компонент политических праздников часто рутинизируется, продуцируя не столько массовую идентичность, сколько массовое *конформистское* равнодушие.

[25] *Assmann 1991.*

В наименьшей степени риску рутинизации подвержены политические праздники, призванные подчеркнуть военную мощь государства. Будучи, как правило, хорошо срежиссированными мероприятиями, привлекающими массовое внимание, военные парады выполняют функцию «схлопывания» исторического времени, так как отсылают к своему первоисточнику в прошлом и вместе с тем демонстрируют военную силу и выучку в настоящем. Но подобные политические праздники тоже носят ярко выраженный конвенционально-знаковый, а не спонтанно-символический характер. Мы получаем удовольствие от предвкушения события, которое потом оправдывает (или не оправдывает) наши ожидания, а не от чувства единения, вызванного способностью сходным образом воспринимать одни и те же вещи. Для того чтобы такое единение возникло, нужны события, выходящие за рамки самой праздничной демонстрации силы (как это было, например, во время парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади).

Несколько особняком стоят траурные торжества в связи с кончиной выдающихся политических деятелей. С одной стороны, это ритуалы, поскольку к ним целенаправленно готовятся, но с другой — уникальные «разовые» мероприятия, ибо смерть выдающихся лидеров подразумевает, что такие лидеры были, а это в политической и государственной жизни явление, как известно, редкое. Но именно вследствие уникальности подобных ритуалов они могут способствовать действительной политической символизации, оставляющей долгий след в коллективном сознании. Достаточно вспомнить траурные мероприятия, связанные с похоронами Владимира Ленина, в ходе которых спонтанные сплоченность и солидарность с умершим вождем проявились настолько очевидно, что послужили основанием для квазирелигиозного культа и поклонения не только делу Ленина, но и его телу per se. Однако случаи такой истинной (а не технологически-пропагандистской) сакрализации скорее исключение, нежели правило траурных политических торжеств.

В целом же можно констатировать, что современные политические праздники все больше утрачивают сакральный ритуальный смысл, превращаясь в обычные выходные дни. Это ослабляет роль профессиональных политических акторов в такого рода мероприятиях, но позволяет широким слоям населения более пластично подключаться к их смыслам (разумеется, при наличии соответствующего желания). Тем не менее символическое наполнение подобной коммуникации обычно бывает минимальным.

Памятные даты и юбилеи как «двойное слияние»

Ритуальные политические мероприятия, посвященные юбилейным торжествам, могут быть охарактеризованы как *«двойное слияние»*. Во-первых, речь идет о слиянии с прошлым. Круглая дата указывает на то, что с момента соответствующего события прошло уже продолжительное время, и вместе с тем на то, что благодаря памяти людей, данное событие отмечающих, это расстояние исчезает. И здесь задействуется (во-вторых) коллективное слияние (единение) тех, кто помнит и обещает помнить в будущем, сохраняя тем самым единство.

Политические юбилеи способствуют активации коммуникативной коллективной памяти[26]. В данном случае обмен и усвоение информации приобретают значение общей судьбы для всех помнящих и отмечающих (празднующих). В этом контексте юбилеи одновременно выполняют три коммуникативные функции: создают повод для взаимодействия и участия; делают возможным продуцирование коллективного «Мы»; побуждают к коллективной рефлексии об общем прошлом и общем настоящем[27]. Через коллективную память события прошлого, *объявленные* посредством юбилейного ритуала принципиально *важными для настоящего*, с той или иной степенью успешности участвуют в конструировании актуальной *коллективной идентичности*[28].

[26] *Об этом см. Welzer 2002.*

[27] *Assmann 2005: 310—314.*

[28] *Gillis (ed.) 1996: 3—24.*

В известном смысле любой значимый юбилейный ритуал так или иначе посвящен *актуальным на данный момент* политическим проблемам[29]. Весьма показательны в этом плане годовщины Октябрьской революции. В 1977 г., накануне ее 60-летия, была принята новая Конституция СССР, и все торжества прошли под знаком успешного построения развитого социализма, идея же неизбежности коммунизма фиксировалась формально и не была главным лейтмотивом юбилея. В 1987 г. в ходе празднований акцентировалась связь перестройки с возрождением ленинского наследия и «забытых» идеалов Октября.

[29] *О неоднозначности политического осмысления истории см. Мусихин [Musikhin] 2012.*

Не менее показательным было празднование 200-летия Великой французской революции. В год, когда отмечалась эта дата, пала Берлинская стена, поэтому собственно революционный пафос в официальных мероприятиях был отодвинут на задний план, чтобы не возникало ассоциативных связей с тоталитарными «наследниками» революции. Устроители юбилея проявили «избирательную амнезию», сосредоточившись на первом этапе революции с ее «Декларацией прав человека и гражданина». Однако правые радикалы сделали все, чтобы напомнить

о революционном терроре. Призывая отмечать революцию как поминовение сотен тысяч ее жертв, Жан-Мари Ле Пен апеллировал к исследованиям консервативных историков, назвавших подавление восстания в Вандее «революционным геноцидом против французского народа», а саму революцию — прародительницей «монструозных дочек» в виде большевизма и нацизма[30], так как именно события Французской революции дали заразительный пример, когда «глупость и вандализм объединились, чтобы выхолостить национальное наследие...» [31].

[30] *Christadler 1998: 28*

[31] *Ibid.: 29.*

Справедливости ради нужно отметить, что символизирующее воздействие подобного рода юбилеев крайне ограниченно. В случае с Октябрьской революцией политическая символизация ослаблялась рутинизацией юбилейных торжеств, в случае с Французской революцией на первое место выходил конфликт смыслов и значений, а не символов.

* * *

Опираясь на изложенное выше (и вспоминая название данной статьи), можно взять на себя смелость утверждать, что непосредственное *побуждающее* воздействие ритуалов («клянемся», «обещаем», «не забудем», «встать, суд идет» и т.д.) есть не более чем *«договорная иллюзия»* символического воздействия, которая может быть разрушена неконвенциональным и перлокутивным: «А король-то голый!». А вот уже «голый король» становится реально *символической*, а не *ритуальной* фигурой.

Вместе с тем не стоит недооценивать значение ритуалов для современных сообществ вообще и политических сообществ в частности. Если говорить о воздействии ритуалов на человеческое поведение, то они могут стимулировать как когнитивные, так и аффективные и конативные (волевые и мотивационные) процессы. Ритуалы могут быть проводниками знаний и полезной информации (достаточно вспомнить разнообразные религиозные ритуалы, связанные с фазами луны и движением солнца). Ритуалы могут продуцировать сильные эмоции — и приводить к разрядке таковых. Наконец, ритуалы способны структурировать межличностные отношения, порождая устойчивые согласованные образцы массового поведения. Другими словами, хотя мы фиксируем ритуалы как прежде всего речевые акты, компонент *действия* им тоже присущ. Подобный комплексный характер позволяет ритуалам выполнять *функцию стабилизации социального порядка* (чаще всего через оправдание социальных различий) и адекватного тому или иному социальному порядку использования власти.

Библиография

Дюркгейм Э. 1998. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // Красников А.Н. (ред.) *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология*. — М. [Durkheim É. 1998. Ehlementarnye formy religioznojj zhizni: totemicheskaja

sistema v Avstralii // Krasnikov A.N. (red.) Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija: Antologija. — M.].

Мусихин Г.И. 2012. Идеология и история // *Общественные науки и современность*. № 1 [Musikhin G.I. 2012. Ideologija i istorija // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. № 1].

Остин Д.Л. 1986. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов*. — М. [Austin J.L. 1986. Slovo kak dejjstvie // Novoe v zarubezhnojj lingvistike. Vyp. 17: Teorija rechevykh aktov. — M.].

Черных А.И. 2013. *Медиа и ритуалы*. — М., СПб. [Chernykh A.I. 2013. Media i ritualy. — M., SPb.].

Alexander J.C. 2006. Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // Alexander J.C., Giesen B., Mast J.L. (eds.) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. — Cambridge.

Assmann J. 1991. Der zweidimensionale Mensch. Das Fest als Medium des kollektiven Gedächtnisses // Assmann J. (Hrsg.) *Das Fest und das Heilige*. — Gütersloh.

Assmann J. 2005. Jahrestage — Denkmäler in der Zeit // Münch P. (Hrsg.) *Historische Jubiläen: Private und öffentliche Erinnerung*. — Essen.

Behrenbeck S. 1998. Gefallenengedenken in der Weimarer Republik und im «Dritten Reich» // Arnold S., Fuhrmeister C., Schiller D. (Hrsg.) *Politische Inszenierung im 20. Jahrhundert: Zur Sinnlichkeit der Macht*. — Wien, Köln, Weimar.

Bourdieu P. 1991. Die politische Repräsentation // *Berliner Journal für Soziologie*. № 4.

Canovan M. 1999. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // *Political Studies*. Vol. 47. № 1.

Cassirer E. 1994. *Der Mythus des Staates: Philosophische Grundlagen politischen Verhaltens*. — Frankfurt/M.

Christadler M.L. 1998. 200 Jahre danach: die Revolutionsfeier zwischen postmodernem Festival und republikanischer Wachsamkeit // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. № 22.

Dieter K., Mooren H. 2004. Spontan oder geplant? Bemerkungen zu Willy Brandts Kniefall in Warschau // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. № 55.

Edelman M. 1969. Escalation and Ritualization of Political Conflict // *American Behavioral Scientist*. № 13.

Gillis J.R. (ed.) 1996. *Commemorations: The Politics of National Identity*. — Princeton.

Gluckman M. 1962. *Essay on the Ritual of Social Relations*. — Manchester.

Goodin R.E. 1978. Rites of Rulers // *British Journal of Sociology*. № 3.

Goody J. 1977. Against «Ritual»: Loosely Structured Thoughts on a Loosely Defined Topic // Moore S.F., Myerhoff B.G. (eds.) *Secular Ritual*. — Amsterdam.

Kertzer D.I. 1988. *Rituals, Politics and Power*. — New Haven, L.

Klimó A. von, Rolf M. (Hrsg.) 2006. *Rausch und Diktatur: Inszenierung, Mobilisierung und Kontrolle in totalitären Systemen*. — Frankfurt/M.

Kubik J. 1989. Polish May Day Celebrations in the 1970's and in 1981: An Essay on the Symbolic Dimension of a Struggle for Political Legitimacy // *The Polish Review*. № 2.

Kühberger C. 2006. *Metaphern der Macht: Ein kultureller Vergleich der politischen Feste im faschistischen Italien und im nationalsozialistischen Deutschland*. — Münster.

Lefort C., Gauchet M. 1990. Über die Demokratie: Das Politische und die Instituierung des Gesellschaftlichen // Rödel U. (Hrsg.) *Autonome Gesellschaft und libertäre Demokratie*.— Frankfurt/M.

Müller M.G. 1998. Die zwei Körper des Präsidenten: Zur Inszenierung politischer Übergänge im amerikanischen Inaugurationszeremoniell // Arnold S., Fuhrmeister C., Schiller D. (Hrsg.) *Politische Inszenierung im 20. Jahrhundert: Zur Sinnlichkeit der Macht*. — Wien, Köln, Weimar.

Ricoeur P. 1988. *Time and Narrative*. Vol. 3. — Chicago.

Riker W. 1982. *Liberalism against Populism: A Confrontation between the Theory of Democracy and the Theory of Social Choice*. — San Francisco.

Turner V.W. 1989. *Das Ritual: Struktur und Anti-Struktur*. — Frankfurt/M.

Welzer H. 2002. *Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung*. — München.

А.В.Кынев

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА В ПАРТИЙНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Российский случай

Ключевые слова: политическая партия, внутрипартийная демократия, праймериз

Чем значительнее роль партий в избирательной системе, тем важнее вопрос о том, насколько демократически устроены сами партии и до какой степени они независимы от государства. Когда по той или иной причине процесс выдвижения кандидатов монополизирован партиями (что часто бывает при полностью пропорциональной электоральной формуле), последние de facto превращаются в посредников между кандидатами и электоратом, ибо в подобных условиях, прежде чем быть избранным гражданами, кандидат должен быть избран партией. Таким образом, само наличие детерминирующих избирательный процесс партий нарушает свободу волеизъявления избирателей, а ведь именно партии позволяют гражданам объединяться по идеологическим и иным интересам.

Неудивительно, что в современных демократических странах уделяется такое внимание внутрипартийной демократии. Тенденция к олигархизации, то есть к постепенному образованию замкнутого правящего слоя, куда нелегко проникнуть, имманентно присуща руководству партий. Располагая самой полной информацией о составе партии и ее членах, партийные лидеры могут оказывать определяющее влияние на принимаемые партией решения даже в странах с развитыми демократическими практиками. Бюрократизации и олигархизации партийного руководства способствует также то обстоятельство, что многие избиратели довольно консервативны в своих пристрастиях, будучи привязаны к привычным лидерам просто потому, что знают их лучше, чем новых, или даже по семейной традиции. Обновить партийные элиты изнутри крайне сложно — порой легче создать новую партию, чем реформировать старую. Наиболее остро эти проблемы встают в случае доминирующих партий, когда партийная бюрократия может начать сращиваться с государственной. В максимальной степени рассматриваемая тенденция проявляется в условиях пропорциональной избирательной системы с закрытыми «плоскими» списками, при которой состав депутатского корпуса фактически определяется не избирателями, а руководством партий. Если заранее известно, к примеру, что партия получит не менее

10 мест, то решение о том, кто займет эти заведомо проходные места, по сути, равнозначно назначению депутатами. Помимо всего прочего, подобная практика создает почву для политической коррупции.

Проблема бюрократизации и олигархизации партий особенно обостряется в условиях государственного финансирования, снижающего зависимость партийного руководства от членских взносов и спонсорской помощи. По данным International Institute for Democracy and Electoral Assistance, та или иная форма государственных субсидий политическим партиям сейчас предусмотрена в 117 странах (из 177, включенных в информационную базу International IDEA)[1]. В ситуации, когда центральный партийный аппарат получает финансовые ресурсы, а затем распределяет их на нижестоящие уровни, структурные подразделения партии неизбежно попадают в финансовую зависимость от ее руководства, и отношения внутри партии начинают напоминать отношения между сотрудниками предприятия и его собственниками. Не случайно одним из следствий широкого распространения подобной практики стало образование так называемых картельных партий, главной целью которых является не столько реализация какого-то политического курса, сколько само по себе пребывание у власти[2].

[1] http://www.idea.int/political-finance/.

[2] Подробнее о партиях этого типа см. Katz, Mair 1995, 2009.

К настоящему времени разработан целый комплекс механизмов, призванных расширить внутрипартийную демократию, поставив мнение избирателей и рядовых членов партии выше интересов партийной бюрократии. Применяемые для этого технологии можно разделить на две группы. К первой группе относятся технологии, связанные с текущей деятельностью партии (принятие решений по ключевым вопросам, порядок избрания партийного руководства и т.д.). Это прямые внутрипартийные голосования, коллегиальные схемы руководства, различные формы ротации и ограничение сроков пребывания на партийных должностях, запрет на кооптацию и использование императивного мандата, возможность образования внутрипартийных фракций. Вторая группа технологий связана с выдвижением кандидатов и избирательным процессом: смешанная связанная система, открытые списки, низкие заградительные барьеры, а также так называемые праймериз.

Большое значение имеет также вопрос о правах и гарантиях рядовых членов партии. Если партийное руководство вправе произвольно исключать из партии любое число ее членов, то рано или поздно оно начнет манипулировать составом партии в целях принятия нужных ему решений, исключая неугодных и принимая только лояльных или даже подставных лиц. Не менее опасна и другая крайность — невозможность применения санкций к членам партии, откровенно наносящим ей политический ущерб. Достижение баланса между правами каждого конкретного члена партии и общепартийными интересами — один из самых сложных аспектов партийного регулирования.

Немалый интерес в этом плане представляет опыт Германии, где споры между партией и ее членами решают третейские суды, в состав которых не могут входить партийные функционеры. Член партии может

быть исключен из нее только в случае, если он намеренно не соблюдает ее устав либо существенным образом нарушает ее принципы или дисциплину. Подобного рода решения принимает арбитраж, уполномоченный на это специальным положением, причем его вердикты могут быть обжалованы в арбитраже более высокого уровня. Роспуск низовых организаций, равно как и лишение их органов полномочий, допускается лишь в связи с «тяжкими нарушениями партийных принципов или партийной дисциплины», а соответствующие решения подлежат утверждению на ближайшем съезде партии. Все это ограничивает свободу рук руководства партии в отношении ее членов[3].

[3] Кынев, Любарев [Kynev, Ljubarev] 2011: 50—68.

Начиная с 1990-х годов все более широкое распространение стали получать внутрипартийные выборы и праймериз, ранее использовавшиеся в основном в США. В настоящее время к данным процедурам прибегают многие партии Италии, Великобритании, Франции, Израиля, Мексики и т.д. Праймериз и внутрипартийные выборы могут быть как закрытыми (когда к участию в них допускаются только члены партии), так и открытыми (для всех желающих). Кроме того, существует множество промежуточных вариантов. Иногда внутрипартийные выборы носят многоступенчатый характер (так, в два тура прямым голосованием избирается председатель Французской социалистической партии).

Изначальный политический смысл праймериз — отобрать единого кандидата до основного голосования (при мажоритарной системе относительного большинства), чтобы кандидаты от одной партии не отнимали голоса друг у друга. В США проигравшие праймериз иногда все же участвуют в основных выборах, но как независимые кандидаты, без поддержки своей партии. Что касается внутрипартийных выборов, то они, как правило, бывают закрытыми — в голосовании чаще всего принимают участие только делегаты партийных съездов. Но и в том, и в другом случае принципиальное значение имеет право кандидатов свободно выдвигать свои кандидатуры, а также использование тех же процедур, что и на обычных выборах (прямое тайное голосование).

Одной из самых сложных проблем является ограничение негативного влияния на партии государственного финансирования. Помимо искажения системы отношений между руководством партии и ее низовыми подразделениями, о котором шла речь выше, такое влияние проявляется в том, что для предотвращения нецелевого использования предоставленных средств государству приходится создавать дополнительные механизмы контроля над партиями, способствующие повышению зависимости партийной бюрократии от государственной. Среди мер, предлагаемых экспертным сообществом для снижения данных негативных влияний, можно упомянуть такие, как выведение контролирующих партии структур из системы органов исполнительной власти, применение сложных формул государственного финансирования, учитывающих способность партий привлекать частные средства, уточнение барьеров допуска к государственному финансированию и др.

Попытки гарантировать некий минимум демократии во внутрипартийной жизни предпринимаются в разных странах, однако вопрос о пределах и даже допустимости такой регламентации вызывает серьезные споры. Большинство экспертов сходятся в том, что государству не следует слишком сильно вмешиваться в процессы общественной самоорганизации и прямо навязывать партиям конкретную структуру руководящих органов — ведь любой навязанный механизм при желании можно выхолостить и извратить. По их мнению, государство должно поощрять развитие различных форм внутрипартийной демократии и стимулировать партии к применению более демократических процедур в первую очередь за счет регулирования избирательного законодательства (например, введения открытых списков и т.п.).

Так, в «Руководящих принципах правового регулирования деятельности политических партий», принятых Венецианской комиссией Совета Европы в 2010 г., прямо говорится, что «правовое регулирование политических партий следует осуществлять сдержанно <...> Внутрипартийная жизнь должна быть ограждена от вмешательства государства. Она лучше всего регулируется уставом партии или добровольным кодексом поведения, разработанным и принятым самой партией. <...> Если в государстве применяются положения о регулировании внутрипартийной жизни, они должны быть очень точно составлены во избежание неоправданного вмешательства в осуществление права партий (как добровольных объединений граждан) самостоятельно управлять своими внутренними делами. <...> Партии должны иметь возможность определять членов своего руководства и выдвигать кандидатов для участия в выборах без какого-либо вмешательства со стороны государства»[4]. Вместе с тем, «поскольку партии способствуют выражению политических взглядов граждан и являются инструментом для выдвижения кандидатов на выборах», некоторое правовое регулирование внутрипартийной деятельности признается необходимым «для обеспечения должного функционирования демократического общества»[5]. Согласно документу, подобному регулированию подлежат вопросы, связанные с прозрачностью принятия решений, учетом мнения рядовых членов при выработке партийного устава и выдвижении кандидатов, добровольностью членства и недопущением гендерного и иного неравенства[6].

[4] Руководящие принципы [Rukovodjashhie principy] 2011: 40, 44, 55, 60.

[5] Там же: 55.

[6] Там же: 44, 55—61.

К сожалению, столь актуальная для многих современных стран проблема внутрипартийной демократии находится, мягко говоря, на периферии внимания отечественных аналитиков и законодателей. Впрочем, учитывая общую институциональную слабость российских партий, во многом являющуюся производной от чрезвычайной ограниченности полномочий представительных органов власти, за места в которых партии преимущественно и борются, этому едва ли приходится удивляться. В стране сложилась парадоксальная ситуация: партии формально существуют, но, даже добившись успеха на выборах, крайне слабо влияют на процесс управления в условиях полного институционального доминирования исполнительной власти. Отсюда и изначальная

неспособность партий выполнить свою предвыборную программу (просто потому, что органы, в которых они получают места, не предоставляют такой возможности), и разочарование избирателей во всех партиях, и, как следствие, слабый интерес к внутренней жизни партий со стороны как рядовых граждан, так и элит. Государственную бюрократию тоже интересует в первую очередь контроль над партиями, а не повышение их конкурентоспособности. В целом по своему внутреннему устройству российские партии во многом напоминают другие отечественные политические институты, для которых характерны гипертрофированные полномочия исполнительных органов и слабость контрольных механизмов как таковых.

Российские партии и государство

Российское законодательство ставит партии под довольно жесткий государственный контроль через механизмы их юридической регистрации и надзора уполномоченных органов за их деятельностью, практически никак не защищая права рядовых членов и местных отделений в их отношениях с партийным руководством. Существует в стране и государственное финансирование партий. С 1 января 2015 г. партиям, набравшим на выборах в Государственную Думу более 3% голосов, в течение созыва ежегодно перечисляются средства в объеме 110 рублей, умноженных на число голосов, полученных данным партсписком[7]. Сумма, рассчитанная по той же формуле, предоставляется (однократно) также партиям, чей кандидат получил не менее 3% на выборах президента РФ. При этом никаких институциональных мер, которые бы компенсировали негативное влияние на партии госфинансирования, фактически не предусмотрено. Партийные списки остаются закрытыми; партийное руководство de facto присвоило себе право распределять вакантные депутатские мандаты в обход очередности, установленной по результатам выборов; в парламентских партиях вводятся элементы императивного мандата.

[7] В 2001 г., когда принимался закон о политических партиях, «стоимость» голоса составляла примерно 1,5 рубля, то есть за прошедшие годы она выросла более чем в 70 раз.

Привычной является практика исключения из партий неугодных руководству лиц. Нормой стал и роспуск целых партийных отделений, а также введение в них прямого управления со стороны центральных структур. Подобное происходит в самых разных партиях — от ЛДПР до «Яблока».

В результате руководители партий получают возможность определять состав партийного большинства. В случае роста числа недовольных проводимой руководством партии политикой «неправильные» члены просто исключатся из организации и заменяются другими. Между тем вполне очевидно, что при отсутствии демократических механизмов принятия решений и бесправности как местных отделений, так и рядовых членов использование даже самых совершенных выборных процедур превращается в имитацию.

За всю постсоветскую историю в России не было ни одного случая демократической смены руководства в какой-либо значимой партии

с приходом к власти внутрипартийной оппозиции: лидеры всех ведущих партий занимают свои посты с начала 1990-х годов. Происходившие смены лидеров были связаны либо с ротацией внутри контролирующих партии групп и (временным) отходом фактического лидера в тень («Яблоко», «Справедливая Россия» в 2011—2013 гг.), либо с проблемами во взаимоотношениях партии с органами власти. Управляемая смена партийного руководства при вмешательстве государства осуществлялась по единому сценарию: часть делегатов партийного съезда перевозилась в другое помещение, где избирала новое руководство, а затем Министерство юстиции или (в течение нескольких лет) его специальный орган — Росрегистрация, признав правомочной именно эту группу, переоформляли на нее документы партии.

Важно отметить, что контролирующие органы в России не ограничиваются проверкой численности партий. Так, в 2000-х годах Росрегистрация добилась целого ряда судебных решений о ликвидации региональных партийных отделений, вследствие чего номинальная численность некоторых партий опустилась ниже критического уровня. Кроме того, Минюст уполномочен решать, легитимен ли съезд той или иной партии, что позволяет ему парализовать деятельность неугодных организаций (как это случилось с Республиканской партией России, после того как ее возглавил В.Рыжков, а позднее — с Партией возрождения России, выдвинувшей на выборах в Красноярском крае не устраивавший власти список кандидатов). Именно наделение Минюста данным правом и позволяет реализовать описанный выше сценарий управляемой смены партийного руководства. Так, в 2011 г. властью был признан легитимным «параллельный» съезд «Правого дела», сместивший М.Прохорова с поста лидера партии.

[8] *Федеральный закон [Federal'nyjj zakon] 2001.*

Согласно Федеральному закону «О политических партиях»[8], «вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность политических партий... не допускается. Вопросы, затрагивающие интересы политических партий, решаются... с участием соответствующих политических партий или по согласованию с ними» (ст. 10). При этом, однако, «контроль за соблюдением партиями законодательства и соответствием деятельности партии положениям, целям и задачам своего устава» возлагается на уполномоченные органы, которые вправе знакомиться с документами, подтверждающими наличие региональных отделений, числа членов партии в целом и по каждому региональному отделению; направлять своих представителей для участия в проводимых партией открытых мероприятиях (в том числе съездах, конференциях и общих собраниях); выносить партии или ее подразделению письменное предупреждение; подавать в суд заявление о приостановлении деятельности или ликвидации партии или ее структурного подразделения (ст. 38).

Фактически все решения от имени партии принимаются ее руководством. В законе 2001 г. было лишь указано, что высшим руководящим органом политической партии является съезд, а избрание ее

руководящих органов должно осуществляться не реже одного раза в пять лет (ст. 24.1, 24.3). В апреле 2009 г. была, правда, введена норма, в соответствии с которой «уставом политической партии должна предусматриваться ротация руководителей коллегиальных постоянно действующих руководящих органов политической партии и ее региональных отделений» (ст. 24.5). Однако эта норма никак не препятствует de facto вождистскому характеру партий, так как, во-первых, неформальное лидерство не обязательно подразумевает наличие формального партийного поста, который может занимать зицпредседатель, а во-вторых, партии часто меняют структуру руководящих органов и название должности руководителя партии (к примеру, в «Справедливой России» структура руководящих органов менялась в мае 2011 и октябре 2013 г.). В статье о членстве в партии оговариваются лишь его индивидуальный характер и недопустимость дискриминации. Никаких норм о защите прав членов партий в законе нет, не описан там и порядок утраты членства.

Даже при проведении региональных и местных выборов партию представляет ее федеральное руководство: в большинстве партийных уставов содержится требование об обязательном согласовании с ним решений региональных отделений о выдвижении кандидатов. Без этого регистрация кандидатов оказывается невозможна. В случаях, когда главу региона избирают депутаты регионального парламента, кандидатов на этот пост предлагает не региональное отделение партии, а ее федеральное руководство.

«Праймериз» по-российски (2007–2011 гг.)

«Единая Россия». С 2007 г. российские партии стали в инициативном порядке использовать различные квазиэлекторальные процедуры отбора кандидатов на выборах. Первые подобные «праймериз» были проведены «Единой Россией» в августе 2007 г. перед осенними выборами в Государственную Думу. В ноябре 2009 г. на XI съезде ЕР была принята норма об обязательном проведении накануне избирательных кампаний предварительных выборов, которые должны стартовать не позднее, чем за 60 дней, и заканчиваться не позднее, чем за 30 дней до начала выдвижения кандидатов. Однако положение об обязательном учете их результатов при формировании партийных списков в устав партии внесено не было. Как показали дальнейшие события, это было далеко не случайным. По сути дела речь шла даже не о сугубо консультационной процедуре, а об элементе пропагандистской кампании, направленной на формирования имиджа открытой политической силы.

Помимо фактической необязательности результатов особенностью проводимых ЕР «праймериз» было отсутствие свободы выдвижения кандидатов: кандидатуры на голосование вносились только партийным руководством. Бросалась в глаза и непрозрачность процедур: не было понятно, кто контролирует ход выборов, отсутствовали наблюдатели, итоги голосования часто оставались неизвестными.

На первых «праймериз» «Единой России» практиковалось «голосование собраниями», то есть правом голоса наделались не индивидуальные члены партии или избиратели, а собрания первичных организаций, решения которых нередко принимались простым поднятием рук. Уже тогда в ряде региональных организаций ЕР «предварительные выборы» сопровождались явными манипуляциями. Показательно, в частности, что в партийный список оказались включены шесть губернаторов, в «праймериз» не участвовавшие, а другие пять, прошедшие через эту процедуру, в него не вошли. Интересная ситуация сложилась в Самарской области, где в связи со сменой губернатора, состоявшейся уже по окончании «праймериз», партийный список переделывался три раза — и без какой-либо привязки к результатам таковых. Не менее примечателен и случай с депутатом Госдумы Д.Ереминым, который провалился на «праймериз» в Челябинской области и в итоге оказался в списке по Архангельской области и Ненецкому округу. Немало скандалов было и на последующих «праймериз» ЕР, предшествовавших региональным и местным выборам.

Особого внимания заслуживают «праймериз» 2011 г., проведенные «Единой Россией» совместно с Общероссийским народным фронтом (ОНФ), созданным по инициативе В.Путина.

13 мая 2011 г. на официальном сайте ЕР был опубликован проект декларации ОНФ, в регионах на базе Общественных приемных Путина стали интенсивно создаваться подразделения ОНФ. 16 июня Координационный совет ОНФ утвердил механизм проведения предварительного «народного голосования» по спискам претендентов на участие в выборах в Госдуму. На первом этапе в регионах должен был проходить сбор предложений по кандидатурам в предварительные списки. Выступать с такими предложениями могли региональные отделения ЕР, а также общественные организации и трудовые коллективы, присоединившиеся к ОНФ. Дополнительные кандидатуры в эти списки мог включать Федеральный совет «Единой России», который и утверждал перечень лиц, выносимых на голосование советов уполномоченных (выборщиков), сформированных на паритетной основе из представителей «Единой России» и ОНФ. Голосованием выборщиков утверждался региональный список, который должен был быть представлен на съезде партии[9].

Таким образом, отсутствовали как свобода формирования пула кандидатов (голосование проводилось только по кандидатурам, одобренным партийным руководством), так и равное избирательное право (которым были наделены исключительно выборщики). Иначе говоря, специально отобранные выборщики голосовали за специально отобранных кандидатов. Единственным позитивным изменением по сравнению с 2007 г. было то, что на этот раз право голоса было предоставлено не собраниям в целом, а индивидуальным выборщикам. При этом процедуры подсчета голосов и подведения итогов по-прежнему носили непрозрачный характер.

[9] *В «Народном фронте» [V «Narodnom fronte»] 2011.*

Согласно списку, размещенному на сайте ОНФ, в совместных «праймериз» «Единой России» и Народного фронта участвовали 4700 кандидатов[10]. При этом заранее было объявлено, что, какими бы ни были формальные итоги «народного голосования», лидер партии и ОНФ Путин может по собственному усмотрению вносить в партийный список любые изменения. Другими словами, «праймериз» играли сугубо «совещательную» роль. Из тех, кто проявит себя на «праймериз», но не попадет в партсписок, обещали сформировать кадровый резерв, за счет которого, по словам и.о. секретаря Президиума Генсовета ЕР С.Неверова, будет происходить обновление в рамках не только партии, но и исполнительной власти[11].

Но даже столь урезанные и управляемые «праймериз» породили немало скандалов. Самыми серьезными из них были скандалы в Приморском крае. Так, в Первомайском районе Владивостока один из членов региональной счетной комиссии просто отказался подписывать итоговый протокол, поскольку «количество бюллетеней в урне для голосования значительно превосходило, по его мнению, число голосовавших»[12]. Еще более острая ситуация сложилась в Артеме и Находке, где явные аутсайдеры, не только не выступавшие лично, но даже не приславшие доверенных лиц и не предоставившие выборщикам минимальной информации о своих программах, вдруг «„взяли“ рекордное количество голосов»[13]. Конфликт вокруг «праймериз» в Артеме и Находке приобрел такие масштабы, что результаты «народного голосования» на этих площадках были отменены Путиным.

Выдвинутый на съезде «Единой России» список совпал с результатами «праймериз» лишь в восьми региональных группах (Ингушетия, Калмыкия, Тыва, Удмуртия, Кемеровская, Костромская, Рязанская и Сахалинская области). Наибольшие расхождения пришлись на Пермский, Приморский и Ставропольский края[14]. При этом конфликтная комиссия при Федеральном координационном совете ОНФ сочла «не имеющими оснований» 68 из 116 заявлений о нарушениях при проведении «праймериз»[15].

Другие партии. В 2007 г. «Справедливая Россия» провела довольно странное мероприятие под названием «народные выборы». В регионах были созданы пункты голосования, где любой гражданин мог выразить отношение к кандидатам, включенным в бюллетень, и вписать туда любого своего кандидата. Однако никто не знал, где эти пункты размещены, их перечень не публиковался. Более того, результаты голосования остались неизвестными. При этом партийный список, утвержденный съездом «Справедливой России», радикально не совпал даже с тем, что был официально вынесен партией на «народное голосование»: в списке оказалось много новых фигур, о возможности выдвижения которых речь до съезда не шла, а целый ряд кандидатов сменил региональную «привязку». Более трети (34 из 90) региональных групп

[10] *http://narodfront.ru/primaries/20110721/379969321.html.*

[11] *Тирмастэ [Tirmasteh] 2011.*

[12] *В.Путин [V.Putin] 2011.*

[13] *Там же.*

[14] *Рубин [Rubin] 2011*

[15] *Гусева [Guseva] 2011.*

партийного списка возглавили жители иных регионов[16]. В дальнейшем к подобным процедурам партия не прибегала.

[16] Подсчеты автора для доклада Ассоциации «Голос» по мониторингу выборов-2007.

Списки остальных партий в рассматриваемый период формировались по традиционной для РФ схеме: после непубличных внутренних консультаций руководящий орган партии подготавливал проект партийного списка, а делегаты партийного съезда или региональной партконференции (при выборах регионального уровня) его утверждали. Следует отметить, что при формировании списков к выборам 2011 г. общее число внутрипартийных конфликтов, по сравнению с 2007 г., уменьшилось, а попыток согласовать основные интересы до начала активной фазы кампании стало больше.

Так, в КПРФ в 2011 г. претенденты на включение в партийный список обсуждались сначала в первичных организациях, а затем в районных, городских и региональных отделениях партии. После обсуждения списка на партийной конференции он направлялся в кадровую комиссию Центрального комитета КПРФ и предвыборный штаб. До съезда фамилии кандидатов, как правило, не оглашались.

На съезде, однако, позиция региональной организации могла быть откорректирована, как это произошло, в частности, с кировским областным списком, где занимавший второе — теоретически «проходное» — место директор ООО «Кузбасские угли» Д.Русских оказался передвинут на четвертое, а второе место было отдано москвичу Д.Панову[17]. Существенной корректировке подверглись также списки Краснодарского и Приморского краев и некоторых других регионов.

[17] Тройку [Trojjku] 2011.

В большинстве партий процесс определения кандидатов на выборах носил (и носит) кулуарный характер, и высшее партийное руководство учитывало интересы региональных организаций лишь в той мере, в которой опасалось, что пренебрежение ими приведет к срыву кампании на данной территории.

Тенденции 2012–2014 гг.

В 2012—2014 гг. наметилась тенденция к расширению круга акторов, использующих технологии предварительного отбора кандидатов. Дополнительный толчок этому процессу дал перенос единого дня голосования на начало сентября, вследствие чего официальная предвыборная кампания стала приходиться на сезон массовых отпусков. Данное обстоятельство, бесспорно, способствовало росту интереса электоральных игроков к публичным кампаниям по типу праймериз как к средству повышения собственной известности и уровня поддержки. Стоит отметить, что в последнее время такие кампании все чаще проводятся под эгидой не партий, а неких поддерживаемых органами власти движений и инициатив, создаваемых под выборы и фактически представляющих собой не более чем PR-конструкции. Подобные «праймериз», проходящие под различными временными брендами («Народные выборы», «Гражданский референдум», «Народная экспертиза» и т.д.), позволяют провластным кандидатам дистанцироваться от организаций,

дискредитировавших себя в глазах избирателей, выступая одним из ключевых элементов маскировочных технологий.

В условиях крайней зарегулированности формального избирательного процесса предварительные избирательные кампании порой становятся более яркими и конкурентными, чем основные выборы. Участвуя в таких кампаниях, политические партии (и властные структуры) могут протестировать кандидатов, отобрать среди них наиболее перспективных и «раскрутить» их.

Другой, не менее важной тенденцией рассматриваемого периода стала диверсификация используемых партиями технологий предварительного отбора кандидатов. Так, в преддверии региональных выборов 8 сентября 2013 г. руководство «Единой России» разрешило регионам самим определиться с порядком проведения «праймериз», предложив им на выбор следующие четыре модели.

1. Максимально открытый формат, близкий к формату обычных выборов, с избиркомами, сформированными совместно с общественными организациями, избирательными участками и прозрачными урнами. Данная модель использовалась в Ивановской и Вологодской областях.
2. Голосование проходит на специальных площадках, «привязанных» к территории избирательного участка. В голосовании могут принять участие все желающие, которые, однако, должны предварительно зарегистрироваться. Этой модели отдали предпочтение в Якутии и Ярославской области.
3. В голосовании участвуют выборщики, в состав которых на паритетной основе входят представители общественных организаций (то есть фактически ОНФ) и «Единой России». Эту модель выбрали 16 регионов, в том числе Забайкальский и Приморский края, а также Волгоградская, Воронежская, Кемеровская, Рязанская и Смоленская области.
4. На площадках проводятся дебаты между кандидатами, но выборщики формируются из числа членов ЕР. В подобном формате «праймериз» проходили во Владимирской области, Чечне, Башкортостане, Туве, Бурятии и Хабаровском крае.

Та же схема применялась и в 2014 г. Порядок проведения «праймериз» на выборах региональных парламентов определялся Положением, утвержденным решением Президиума Генсовета партии[18]. В соответствии с этим Положением, «предварительное внутрипартийное голосование является обязательной уставной формой внутрипартийной деятельности... и не входит в сферу регулирования законодательства РФ о выборах», но вместе с тем «не является процедурой выдвижения кандидатов» (то есть партия не обязана учитывать итоги «праймериз» при формировании партсписков). Правом предложения кандидатур для голосования обладают: (а) общественные объединения, за исключением политических партий; (б) граждане РФ, не входящие в другие партии, в порядке самовыдвижения (которое должно быть поддержано не менее

[18] *Положение [Polozhenie] 2014a.*

чем 10 членами партии, состоящими на учете в соответствующем региональном отделении); (в) иные субъекты (по решению уполномоченного органа). Голосование является тайным, каждый бюллетень заверяется подписью одного из членов счетной комиссии и печатью регионального отделения. По результатам голосования региональный политический совет оформляет итоговый список кандидатов и выносит его на рассмотрение Президиума Генерального совета партии для согласования.

Аналогичный порядок утвержден и для выборов губернаторов. При этом в соответствующем Положении специально отмечено, что в список для внутрипартийного голосования должно входить не менее четырех кандидатур и каждый выборщик вправе отдать свой голос не более чем за трех кандидатов, внесенных в бюллетень[19].

[19] Положение [Polozhenie] 2014б.

Среди технологий 2014 г. особого внимания заслуживает проект «Моя Москва», реализованный в столице в преддверии выборов в Московскую городскую думу.

Формально данный проект представлял собой независимую гражданскую инициативу, никак не связанную с «Единой Россией» (которая вообще не проводила собственных «праймериз»). Заявить себя в качестве кандидата теоретически мог любой желающий, и среди воспользовавшихся этим правом были члены не только ЕР, но и «Гражданской платформы», «Альянса зеленых и социал-демократов», «Справедливой России». В то же время в списке участников проекта присутствовало как само городское отделение ЕР, так и традиционный набор провластных общественных организаций. Агитация в пользу проекта и его ключевых кандидатов осуществлялась при явном административном содействии (о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что, вопреки обычной практике, коммунальные служащие не уничтожали агитационные материалы) и максимально широко освещалась столичными СМИ (такими, как телеканалы «Москва-24» и ТВЦ и газета «Московская правда»). Базовый лозунг проекта («Дело в людях!») полностью повторял тот, под которым «Единая Россия» проводила свои «праймериз» перед скандальными выборами в Ярославской области в 2013 г.

Само голосование проходило 8 июня в формате, максимально приближенном к формату обычных выборов (хотя избирательных участков было существенно меньше: 500 вместо примерно 3,3 тыс.), проголосовать мог любой москвич при предъявлении паспорта. Первоначально было сообщено, что в голосовании приняли участие около 220 тыс. человек (около 3% избирателей города), затем цифру увеличили до 258 тыс[20]. Активность по округам сильно различалась. Формально не обещая победителям «праймериз» никакой поддержки в сборе подписей, организаторы «Моей Москвы» вместе с тем выразили готовность разместить в каждом из 45 округов по два биллборда с изображением победившего кандидата и обклеить 28 тыс. подъездов листовками с соответствующей информацией. Поскольку официальная предвыборная агитация еще не началась, делать это предполагалось за счет средств, собранных на реализацию проекта[21].

[20] Бекбулатова, Перцев, Иванов [Bekbulatova, Percev, Ivanov] 2014; Ульянова [Ul'janova] 2014.

[21] Ульянова, Опалев , Артемьев [Ul'janova, Opalev, Artem'ev] 2014.

Среди победителей оказалось 29 членов «Единой России». Несистемная оппозиция бойкотировала «праймериз», но в качестве эксперимента в них приняли участие кандидат от оппозиционной коалиции «За Москву» М.Гайдар и член Партии прогресса В.Наганов (оба проиграли)[22].

[22] Ульянова [Ul'janova] 2014.

Из 32 кандидатов, в итоге выдвинутых «Единой Россией» на выборах в Мосгордуму, 24 одержали победу на «праймериз» в этих округах. Одного победителя «праймериз» партия переместила в другой округ, освободив место для ректора ВШЭ Я.Кузьминова. Среди семи других кандидатов четыре проиграли «праймериз» в тех же округах, а один, проигравший в округе №35, был перемещен в округ №39. Показательно, что «Единая Россия» выдвинула своих кандидатов и в некоторых из тех округов, где баллотировались победители «праймериз», представлявшие другие партии. В то же время три кандидата от ЕР добровольно выбыли из гонки уже после регистрации, фактически освободив соответствующие округа для кандидатов от иных партий.

Таким образом, складывается впечатление, что помимо официального списка «Единой России» в Москве существовал негласный «список администрации», не полностью совпадавший со списком ЕР и включавший в себя набор поддерживаемых властью кандидатов, которые формально могли принадлежать к разным партиям.

Что касается оппозиции, то самым известным ее проектом были выборы Координационного совета (КСО), которые проводились 20—22 октября 2012 г. как онлайн, так и на специальных участках. К участию в голосовании (по индивидуальным паролям) допускались лишь предварительно зарегистрировавшиеся избиратели, предоставившие свои паспортные данные[23]. Регистрация кандидатов и избирателей осуществлялась на сайте cvk2012.org. Дебаты кандидатов по специальной жеребьевке проходили на независимом телеканале «Дождь».

[23] Этой возможностью воспользовались 81325 человек (http://www.cvk2012.org/news/rezultaty_golosovaniya/).

О создании КСО было объявлено на втором «Марше миллионов» 12 июня 2012 г. Организацией выборов занимался Центральный выборный комитет, сформированный из оппозиционно настроенных общественных деятелей и экспертов.

КСО должен был состоять из 45 членов. При этом 30 из них избирались по общему списку, и еще 15 — по «идеологическим квотам». Каждый избиратель получал четыре бюллетеня: для общегражданской части списка, для голосования за представителей левых сил, для голосования за представителей либералов, для голосования за представителей националистов. В «большом» бюллетене можно было отметить не более 30 кандидатов, в бюллетенях «по идеологическим квотам» — не более пяти. Таким образом, избиратель в совокупности обладал 45 голосами, которые распределял по своему усмотрению.

Всего было зарегистрировано 209 кандидатов. Каждый кандидат платил регистрационный взнос в 10 тыс. рублей. Кандидаты образовали несколько конкурирующих списков, доминировал «список Навального».

КСО был избран на один год, после чего должны были состояться новые выборы. Однако из-за внутренних конфликтов он фактически прекратил свою деятельность.

Помимо выборов КСО, в рассматриваемый период зафиксировано и несколько попыток организации «праймериз» среди оппозиционных кандидатов. Наиболее интересным в этом плане представляется опыт двух городов-миллионников — Омска и Красноярска. И в том, и в другом случае «праймериз» были призваны определить единого кандидата от оппозиции на выборах мэра, однако модели их проведения существенно различались, и каждая из них имела свои изъяны.

Если в Омске «праймериз» проводились до начала официального выдвижения кандидатов, то в Красноярске — уже в ходе агитационной кампании, практически за неделю до дня голосования, что дало избиркому основания обвинить их участников в нарушении законодательства: «праймериз» были расценены как форма агитационной деятельности, которая, согласно закону, должна оплачиваться с избирательных счетов кандидатов[24]. Примечательно, что, когда в 2007 г. в том же Красноярском крае «Единая Россия» в ходе официальной избирательной кампании проводила акцию «Народный бюджет», это не вызвало никаких возражений со стороны избиркома.

[24] Оппозиционные праймериз [Oppozicionnye prajjmeriz] 2012.

Голосование в Омске проходило в интернете (проект «Гражданин-мэр»), что породило немало вопросов в плане репрезентативности, идентификации голосовавших (в том числе с точки зрения их реального отношения к Омску), а также гарантий от многократного голосования. Показательно, что формальный победитель «праймериз» московский блогер И.Варламов в итоге не смог даже собрать необходимые для регистрации подписи избирателей[25]. Учитывая специфику проведения омских «праймериз», неудивительно, что двое из их участников (И.Федоров и В.Иноземцев), несмотря на предварительно данное ими обещание поддержать победителя, все равно выдвинули свои кандидатуры (правда, первый из них так и не сдал документы в избирательную комиссию, а второму было отказано в регистрации).

[25] Мазур [Mazur] 2012.

В Красноярске голосование проводилось оффлайн, с помощью урн и бюллетеней, хотя вопросы с гарантиями от многократного голосования и, соответственно, фиксацией числа проголосовавших сняты не были. В «праймериз» участвовали эсер А.Коропачинский, представитель ЛДПР Н.Подоляк и два независимых кандидата — К.Сенченко (входивший в «Правое дело» при Прохорове) и С.Толмачев. Поддержать победившего на них кандидата выразила готовность и КПРФ, которая ранее приняла решение отозвать с выборов кандидатуру М.Осколкова. После подсчета голосов, организованного «Школой наблюдателей» и транслировавшегося онлайн, победителем «праймериз» был объявлен Коропачинский, которого поддержали 36,8% из 31,8 тыс. принявших участие в голосовании, и Сенченко, Толмачев и Подоляк сняли свои кандидатуры в его пользу. Но параллельно этим «праймериз» в Красноярске прошли еще одни, организованные никому не известным

объединением «Я красноярец». Следов проведения этих «праймериз» видно практически не было, что не помешало руководству объединения заявить, что в них приняли участие почти 197 тыс. человек, 41% из которых проголосовал за Осколкова[26]. Не вызывает сомнений, что речь в данном случае шла о PR-технологии, нацеленной на дискредитацию оппозиции. Никаких реальных последствий эти «праймериз» не имели. А победитель первых занял на выборах мэра лишь третье место.

[26] Оппозиционные праймериз [Oppozicionnye prajjmeriz] 2012.

Еще менее успешными были «праймериз», проведенные в Екатеринбурге, где летом 2013 г. три оппозиционные партии — зарегистрированная РПР-ПАРНАС и незарегистрированные «Народный альянс» (позднее ставший Партией прогресса) и Партия 5 декабря — договорились о формировании единого «общегражданского списка» на выборах в городскую думу. Поскольку правом на участие в выборах юридически обладала только РПР-ПАРНАС, местное отделение партии заявило, что готово выдвинуть от своего имени активистов родственных партий, а также независимых кандидатов. Старт кампании, проходившей в электронном формате, был дан 27 июня на сайте http://www.egd2013.ru/. 5 июля началась регистрация избирателей, 8—10-го прошли дебаты кандидатов, а уже 15-го были объявлены победители. И хотя в голосовании приняли участие всего 229 горожан, эти победители и были выдвинуты кандидатами в гордуму Екатеринбурга от РПР-ПАРНАС. По итогам выборов список в гордуму не прошел.

Заключение

Как видно из сказанного выше, из принятых в современных демократических странах механизмов, направленных на развитие внутрипартийной демократии, в России фактически используются только вариации на тему праймериз, обычно нацеленные на достижение не столько реальных результатов, сколько PR-эффекта. Даже при выборах партийных органов доминируют схемы, максимально удобные партийной бюрократии (конференции и съезды по квотам, которые утверждает партийное руководство); чуть ли не единственный пример избрания руководящего органа самими активистами — выборы Координационного совета оппозиции (при том, что он не являлся партийной структурой). Это неудивительно: демократия в обществе и демократия внутри партии — вещи взаимосвязанные, и одного без другого практически не бывает.

Принудить партии к соблюдению демократических норм в их внутренней жизни почти невозможно, можно лишь стимулировать к этому. Партии становятся демократическими только тогда, когда это им выгодно, когда это повышает их конкурентоспособность. Так, столь любимые партийными боссами и спонсорами выборы по закрытым спискам в действительности представляют собой своего рода ловушку. Дело в том, что тот, кто, по сути, назначен депутатом, не заинтересован в повышении электоральной привлекательности партии, ибо проблему своего избрания он уже решил. Точно так же не имеют стимулов к чрез-

мерному усердию на выборах те, кто занимает в списке заведомо непроходные места. Получается, что бороться за электоральный успех партии мотивированы главным образом кандидаты, занимающие «полупроходные» места, так как их судьба в наибольшей степени зависит от достигнутых партией показателей. Да, среди кандидатов, бесспорно, есть и такие, которые руководствуются не личными амбициями, а интересами команды и т.д. Однако в поведении большинства политиков (как и других людей) решающую роль играют прагматизм и рационализм, стремление к максимизации прибыли при минимизации затрат.

Строго говоря, в демократизации партий и усилении внутреннего конкурентного отбора заинтересовано не только общество, но и сами партийные лидеры — если, конечно, они имеют долгосрочные цели и стремятся мотивировать членов партии к работе, направленной на достижение наилучших результатов, а не выполняют отведенную им роль имитаторов политической конкуренции. Но эта логика работает лишь в условиях реальной межпартийной конкуренции и честных выборов.

Ожидать, что благодаря введению праймериз и сами партии, и выборы станут демократичнее, наивно. Вопрос не в формальном использовании данного института, а в его содержании. Начинать надо с демократизации партийного и избирательного законодательства, с восстановления нормальной межпартийной конкуренции, поскольку только конкуренция и борьба за повышение эффективности партийной машины в состоянии стимулировать партии к развитию внутренней демократии. Когда между партиями нет реальной конкуренции, нет и искренней заинтересованности в том, чтобы взаимодействие партии и граждан было максимально эффективным. В такой ситуации праймериз обречены быть имитацией.

В случае демократизации партийного и избирательного законодательства государство, не принуждая партии к проведению праймериз, могло бы гарантировать защиту их итогов. Каждая партия должна сама выбирать процедуру формирования партийного списка, но если она все-таки решит проводить праймериз, то их результаты должны стать основанием для выдвижения кандидатов. Нам же в лучших традициях «суверенной демократии» предлагают ввести в качестве обязательной процедуру, никого и ни к чему не обязывающую, вместо того чтобы сделать развитие внутрипартийной демократии выгодным самим партиям.

Библиография

Бекбулатова Т., Перцев А., Иванов М. 2014. Москвичи сыграли в выборы // *Коммерсантъ*. 09.06 [Bekbulatova T., Percev A., Ivanov M. 2014. Moskvichi sygrali v vybory // Kommersant''. 09.06] (http://www.kommersant.ru/doc/2489382).

В «Народном фронте» появятся выборщики, которые будут отбирать кандидатов в Госдуму. 2011 // *Gazeta.ru*. 16.06 [V «Narodnom fronte» pojavjatsja vyborshhiki, kotorye budut otbirat' kandidatov v Gosdumu. 2011 //

Gazeta.ru. 16.06] (http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/06/16/n_1885933.shtml).

В.Путин отменил результаты праймериз «ЕР» в двух городах из-за подтасовки. 2011 // *Rbc.Ru*. 08.09 [V.Putin otmenil rezul'taty prajjmeriz «ER» v dvukh gorodakh iz-za podtasovki. 2011 // Rbc.Ru. 08.09] (http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20110908175410.shtml).

Гусева Д. 2011 Ненародное голосование // *Московские новости*. 9.09 [Guseva D. 2011 Nenarodnoe golosovanie // Moskovskie novosti. 9.09] (http://www.mn.ru/newspaper_firstpage/20110909/304751267.html).

Кынев А., Любарев А. 2011. *Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция*. — М. [Kynev A., Ljubarev A. 2011. Partii i vybory v sovremennojj Rossii: ehvoljucija i devoljucija. — M.].

Мазур А. 2012. *Первый «гражданин мэр» комом* [Mazur A. 2012. Pervyjj «grazhdanin mehr» komom] (http://tayga.info/details/2012/05/03/~107905).

Оппозиционные праймериз на выборах мэра Красноярска выявили двух победителей. 2012 // *РИА «Новости»*. 04.06 [Oppozicionnye prajjmeriz na vyborakh mehra Krasnojarska vyjavili dvukh pobeditelejj. 2012 // RIA «Novosti». 04.06] (http://sibir.ria.ru/politics/20120604/82239832-print.html).

Положение *о порядке проведения предварительного внутрипартийного голосования по определению кандидатур для последующего выдвижения кандидатами в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации*. 2014а [Polozhenie o porjadke provedenija predvaritel'nogo vnutripartijjnogo golosovanija po opredeleniju kandidatur dlja posledujushhego vydvizhenija kandidatami v deputaty zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov gosudarstvennojj vlasti sub''ektov Rossijjskojj Federacii. 2014a] (http://er.ru/news/112465/).

Положение *о порядке проведения предварительного внутрипартийного голосования по определению кандидатур для последующего выдвижения кандидатом на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации*. 2014б [Polozhenie o porjadke provedenija predvaritel'nogo vnutripartijjnogo golosovanija po opredeleniju kandidatur dlja posledujushhego vydvizhenija kandidatom na dolzhnost' vysshego dolzhnostnogo lica sub''ekta Rossijjskojj Federacii. 2014b] (http://er.ru/news/116351/).

Рубин М. 2011. Единороссы творчески пересмотрели праймериз // *Известия*. 25.09 [Rubin M. 2011. Edinorossy tvorcheski peresmotreli prajjmeriz // Izvestija. 25.09] (http://izvestia.ru/news/501838).

Руководящие принципы *правового регулирования деятельности политических партий*. 2011 [Rukovodjashhie principy pravovogo regulirovanija dejatel'nosti politicheskikh partijj. 2011] (http://www.osce.org/ru/odihr/81988?download=true).

Тирмастэ М.-Л. 2011. За Владимиром Путиным признали избирательное право. Кандидаты от партии власти будут отбираться им не-

зависимо от итогов праймериз // *Коммерсантъ*. 20.06 [Tirmasteh M.-L. 2011. Za Vladimirom Putinym priznali izbiratel'noe pravo. Kandidaty ot partii vlasti budut otbirat'sja im nezavisimo ot itogov prajjmeriz // Kommersant''. 20.06] (http://www.kommersant.ru/doc/1663307).

Тройку кировских коммунистов «перекроили». Теперь в ней Мамаев, Панов и Каримуллина. 2011 // *Репортеръ* (Киров). 26.09 [Trojjku kirovskikh kommunistov «perekroili». Teper' v nejj Mamaev, Panov i Karimullina. 2011 // Reporter'' (Kirov). 26.09] (http://www.newsler.ru/news/2011/09/komtroika26).

Ульянова Ж. 2014. На праймериз в Москве победили герои публикаций в районных газетах *// Rbc.Ru*. 09.06 [Ul'janova Zh. 2014. Na prajjmeriz v Moskve pobedili geroi publikacijj v rajjonnykh gazetakh // Rbc. Ru. 09.06] (http://top.rbc.ru/politics/09/06/2014/929460.shtml).

Ульянова Ж., Опалев С., Артемьев А. 2014. Почти как выборы: в Москве впервые прошли праймериз в городской парламент *// Rbc. Ru*. 08.06 [Ul'janova Zh., Opalev S., Artem'ev A. 2014. Pochti kak vybory: v Moskve vpervye proshli prajjmeriz v gorodskojj parlament // Rbc.Ru. 08.06] (http://top.rbc.ru/politics/08/06/2014/929225.shtml).

Федеральный закон *от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (с изменениями и дополнениями)* [Federal'nyjj zakon ot 11 ijulja 2001 g. № 95-FZ «O politicheskikh partijakh» (s izmenenijami i dopolnenijami)] (http://base.garant.ru/183523/).

Katz R., Mair P. 1995. Changing Models of Party Organization and Democracy: The Emergence of the Cartel Party // *Party Politics*. № 1.

Katz R., Mair P. 2009. The Cartel Party Thesis: A Restatement // *Perspectives on Politics*. Vol. 7. № 4.

Ю.А.Кабанов

ПИРАТСКИЕ ПАРТИИ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: копирайт, цифровое пиратство, политические партии, политический процесс

Вопросы развития и регулирования интернета, позволившего значительно ускорить копирование и передачу данных, приобретают все большее политическое значение. Перевод информации (книг, музыки, видео) в цифровой формат не только упростил доступ к мировому культурному наследию, но и актуализировал проблему нарушения авторских и смежных прав (копирайта)[1]. При этом тенденция к ужесточению государственной политики в области защиты интеллектуальной собственности встретила сопротивление со стороны общественного движения, получившего название *пиратского*. В 2006 г. в ответ на судебный процесс против создателей крупнейшего в мире торрент-треккера *Pirate Bay* была образована Пиратская партия Швеции[2], тем самым дав толчок аналогичным процессам в других странах мира, включая Россию.

[1] *Belleflamme, Peitz 2012: 489.*

[2] *Поликовский [Polikovsky] 2009.*

Появление пиратских партий продолжает интересовать академическое сообщество как в контексте партологии, так и в связи с дискурсом информационного общества. По данным *Scopus*, наиболее активно соответствующая проблематика разрабатывается в Германии и Швеции, где *пираты* добились заметного успеха, а также в США[3]. Внимание исследователей к этому феномену доказывает его актуальность и необходимость дальнейшего изучения, тем более что с каждым годом пополняется и расширяется эмпирическая база.

[3] *http://www.scopus.com/.*

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые тенденции развития пиратских партий как особого идеологического проекта и политической силы. В первом случае, анализируя развитие программных установок подобного рода организаций, мы попытаемся выяснить, остаются ли они *партиями одного требования*. Во втором — нас будут интересовать факторы, влияющие на институционализацию *пиратов* в национальной партийной системе.

Несмотря на отдельные проблемы с доступностью данных, эмпирическая база исследования, представленная 60 кейсами, на наш взгляд, вполне достаточна, чтобы приблизиться к ответам на поставленные вопросы с привлечением количественных методов.

Политическая программа *пиратов*: все еще партия одного требования?

В существующей литературе пиратские партии трактуются поразному. Их относят к новому — сетевому — типу *антиистеблишментских* и *антиэлитистских* партий, критически настроенных по отношению к *status quo* и противопоставляющих себя другим политическим силам[4]. Они также рассматриваются как *постматериалистические* партии второй волны — аналог *зеленых* в постиндустриальном информационном обществе[5]. Многие исследования наводят на мысль, что дело *Pirate Bay* и ужесточение законов о копирайте — скорее спусковой крючок образования пиратских партий, за которым на самом деле стоят более глубокие социально-политические процессы. Так, П.Беркарт в своих рассуждениях выходит на противостояние сложившейся в интернете *технокультуры* авторитаризму интеллектуальной собственности (IP authoritarianism): при таком угле зрения создание пиратских партий выглядит стремлением носителей новой культуры оградить интернет от государственной колонизации[6]. Довольно примечательно в этом контексте сравнение *цифровых пиратов* с пиратами прошлого: и те и другие появляются в ответ на установление государственного контроля над новыми пространствами, будь то пространство морей или киберпространство, оказывая сопротивление этому процессу[7].

В то же время пиратские партии могут интерпретироваться как радикальные партии одного требования с неясным положением на шкале «левые — правые»[8]. А если так, то угасание интереса к проблеме копирайта, скорее всего, приведет и к отмиранию пиратских партий.

За этими точками зрения скрывается сложное настоящее и неопределенное будущее подобных партий. С одной стороны, примеры Германии, Швеции и Исландии заставляют рассматривать *пиратов* как полноправных участников политического процесса. С другой стороны, есть немало случаев, когда за словами «пиратская партия» скрывается малочисленное и неактивное интернет-движение. В плане идеологии перспективы *пиратов* также выглядят неоднозначно. Хотя представители этого движения настаивают на необходимости отхода от прежних идеологий, считая себя не идеологами, а исследователями[9], они зачастую идентифицируются с разными политическими силами[10].

В 2012 г. Р.Ускай и К.Вика выдвинули две гипотезы, касающиеся перспектив развития пиратских партий. Согласно первой из них, эти партии будут двигаться от радикальных позиций к медианному избирателю и общей политике, согласно второй — их никогда нельзя будет однозначно отнести к правым или к левым (то есть начнется расслоение в мировом пиратском движении в соответствии с национальной спецификой)[11]. От того, подтвердятся ли эти гипотезы, во многом и зависит будущее *пиратов*. Либо они станут серьезной политической силой с широкой платформой и ориентацией на массового избирателя, либо сохранят свой статус сетевых движений, маргинальных в политическом и электоральном смыслах.

Предположение о расширении программных установок *пиратов* скорее подтверждается. Конечно, центральным сюжетом их программы

[4] См. Hartlib 2013; Сморгунов [Smorgunov] 2014; Морозова [Morozova] 2014.

[5] См. Ровинская [Rovinskaja] 2012; Мартьянов, Мартьянова [Martyanov, Martyanova] 2012; Мартьянов [Martyanov] 2013.

[6] Burkart 2014.

[7] Vergne 2013: 3.

[8] Мартьянов [Martyanov] 2013; Demker 2014.

[9] Litvinenko 2012: 405.

[10] Мартьянов [Martyanov] 2013: 24.

[11] Uszkai, Vica 2012.

остается реформа авторского права, но уже в документах 2008 г. содержится больше артикулированных позиций, чем в манифесте Пиратской партии Швеции 2006 г.[12] В 2012 г., по-прежнему выдвигая на первый план требования, касающиеся копирайта (неприкосновенность личных неимущественных прав, свобода некоммерческого обмена, сокращение срока монополии на коммерческое копирование и т.д.), европейские *пираты* делали акцент на связи этих требований с соблюдением прав человека, развитием демократии, культуры и общества в целом[13]. Все это указывает на то, что политическая программа *пиратов* выходит на более высокий уровень обобщения, тем самым приближаясь к медианному избирателю.

[12] *Declaration of Principles; Jones 2006.*

[13] *Фальквинге, Энгстрем [Falkvinge, Engstrom] 2014: 11—15.*

В пользу этого предположения говорят и данные проекта *Manifesto.* Контент-анализ предвыборных программ немецкой и исландской пиратских партий (2013 г.) свидетельствует о достаточно широком круге политических установок *пиратов* (см. *табл. 1*).

Тенденция к переосмыслению программы наблюдается и у других, менее успешных пиратских партий. Весьма показателен, в частности, слоган незарегистрированной Пиратской партии России: «Копирайт важен для будущего, но демократия важнее нам сейчас»[14].

[14] *Пиратская партия России [Piratskaja partija Rossii] 2014.*

Вместе с тем налицо и различия в установках, связанные со спецификой национальной среды и фиксацией ключевых приоритетов, что выводит на потенциальное подтверждение второй гипотезы. В соответствии с разработанной *Manifesto* методикой оценки положения партии на шкале между крайне правыми (100 баллов) и крайне левыми (-100 баллов)[15], немецкие *пираты* набирают -12,7 баллов, в то время как исландские — -40 баллов. За неимением кросс-темпорального сравнения большего числа кейсов неясно, свидетельствует ли это о национальных отличиях, или же дело заключается в том, что рассматриваемые партии находятся на разных этапах продвижения к центру (в Германии пиратская партия образована в 2006 г., в Исландии — в 2012 г.). При всем том пиратские партии пока относятся скорее к левой части политического спектра и, несмотря на некоторые национальные особенности, выражают (по крайней мере — в Европе) более или менее консолидированную позицию по основному кругу вопросов.

[15] *Budge 2013.*

Дальнейшее развитие программы *пиратов*, равно как и реализация их претензий на самостоятельность и успех, будет, по-видимому, определяться и характером их взаимоотношений с *зелеными,* особенно в странах, где у последних имеется устойчивый электорат. Так, в Европе в силу пересечения политических платформ (прежде всего в вопросах обеспечения общественных благ) *пираты* и *зеленые* то конкурируют, то сотрудничают. Наиболее тесное партнерство между ними сложилось в Европейском парламенте, где депутаты от Европейской пиратской партии входят в группу «Зеленые / Европейский свободный альянс»[16]. Отсюда следует, что в перспективе можно ожидать как конвергенции политических программ и поглощения пиратского движения, так и

[16] *Bauwens 2014.*

Таблица 1 **Наиболее частые темы программ пиратских партий Германии и Исландии на национальных выборах 2013 г.**

Пиратская партия Германии *(Piratenpartei)*			**Пиратская партия Исландии *(Pírataflokkurinn)***		
Тематика	*Частотность*	*Доля в тексте*	*Тематика*	*Частотность*	*Доля в тексте*
Свобода и права человека	332	18,5	Демократия	26	18,6
Равенство	171	9,5	Регулирование рынка	20	14,3
Демократия	157	8,8	Развитие образования	12	8,6
Регулирование рынка	131	7,3	Свобода и права человека	11	7,9
Защита окружающей среды	104	5,8	Равенство	9	6,4
Развитие государства всеобщего благосостояния	97	5,4	Рабочие группы	7	5,0
Развитие образования	93	5,2	Эффективность государства и управления	6	4,3
Рабочие группы	85	4,7	Развитие государства всеобщего благосостояния	6	4,3
Технология и инфраструктура	81	4,5	Экономический рост	4	2,9
Политическая коррупция	76	4,2	Контроль над экономикой	4	2,9
Эффективность государства и управления	63	3,5	Ущемленные меньшинства	4	2,9

Источник: Volkens A. et al. 2013. *The Manifesto Data Collection: Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR).* — Berlin (https://manifestoproject.wzb.eu).

разрыва партнерских отношений внутри постматериалистического блока с размыванием соответствующего электората.

Эволюция пиратских партий (особенно тех, что реально претендуют на места в ассамблеях), скорее всего, продолжится в сторону расширения программных установок. Весьма вероятным представляется и их дальнейшее перемещение внутри политического спектра. При этом нельзя исключить серьезных идеологических различий между пиратскими партиями. С точки зрения политической платформы нынешнее состояние этих партий (по крайней мере, относительно успешных) можно определить как промежуточное — между партией одного требования с радикальной и антиэлитистской ориентацией и вполне системной партией умеренно левого толка.

Институционализация пиратских партий: теории и исследовательский дизайн

Изучение степени институционализации пиратских партий — поиск *стимулов* и *препятствий* для их укоренения в партийной и политической системе — сопряжено с рядом проблем. Первая из них связана со сравнимостью случаев. В наши 60 кейсов входят очень разные страны — от ФРГ до Китая, от США до Беларуси. Вполне понятно, почему в Германии пиратская партия имеет больше шансов на успех, чем Китае или даже в США. Гораздо менее очевидно, почему именно эти 60 стран, несмотря на все существующие между ними различия, становятся базами для пиратского движения, а не другие. Вторая проблема — неустойчивость динамики появления новых партий и их электоральных результатов: пики популярности чередуются с заметными спадами.

Для того чтобы охватить максимальное число случаев, мы выбрали в качестве зависимой переменной наиболее общий показатель — *индекс институционализации пиратской партии*, рассчитанный на основе данных Пиратского интернационала[17], ресурса *Pirate Times*[18], интернет-страниц пиратских партий и электоральной статистики. Этот индекс состоит из трех компонентов (см. *табл. 2*): год появления партии (движения), степень ее включенности в политическую и партийную систему и наличие представителей партии (движения) в ассамблеях любого уровня. Описательная статистика зависимой переменной приведена в *табл. 3*. Наибольшее значение индекса — у Германии (11 баллов), наименьшее — у Китая и Колумбии (1 балл).

При определении независимых переменных было задействовано несколько теоретических подходов.

Учитывая довольно широкое и быстрое распространение пиратских партий и движений, мы сочли целесообразным привлечь концепцию *диффузии инноваций*[19], обращающую внимание на такие мотивы принятия новшества, как вера в успешность идеи («обучение») и стремление быть в тренде, соответствовать моде («социализация»)[20]. В случае пиратских партий без масштабного социологического исследования вряд ли удастся выявить доминирующий мотив, поэтому имеет смысл

[17] *Pirate Parties International Wiki.*

[18] *Pirate Parties Worldwide.*

[19] *Walker 1969; Rogers 1995; Berry F.S., Berry W.D. 1999.*

[20] *Berry F.S., Berry W.D. 1999: 225—226.*

Таблица 2 Структура индекса институционализации пиратской партии

Компонент	*Показатели*	*Баллы*
Появление пиратской партии	Год создания	Закодированное значение в диапазоне от 2006 по 2014 г. («4» — 2006 г., «0» — 2014 г.), с шагом в 0,5
Включенность в партийную и политическую системы	Регистрационный статус	«1» — неактивна либо только начала создаваться; «2» — активна, но не зарегистрирована; «3» — находится в процессе регистрации; «4» — официально зарегистрирована
	Членство в Пиратском интернационале	«0» — нет, «1» — есть
Электоральный результат	Наличие представителей в ассамблее	«0» — ни одного представителя, «1» — локальный уровень, «2» — уровень региона, «3» — национальный уровень

Таблица 3 Описательная статистика зависимой переменной

	Число случаев	*Минимум*	*Максимум*	*Средняя*	*Статистическое отклонение*
Индекс институционализации	60	1,00	11,00	6,1500	2,33489

говорить скорее об их сочетании, отталкиваясь от оценки организаторов партии и среды, сложившейся в данном государстве.

За взлетами популярности «пиратской идеи» в 2006, 2009 и 2012 гг., нашедшими отражение в динамике образования соответствующих партий (см. *рис. 1*), скорее всего, стояли мотивы «обучения». В 2006 г., после неплохого дебюта шведской *Piratpartiet*, набравшей на выборах 0,63% голосов и занявшей 11 место (из 40), пиратские партии возникли в 11 других странах. Следующие волны увязываются с успехом шведской партии на выборах в Европарламент в 2009 г. (7,13% голосов) и высокими результатами немецкой *Piratenpartei* на уровне земель и муниципалитетов в 2011—2012 гг. Однако параллельно достижениям растет и медийность *пиратов*, порождая моду на их идеи (см. *рис. 2*).

Каким бы ни был пример других пиратских партий, «обучающим» или просто «модным», почему для некоторых стран он становится более заразительным? Та же концепция диффузии инноваций предлагает две объяснительные модели — *региональной диффузии* и *внутренних*

Рисунок 1 Динамика образования новых пиратских партий

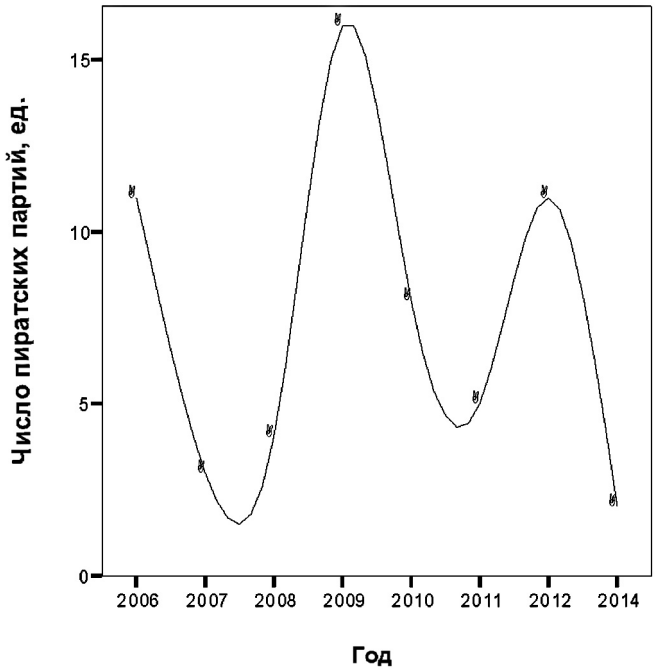
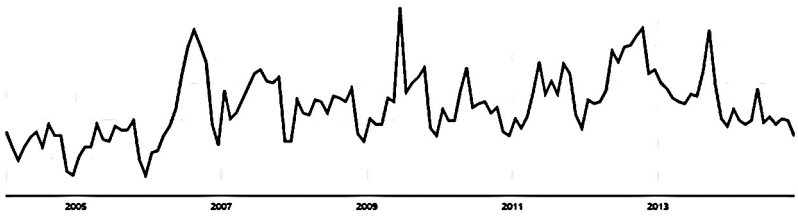


Рисунок 2 Динамика запросов по теме «Pirate Party»



Источник: *Google. Trends* (https://www.google.ru/trends).

[21] *Ibid: 225—237.*

детерминант[21]. Согласно первой, перенос обеспечивается активным взаимодействием акторов: чем интенсивнее коммуникация, тем быстрее происходит диффузия. Несколько упрощая, показателем такого взаимодействия можно считать включенность в процессы глобализации, благодаря чему страна становится более открытой для проникновения новых идей. Но хотя вероятность подобной ситуации в рассматриваемом случае достаточно высока, данная модель объясняет лишь факт переноса, а не дальнейшую судьбу инновации в новой среде.

Более продуктивной и эвристически ценной применительно к нашему исследованию выглядит вторая модель, делающая акцент на внутренних характеристиках донора и реципиента нововведения. В рамки этой модели укладываются и современные подходы к объяснению феномена новых партий.

Первым таким подходом можно считать концепцию размежеваний (cleavages) С.Роккана и М.Липсета, где указывается на трансляцию социальных конфликтов в партийные системы[22]. Р.Инглхарт, А.Лейпхарт и другие авторы обратили внимание на появление нового социального раскола — между материализмом и постматериализмом, — следствием чего стало возникновение и успех *зеленых* партий[23]. Исследования М.Демкер[24] и Д.С.Мартьянова[25] содержат обоснованные гипотезы о влиянии постматериальных ценностей на развитие пиратского движения. Вместе с тем, поскольку в настоящее время *пираты* представляют левую часть политического спектра, не исключено и влияние прежнего раскола между левыми и правыми партиями.

Главным недостатком социологического подхода является допущение, что конфликты и интересы общества присутствуют объективно, «ожидая», пока на месте нового раскола образуется партия, тогда как речь идет скорее о потенциальной возможности такого исхода, нежели о его неизбежности[26].

По мнению сторонников неоинституционального подхода, отзывчивость партийной системы на новый раскол зависит от сложившегося институционального дизайна. Так, еще М.Дюверже выдвинул гипотезу, что пропорциональная избирательная система способствует многопартийности[27]. В дальнейшем были выделены и другие институциональные факторы, облегчающие либо затрудняющие выход на партийное поле новых игроков: степень фрагментации партийной системы, заградительный барьер, величина округа[28], государственное устройство и наличие субнациональных выборов, особенности политической культуры[29] и политического режима[30]. В рамках этого подхода Ускай и Вика высказали предположение, что чем выше фрагментация партийной системы, тем проще пиратским партиям включиться в борьбу[31].

Наконец, третий подход концентрирует внимание на характеристиках самой новой партии: ее способности мобилизовать необходимые ресурсы и наличии у нее актуальной политической программы[32]. Этот подход использован, в частности, в работе Г.Ерлингссона и М.Персона, где показано, что, несмотря на наличие протестного компонента (*protest-voting*), голосование за шведских *пиратов* на выборах 2009 г. в Европарламент происходило главным образом в рамках *issue-voting* (голосование за программу)[33].

В комплексе указанные подходы позволяют получить более полное представление о факторах развития пиратских партий и нуждаются в тестировании. Независимые переменные исследования операционализируются нами посредством нескольких количественных индексов (см. *табл. 4*).

[22] *Липсет, Роккан [Lipset, Rokkan] 2004.*

[23] *Lijphart 1999: 86—87.*

[24] *Demker 2014.*

[25] *Мартьянов [Martyanov] 2013.*

[26] *Boix 2009: 502—504.*

[27] *Дюверже [Duverger] 2002: 265. О сугубо вероятностном характере данного суждения, не снижающем, впрочем, актуальности его тестирования, см. Riker 1986: 30.*

[28] *Selb, Pituctin 2010: 148—149; Boix 2009: 506.*

[29] *Lucardie 2000: 180.*

[30] *Куценко [Kucenko] 2008: 116—127.*

[31] *Uszkai, Vica 2012: 46—55.*

[32] *Lucardie 2000: 180.*

[33] *Erlingsson, Persson 2011.*

Таблица 4 Независимые переменные исследования

Фактор	*Переменные*	*Источник данных*
Диффузионный	Включенность в процессы глобализации	The KOF Index of Globalization, средний показатель за 2006—2013 гг.
Социальный	Распространенность постматериальных ценностей	World Values Survey Database, показатель за 2005—2014 гг.
	Раскол «правые — левые»	
Институциональный	Избирательная система (выборы в нижнюю палату национального парламента): система большинства (-1), смешанная система (0), пропорциональная система (1)	Electoral System Design Database
	Индекс наименьших квадратов М.Галлахера	База данных М.Галлахера (Gallagher 2014)
	Государственное устройство: унитарное государство (0), федерация (1)	Расчеты автора
	Степень фрагментации партийной системы	Эффективное число партий (по голосам и местам в нижней палате ассамблеи), 2006—2013 гг. (Gallagher 2014)
	Уровень состязательности политического режима	Democracy Index, средний показатель за 2007—2013 гг.
	Свобода собраний и ассоциаций	Cingranelli-Richards Human Rights Dataset, 2009 г.
Внутренние характеристики: актуальность политической программы	Распространенность цифрового пиратства	Software Piracy Rate, 2007 г.
	Обеспечение прав собственности	International Property Rights Index, 2013 г.
	Доля пользователей сети интернет	ICT Statistics, средний показатель за 2006—2013 гг.

В общем виде наша гипотеза заключается в том, что чем больше стимулов (социальные расколы, включенность в процессы глобализации и др.) и меньше препятствий (прежде всего институциональных) для образования пиратской партии, тем выше показатель ее институционализации.

Факторы институционализации пиратских партий

Для выявления взаимосвязей между переменными был выбран метод корреляционного анализа. Хотя он не позволяет точно определять каузальность, в условиях разного количества доступных данных по переменным и случаям его использование кажется нам оправданным и достаточным для решения поставленных в этом исследовании задач.

Результаты корреляционного анализа представлены в *табл. 5*.

Таблица 5 Результаты корреляционного анализа

Переменная	*Коэффициент корреляции Пирсона*	*Число исследуемых случаев (в зависимости от наличия данных)*
Включенность в процессы глобализации	0,573**	60
Распространенность постматериальных ценностей	0,632**	42
Раскол «правые — левые»	-0,539**	33
Избирательная система	-0,149	60
Индекс наименьших квадратов	-0,209	56
Государственное устройство	0,042	60
Степень фрагментации партийной системы	-0,089 -0,009	56
Уровень состязательности политического режима	0,619**	60
Свобода собраний и ассоциаций	0,476**	60
Распространенность цифрового пиратства	-0,585**	58
Обеспечение прав собственности	0,576**	58
Доля пользователей сети интернет	0,600**	60

** Корреляция статистически значима на уровне 0,01 (двусторонняя)

Исходя из полученных данных можно утверждать, что характеристики избирательной и партийной систем не играют в настоящее время существенной роли в появлении и развитии пиратских партий. По-видимому, из-за небольшого политического веса *пиратов* в подавляющем большинстве случаев для их партий пока нет препятствий, связанных с электоральной формулой. Возможность участвовать в выборах на муниципальном или региональном уровне тоже статистически незначима в мировом масштабе (хотя, например, в Германии успех *пиратов* на выборах в федеральных землях следует признать важным показателем ее институционализации).

Особенности политической системы, напротив, имеют серьезное значение. При наличии демократического режима и свободы собраний и ассоциаций пиратским партиям намного легче получить официальный статус. В авторитарных странах в лучшем случае можно говорить о разных степенях активности *пиратов* вне политической системы.

Несмотря на то что пиратские партии более активно развиваются в европейских демократиях, процессы глобализации создают условия для проникновения их идей и в относительно открытые недемократические страны. Не в последнюю очередь этому способствует распространение интернета, которое может рассматриваться и как фактор глобализации, и как показатель актуальности политической программы пиратской партии.

Впрочем, распространение интернета является необходимым, но едва ли достаточным условием актуальности программы *пиратов*. Если уровень цифрового пиратства высок, а законы в сфере охраны интеллектуальной собственности слабы, такая программа теряет для граждан свое политическое значение. И наоборот: чем острее проблема ужесточения копирайта, тем раньше пиратская партия образуется, укрепляется на политической арене и получает места в ассамблеях.

Наконец, не лишен оснований тезис о социальных причинах появления пиратских партий. Чем шире распространены постматериальные ценности, тем быстрее на месте раскола появляется партия и тем выше степень ее институционализации. Способствует их развитию и преобладание в стране левых взглядов.

Выделение определяющего (единственного) фактора по-прежнему проблематично. Скорее всего, следует говорить о группе детерминант, набор и влияние которых меняются от кейса к кейсу. Общие тренды вроде глобализации и ценностного сдвига, а также более конкретные события (например, ужесточение авторского права в стране) в итоге приводят к появлению пиратских партий сначала в Европе, а затем и в других регионах мира.

В то же время электоральные успехи пиратских партий остаются весьма скромными[34]. Даже в Европе собственно *пираты* мало выигрывают от усиления тех трендов, которые, казалось бы, должны стимулировать их развитие.

[34] Мартьянов [Martyanov] 2013: 28.

На наш взгляд, низкие электоральные результаты пиратских партий связаны не только со *спросом* на их идеи, но и с *предложением*.

В частности, в 25 странах с зарегистрированными пиратскими партиями существует значимая корреляция доли голосов, поданных за *зеленые* партии на последних национальных выборах (по состоянию на 2014 г.), как с уровнем постматериальных ценностей (0,630*), так и с актуальностью политической программы *пиратов*: распространенностью онлайн-пиратства (-0,762**) и степенью защиты интеллектуальной собственности (0,721**). Можно предположить, что даже если спрос на политическую программу пиратов и присутствует, избиратели предпочитают голосовать за идейно близкую, но более сильную партию.

Кроме того, во многих странах внутренние ресурсы пиратов довольно ограниченны. Так, даже в Германии и Швеции динамика членства в пиратских партиях остается неустойчивой[35].

Не следует также забывать, что не все пиратские партии стремятся активно участвовать в парламентской деятельности, предпочитая иные способы артикуляции своей позиции (прежде всего через различные сетевые проекты)[36]. Идея *подвижной демократии* (liquid democracy), взятая на вооружение многими пиратскими партиями[37], одновременно является и их политическим требованием, и формой отрицания, ухода от существующих процедур. Поэтому неуспехи *пиратов* могут быть обусловлены и их нежеланием следовать сложившимся правилам игры.

Динамика институционализации пиратских партий, таким образом, вполне может определяться и этими их отличительными чертами. В связи с этим перспективным представляется более глубокий анализ конкретных кейсов, нацеленный на выявление специфических условий деятельности *пиратов* в отдельных странах.

[35] *https://verwaltung.piratenpartei.de/issues/2660; Party Count History.*

[36] *Burkart 2014.*

[37] *Bainbridge 2012: 23.*

Заключение

Пиратские партии — довольно противоречивый феномен, в зависимости от угла зрения предстающий то как бренд, то как идеологический проект, то как политическая сила. Уже сейчас можно выделить как общемировые тенденции, определяющие развитие этого движения, так и заметную национальную специфику.

Единый для всех *пиратов* радикальный, антиистеблишментский вектор в настоящее время размывается. В наиболее успешных случаях наблюдается переход от одного требования к более общей политической программе, позволяющей привлечь электорат. Данная тенденция характерна для многих пиратских партий (чему в немалой степени способствует координирующая деятельность Пиратского интернационала), однако проявляется она по-разному, что приводит к различиям, которые в будущем могут дать толчок конфликтам внутри пиратского движения.

Институционализация пиратских партий, как показывает анализ, может зависеть от нескольких факторов. Появление и быстрое распространение пиратских организаций не в последнюю очередь связано с социальными изменениями, ускорением глобализации и ценностным сдвигом. Ужесточение законодательства в сферах интеллектуальной собственности и интернета ведет к кристаллизации *пиратов* в политическую силу.

В большинстве случаев пиратские партии не имеют достаточных ресурсов, а зачастую и желания активно включаться в сложившуюся партийную систему. Не отличается устойчивостью популярность их идей, равно как и электоральный результат. Вместе с тем уже наметились некоторые точки роста пиратских партий, особенно в Европе (на национальном и наднациональном уровнях).

Вероятно, трансформации пиратского движения продолжатся и станут определяющими для его будущего развития. Не последнюю роль

в этом сыграет окончательный выбор пиратов: оставаться ли на радикальных, антиэлитистских позициях или двигаться в сторону медианного избирателя и общей политики.

Библиография

Дюверже М. 2002. *Политические партии*. — М. [Duverger M. 2002. Politicheskie partii. — M.].

Куценко К.Е. 2008. Базовые подходы к анализу факторов формирования партийных систем // *ПОЛИТЭКС*. № 3 [Kucenko K.E. 2008. Bazovye podkhody k analizu faktorov formirovanija partijjnykh sistem // POLITEKS. № 3] (http://www.politex.info/content/view/473/30/).

Липсет С.М., Роккан С. 2004. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // *Политическая наука*. № 4 [Lipset S.M., Rokkan S. 2004. Struktury razmezhevanijj, partijjnye sistemy i predpochtenija izbiratelejj // Politicheskaja nauka. № 4].

Мартьянов Д.С. 2013. Сравнительный анализ постматериалистических партий (На примере «зеленых» и пиратов) // *Вестник Пермского университета. Политология*. № 2 [Martyanov D.S. 2013. Sravnitel'nyjj analiz postmaterialisticheskikh partijj (Na primere «zelenykh» i piratov) // Vestnik Permskogo universiteta. Politologija. № 2].

Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. 2012. Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте // *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г.Чернышевского*. № 4 [Martyanov D.S., Martyanova N.A. 2012. Fenomen piratskikh partijj v rossijjskom i mirovom kontekste // Uchenye zapiski Zabajjkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G.Chernyshevskogo. № 4].

Морозова Е.В. 2014. Антиистеблишментские партии как сетевые сообщества // Соловьев А.И. (ред.) *Сети в публичной политике. Политическая наука: Ежегодник 2014*. — М. [Morozova E.V. 2014. Antiisteblishmentskie partii kak setevye soobshhestva // Solov'ev A.I. (red.) Seti v publichnojj politike. Politicheskaja nauka: Ezhegodnik 2014. — M.].

Пиратская партия России. 2014. *Демократия важнее копирайта* [Piratskaja partija Rossii. 2014. Demokratija vazhnee kopirajjta] (https://pirate-party.ru/content/%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%B2%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B0).

Поликовский А. 2009. *Пиратская бухта. Последний берег утопии*. — Интернет-издание [Polikovsky A. 2009. Piratskaja bukhta. Poslednijj bereg utopii. — Internet-izdanie].

Ровинская Т. 2012. Пиратские партии: политический продукт информационного общества // *МЭиМО*. № 12 [Rovinskaja T. 2012. Piratskie partii: politicheskijj produkt informacionnogo obshhestva // MEhiMO. № 12].

Сморгунов Л.В. 2014. Сетевые политические партии // *Полис*. № 4 [Smorgunov L.V. 2014. Setevye politicheskie partii // Polis. № 4].

Фальквинге Р., Энгстрем К. 2014. *Дело о реформе копирайта*. — М. [Falkvinge R., Engstrom C. 2014. Delo o reforme kopirajjta. — M.].

Bainbridge W. 2012. Fluid Democracy // *No Safe Harbour: United States Pirate Party*. — CSIPP.

Bauwens M. 2014. Greens and Pirates: In Search of a New Majority for the Commons? // Green *European Journal*. 10.01. (http://www.greeneuropeanjournal.eu/greens-pirates-search-new-majority-commons/).

Belleflamme P., Peitz M. 2012. Digital Piracy: Theory // Peitz M., Waldfogel L. (eds.) *Oxford Handbook of Digital Economy*. — Oxford.

Berry F.S., Berry W.D. 1999. Innovation and Diffusion Models in Policy Research // Sabatier P. (ed.) *Theories of the Policy Process*. — Boulder (CO).

Boix C. 2009. The Emergence of Parties and Party Systems // *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. — Oxford.

Budge I. 2013. The Standard Right — Left Scale // *The Manifesto Project* (https://manifesto-project.wzb.eu/down/papers/budge_right-left-scale.pdf).

Burkart P. 2014. *Pirate Politics: The New Information Policy Contests*. — Cambridge (Mass.).

Cingranelli-Richards *Human Rights Dataset* (http://ww2.humanrightsdata.org/).

Declaration *of Principles 3.2* (http://docs.piratpartiet.se/Principles%203.2.pdf).

Demker A. 2014. Sailing along New Cleavages: Understanding the Electoral Success of the Swedish Pirate Party in the European Parliament Election 2009 // *Government and Opposition*. Vol. 49. № 2.

Democracy *Index* (http://www.eiu.com/).

Electoral *System Design Database* (http://www.idea.int/esd/search.cfm#).

Erlingsson G., Persson M. 2011. The Swedish Pirate Party and the 2009 European Parliament Election: Protest or Issue Voting? // *Politics*. Vol. 31. № 3.

Freedom *on the Net Index* (https://freedomhouse.org/issues/internet-freedom#.VGkC1PmsWT8).

Gallagher M. 2014. *Election Indices Dataset* (http://www.tcd.ie/Political_Science/staff/michael_gallagher/ElSystems/index.php).

Global *Open Data Index* (http://global.census.okfn.org/).

Hartlib F. 2013. Anti-elitist Cyber Parties? // *Journal of Public Affairs*. Vol. 13. № 4.

ICT *Statistics* (http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx).

International *Property Rights Index* (http://www.propertyrightsalliance.org/international-property-rights-index-a2866).

Jones B. 2006. *The Swedish Pirate Party Presents Their Election Manifesto* (http://torrentfreak.com/the-swedish-pirate-party-presents-their-election-manifesto/).

Latest *National Election Results* (http://www.globalgreens.org/election-results/latest-national).

Lijphart A. 1999. *Patterns of Democracy*. — New Haven.

Litvinenko A. 2012. Social Media and Perspectives of Liquid Democracy on the Example of Political Communication of Pirate Party in Germany // *Proceedings of the 12th European Conference on eGovernment*. — Barcelona.

Lucardie P. 2000. Prophets, Purifiers and Prolocutors: Towards a Theory on the Emergence of New Parties // *Party Politcs*. Vol. 6. № 2.

Party *Count History* (https://pirateweb.net/Pages/Public/Data/MemberCountHistory.aspx).

Pirate *Parties International Wiki* (http://wiki.pp-international.net/Main_Page).

Pirate *Parties Worldwide* (http://piratetimes.net/pirate-parties-worldwide/).

Quality *of Government Data* (http://qog.pol.gu.se).

Riker W.H. 1986. Duverger's Law Revisited // Grofman B., Lijphart A. (eds.) *Electoral Laws and Their Political Consequences*. — N.Y.

Rogers E. 1995. *Diffusion of Innovations*. — N.Y.

Selb P., Pituctin S. 2010. Methodological Issues in the Study of New Parties' Entry and Political Success // *Party Politics*. Vol. 16. № 2.

Software *Piracy Rate*. 2007 (http://www.nationmaster.com/country-info/stats/Crime/Software-piracy-rate).

The KOF *Index of Globalization* (http://globalization.kof.ethz.ch/).

Uszkai R., Vica C. 2012. How to Assess the Emergence of the European Pirate Parties: Towards a Research Agenda // *Sfera Politicii*. № 3.

Vergne J.-P. 2013. The Pirate and the Capitalist: A Love Story // *Policy*. Vol. 29. № 3 (https://www.cis.org.au/images/stories/policy-magazine/2013-spring/29-3-13-jeanphilippe-vergne.pdf).

Volkens A. et al. 2013. *The Manifesto Data Collection: Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR)*. — Berlin (https://manifestoproject.wzb.eu).

Walker J.L. 1969. The Diffusion of Innovations among the American States // *The American Political Science Review*. Vol. 63. № 3.

World *Values Survey Database* (http://www.worldvaluessurvey.org).

От редакции. *Рукописи не горят... К сожалению, это не так — название рубрики, появившейся этой весной в большинстве политологических журналов России, не соответствует действительности. Горят и рукописи, и книги, и подшивки, и архивы, и целые библиотеки. Например, Александрийская. Или — в один ряд эти события ставятся сознательно — сгоревший в ночь с 30 на 31 января 2015 г. Институт научной информации по общественным наукам РАН, сердцем которого была именно библиотека. Впрочем, в том огне пострадали не только уже напечатанные тексты, но и рукописи разной степени готовности, находившиеся в редакционной работе многочисленных изданий ИНИОНа. В том числе — таких опорных для нашей дисциплины, как журнал «Политическая наука» и ежегодник «МЕТОД».*

Наша первая реакция на эту трагедию полностью передается словами Вильгельма Баскервильского, персонажа романа Умберто Эко «Имя розы», с тем же бессильным отчаянием смотревшего на полыхавшие пергаменты и манускрипты: «Сейчас... Антихрист, должно быть, действительно возобладает, потому что нет больше знаний, чтобы от него защищаться»...

Но нет. Не возобладает. Пока есть книжники и literati, спасающие то, что уцелело в пламени, и сохраняющие спасенное в интеллектуальном обороте. А они есть. Работа ИНИОНа не остановилась ни на день. Все научные и издательские программы продолжаются.

Реакция научного и издательского сообщества, занятого политическими исследованиями, на случившуюся беду оказалась быстрой и солидарной. На обращение Михаила Васильевича Ильина с просьбой предоставить страницы своих журналов для публикации материалов, выход которых в «Политической науке» и «МЕТОДе» откладывается на неопределенный срок (он же и придумал общее название рубрики), откликнулись, кажется, все, кто его получил. Если и есть что-то, способное внушить хотя бы проблеск надежды в наши свинцовые дни, то вот оно: готовность переступить через копившиеся годами споры и ссоры, объективную конкуренцию и субъективные конфликты (все это было и будет) — и поддержать коллег.

По причинам, не требующим никакого объяснения, мы в журнале «Полития» поступили так же. В этом номере мы печатаем замечательный текст Н.С.Розова, его рокановскую лекцию, которая должна была выйти в «МЕТОДе» (надеемся, еще выйдет). Если будет надо и пока будет надо, рубрика продолжится.

И еще одно: мы, как и наши ИНИОНовские друзья, считаем лживыми и гнусными попытки возложить ответственность за произошедшее в ИНИОНе на его директора, академика Ю.С.Пивоварова. Нам хорошо известно, в каких неимоверно трудных условиях, в каких административных и финансовых клещах он находился — и тем не менее год за годом хранил то, что было ему доверено. В конце концов, наша редакция тоже располагалась в здании ИНИОНа, так что мы знаем, о чем говорим. Ложь — любимое средство Антихриста. И все равно: он не возобладает.

Н.С.Розов

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОНТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КРИЗИСОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ[1]

Ключевые слова: методология социального познания, модель, масштаб, поле взаимодействия, концептуальный синтез

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований» (грант РФФИ № 13-06-00789).

Публичная лекция как речь или текст ко многому обязывает, а рокковская лекция обязывает втройне. Стейн Роккан — весьма почитаемая фигура в социальных и политических науках, здесь имеет место редкий консенсус относительно значимости его идей и построений между представителями самых разных и конфликтующих между собой направлений. Я бы выделил три достоинства его подхода и работ: смелость в синтезе разных социальных масштабов и сфер человеческого бытия, внимание к долговременным процессам и переломным событиям в истории при объяснении сложившихся структур, редкая эрудиция во множестве конкретных областей социальных, культурных, экономических, политических и исторических знаний. В плане эрудиции мало кто может соперничать с Рокканом, в этом пусть тягаются с ним другие. Зато мне есть что сказать в развитие первых двух пунктов: в плане синтеза масштабов и сфер, а также подходов к объяснению долговременного назревания кризисов, кризисной и конфликтной динамики, причин и роли переломных событий.

Сдвиги в методологии социального познания

Развитие исследовательских подходов происходит в разных местах с разной скоростью. В центрах международных интеллектуальных сетей ведутся авангардные исследования, здесь первыми происходят сдвиги, рождаются и осваиваются новые идеи. Периферия всегда отстает, новое здесь обычно не находит отклика, а развивается, только попав в сетевые центры[2]. Коротко перечислю сдвиги последних 10—20 лет в западной (прежде всего американской как наиболее развитой и динамичной) социальной науке:

[2] Коллинз [Collins] 2002.

1) *от статики к динамике*: все меньше внимания к попыткам всеобъемлющих классификаций и типологий, все больше внимания к динамике, то есть к механизмам, паттернам, закономерностям, факторам изменений;
2) *от фиксированных дилемм к исторически меняющимся шкалам*: бинарные оппозиции не исчезли, но все больше замещаются

континуумами, в рамках которых и происходит динамика, причем эти шкалы не считаются абсолютными на все времена, а являются принадлежностью определенных эпох, исторических систем и даже отдельных типов обществ;

3) *от доминирующего масштаба к попыткам совмещения масштабов*: споры относительно первенства микро- или макро- (атомизма и холизма) практически ушли в прошлое; хорошим тоном стал учет охватывающих масштабов при анализе микросоциальных явлений и, напротив, демонстрация того, как макропроцессы реализуются в жизни, судьбе, действиях конкретных индивидов;
4) *от центризмов к рядоположенности сфер*: явно снизился (угас?) накал споров относительно главного или ведущего типа причин в социальных изменениях и историческом развитии (экономоцентризм, культуроцентризм, психологизм, технологический детерминизм, географический детерминизм и т.д.); гораздо больше внимания уделяется взаимовлиянию между различными сферами, прежде всего веберианскими (политика/государство, экономика/рынки, религия/культура/идеология, насилие/война/геополитика), а также географией, демографией и технологиями;
5) *от Methodenstreit к синтезу подходов*: от традиционного спора о методе между приверженцами номотетики (сбора и обработки количественных, статистических данных) и сторонниками идиографии (качественных методов — наблюдения, интервью) исследователи приходят к попыткам совмещения такого рода подходов (structure + agency), но здесь общего решения еще не найдено;
6) *от поиска или отрицания универсальных законов к объяснению уникального через общее:* долгий период дружного отрицания гемпелевских «охватывающих законов» (*covering laws*) завершается, уникальные исторические объяснения не признаются удовлетворительными в социальных и политических науках; что теперь занимает исследователей в передовых научных центрах, так это механизмы, посредством которых универсальные или типовые для данной эпохи ингредиенты и паттерны проявляются в конкретных неповторимых явлениях.

Если по первым двум пунктам (динамика вместо статики, исторически меняющиеся шкалы вместо абсолютных дилемм) есть ясность, то остальные четыре находятся на самом гребне развивающейся методологии социального познания, поэтому рассмотрим открывающиеся здесь возможности более детально.

Выявление причин разных социальных и временны́х масштабов

Плодотворная идея совмещения в описании разных социальных и временны́х масштабов[3] связана с осознанием (иногда более, иногда менее ясным) того, что в разные периоды истории ведущие причины событий и процессов относятся к разным уровням: иногда нужно вести речь о макропроцессах на континенте или даже в мире (Великие географические открытия, колонизация, религиозные войны, формирование национальных государств, промышленная революция и т.д.), а иногда, особенно во время острых кризисов и развилок, — о раскладе сил между основными политическими игроками или даже об особом складе характера, привычках и фобиях отдельного правителя. Картины изменения частной жизни семей и индивидов, в которых явственно отражаются макрособытия, — этот излюбленный прием исторических романистов — стали также активно использоваться в работах историков и социальных исследователей.

Мой тезис состоит в том, что совмещение масштабов и переключение между масштабами не только являются удачными приемами построения литературного или научного нарратива, но и имеют большой методологический, познавательный потенциал. Как его раскрыть?

Допустим, мы обращаемся к разным социальным и временны́м масштабам не ради риторического эффекта, а с целью лучше прояснить причины происходящего. Тогда уже требуется априорное представление о ряде охватывающих масштабов: например, от ультрамикро- (ситуаций здесь-и-сейчас) до макро- (все общество) или даже международного и глобального уровня. Как правило, большим социальным и пространственным масштабам естественно сополагать и большие временны́е: от минут и часов до столетий. Никакой априорный ряд масштабов не может быть общей догмой: для каждого типа исследовательских задач адекватен тот или иной состав масштабов.

Преодоление спора между холизмом и атомизмом состоит в признании «плавающего» и/или «диффузного» характера наиболее значимых причин социальных изменений. Иными словами, причины явлений могут находиться в сущностях и процессах разных масштабов (от ситуативных и локальных до национальных, международных, глобальных). Причины как бы «плавают» между масштабами, но также вполне резонно ожидать, что причины особо значимых явлений (кризисов, революций, войн, расцветов и упадков обществ) могут быть диффузно рассредоточены по нескольким масштабам (например, для Первой мировой войны — от выстрела Гаврилы Принципа и воинственных настроений европейских политических лидеров до сложившегося соотношения в промышленном и военном развитии Германии и Великобритании, еще шире — до истории конкуренции и конфликтов между всеми великими европейскими державами и их коалициями).

Рассмотрим условную упрощенную ситуацию с тремя масштабами, которые назовем микро-, макро- и мега-. Допустим, задача состоит в выявлении причин явлений на уровне макро- (социально-политических кризисов, революций, войн в обществе). Широкий взгляд

[3] Затрудняюсь здесь судить о приоритетах. Не исключено, что первыми были даже не историки или социальные исследователи, а романисты с вершинами в творчестве Л. Толстого, Э. Золя и др. Совмещение и изящное переключение масштабов также характерны для историков школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель), историка В. Макнила и макросоциолога И. Валлерстайна.

на онтологию причинности предполагает самые разные возможности: в «плавающей» парадигме причины разных событий могут быть и на уровне микро- (интересы и решения индивидов), и на уровне макро- (ситуация с политическими силами, классами, конфликтами), и на уровне мега- (охватывающие и долговременные процессы в технологиях, экономике, демографии, международных отношениях). Обозначим такие причины как мономасштабные. В «диффузной» парадигме некая причина или комплекс причин имеют свои «представительства» в каждом из трех масштабов.

«Плавающие» причины охватывающих масштабов *всегда* каким-то образом представлены во вложенных масштабах. Если мы говорим о тенденциях технологического развития на протяжении нескольких десятков лет, то в каждом десятилетии, в каждом году и в каждом месяце есть соответствующие проявления этих тенденций. Если идет речь о настроениях правящих элит европейских держав, то эти настроения многократно проявляются в записях, публикациях, речах, зафиксированных дискуссиях тех или иных деятелей, входящих в эти элиты. Как же тогда отличить мономасштабные причины от диффузных?

Воспользуемся логической схемой необходимого и достаточного.

Мономасштабная причина (группа причин) некоторого явления необходима и достаточна для него. Если рассматриваемое явление принадлежит вложенному (меньшему) масштабу, то при любых обстоятельствах данного масштаба это явление произойдет. Когда лес горит, птичьи гнезда на ветвях деревьев гибнут. Когда в стране инфляция, деньги в карманах и на счетах каждого обесцениваются.

Диффузная причина на каждом уровне необходима, но только вместе они достаточны. Чтобы выросло новое дерево, нужны и семя, и почва, и определенные параметры окружающей среды (температура, влажность, освещенность), причем на протяжении многих лет. Чтобы появилось и закрепилось реальное разделение властей, требуется не только разовое принятие соответствующих конституционных законодательных норм, но также влиятельные группы, защищающие такое разделение, критическая масса депутатов, чиновников, политических лидеров, судей, понимающих его смысл и пользу, серия скандалов и разоблачений, связанных с покушением одной ветви власти (обычно исполнительной) на автономию других (обычно парламента, судов, масс-медиа).

Какова же адекватная методология для раскрытия такого рода причин? Перспективным представляется синтез вполне классического подхода постановки и проверки гипотез с систематическим анализом исторических случаев методом сходства и различия, а также аппаратом Булевой алгебры по Ч.Рэгину[4] с расширением за счет учета разных масштабов. Так, мономасштабные причины выделяются, будучи обозначены как отдельные гипотетические факторы (что бы ни происходило в других масштабах, они «выстрелят»). Диффузные факторы с представительством в разных масштабах выделить труднее, но возможно —

[4] *См. Ragin 1994; Розов [Rozov] 2009.*

через обобщение сквозных инвариантов в сочетаниях разномасштабных причин, ведущих к одному и тому же результату (например, к социальной революции, смене власти и режима).

Макропоказатели и динамика взаимодействия

Самый большой разрыв в социальных и политических исследованиях сохраняется в известной оппозиции «structure/agency». Под «*структурными факторами*» обычно понимаются макропоказатели стран, относящиеся к экономике, демографии, политической системе, уровню развития институтов, свобод и прав граждан, образования, медицины, инфраструктуры. Есть также немало международных рейтингов стран по степени свободы, демократичности режима, устойчивости/хрупкости государства, легкости ведения бизнеса, надежности инвестирования и т.п. Большинство макропоказателей охватывают только последние 40—60 лет, но данные по экономике, демографии, социальному развитию имеются в исторических справочниках и атласах.

Agency (активность, деятельность, взаимодействие акторов, или агентов) характеризует прежде всего динамику взаимодействия — кооперативную, конкурентную или конфликтную. В социальной и исторической реальности практически не встречаются ситуации с моносубъектом. Даже если некий правитель осуществляет реформы при полностью подчиненном и лояльном аппарате, все равно в процессах принимают участие разные группы населения, да и лояльность самих элит всегда является переменной, она не бывает вечной.

Итак, вопрос состоит в том, как совместить совершенно разные картины, где представлены значения макропоказателей некоего целого (страны, общества, государства) и взаимодействия (например, в виде начальных и ответных ходов, или создания и раскола коалиций, или стратегий, усиливающих, блокирующих либо трансформирующих друг друга).

Есть опыт совмещения подходов через постановку и проверку гипотез, логически соединяющих соответствующие понятия и тезисы[5]. Здесь же мы будем выстраивать методологию через наиболее общие онтологические конструкции. Для простоты оставим за скобками темы случайности, вероятности, свободы воли, уникальности и неповторимого складывания. Представим, что поведение акторов детерминировано начальными условиями и распадается на *стратегии* (сознательно принимаемые целенаправленные последовательности действий) и *практики* (однотипные рутинные действия).

[5] *Мельвиль [Melv'il'] 2011.*

Значения макропоказателей, как правило, не детерминируют поведение актора. Каждый актор живет и действует в своей нише — совокупности воспринимаемых и объективных условий. Назовем их *нишевыми условиями стратегий и практик*. В зависимости от масштаба актора (индивид, семья, организация, политическая партия, правящая группа в стране) нишевые условия относятся к разным социальным масштабам: от микро- и нижнего мезо- до макро- и мега-. Так или

иначе, они не совпадают с макропоказателями (кроме тех случаев, когда правящие группы действительно строят свои стратегии на основе известных им макропоказателей, прежде всего экономических и демографических). Каким же образом нишевые условия соотносятся с макропоказателями?

В объяснениях социальной и исторической динамики полезны и релевантны только те макропоказатели, в которых как-то представлены факторы, значимые для поведения акторов, и/или результаты этого поведения. Но эти факторы, по определению, присутствуют и в нишевых условиях. Иными словами, макропоказатели суть либо агрегаты (усредненные, типовые обобщения) отдельных элементов нишевых условий (плотность и качество дорог в стране, уровень развития образования, уровень защиты прав граждан, уровень защиты собственности), либо агрегаты результатов поведения, событий (ВВП, рождаемость, смертность), преобразования последних (рост ВВП, прирост населения, скорость прироста и т.д.).

Итак, между динамикой взаимодействий и макроусловиями имеется промежуточный, скрытый пока элемент — нишевые условия. Сами макропоказатели не обусловливают социальные изменения, в этом отношении классический расчет корреляций внутренне ущербен. Макропоказатели могут только служить диагностическими признаками значимых нишевых условий тех стратегий и практик, констелляция которых ведет к объясняемым социальным явлениям.

Узловой элемент наших рассуждений — нишевые условия — можно концептуализировать по-разному. Поскольку речь идет об условиях стратегий и практик, то естественно учитывать главные классы условий: ресурсы и их доступность, ограничения и препятствия, угрозы и возможности.

Особую роль играют внутренние ментальные (субъективные) условия, включающие когнитивные схемы (картины мира), базовые интересы и набор вариантов поведения, с каждым из которых связаны свои и чужие успешные или провальные истории («опыт»). Объяснение конкретного поведения только через ментальные состояния актора — негодный прием, поскольку представляет собой не более чем интерпретацию *ad hoc,* обычно непроверяемую. Однако пуристское выбрасывание всех ментальных элементов из научных объяснений — другая крайность, тоже непродуктивная. Вполне можно получать объективные сведения о субъективном: о типовых картинах мира, базовых интересах и арсенале действий социальных групп. Эти ментальные условия вкупе с материальными и социальными (объективными) уже образуют неплохую основу для объяснения поведения.

Если согласиться с центральной ролью скрытых нишевых условий в соединении статистических данных по макропоказателям (*«structure»*) с динамикой взаимодействия акторов (*«agency»*), то каков должен быть методологический подход к исследованию?

Допустим, нас интересует объяснение крупных социальных явлений (революций, войн, трансформаций режимов, расцветов и распадов), а также поведения акторов, констелляция стратегий и практик которых приводит к этим явлениям. Начинать следует с объяснения уже случившихся явлений, ставших достоянием истории. В задачах такого рода есть ряд известных и ряд неизвестных. Известными будем считать данные по макропоказателям, историю взаимодействия основных акторов (обмен «ходами», создание и распад коалиций, основные стратегии и их результаты), а также итоговые объясняемые явления.

Идиографический подход здесь выступает как «исторический» и «качественный»: явление объясняется как следствие предшествующих событий и действий акторов. Такое объяснение бывает убедительным, вполне достаточным для историков традиционного склада, но сохраняет все известные недостатки объяснения *ad hoc*: прежде всего, оно никак не помогает в объяснении других явлений, разве что по аналогии, а последние слишком часто вводят в заблуждение.

Номотетический подход здесь выступает как «количественный», статистический: данные по множеству макропоказателей сопоставляются с качествами итогового явления (например, произойдет или нет социально-политический кризис, каковы будут уровни демократичности, устойчивости получившегося в результате революции и/или реформ режима). На этом пути были получены многие любопытные и нетривиальные результаты[6]. Но все они имеют только вероятностный характер, корреляции чаще всего слабые, а там, где сильные, речь идет обычно только о росте социальной напряженности и самых общих рисках.

[6] *Goldstone et al. 2010.*

Предлагаемый подход, который условно назовем *интегративным*, включает в игру несколько новых элементов, в центре которых — динамика взаимодействий основных акторов, стратегии и практики которых определяются меняющимися нишевыми условиями и логикой ответных ходов. Рассмотрим три группы моделей, соответствующие стадиям перехода от стабильности к нестабильности и к новой стабильности, иными словами, от назревания кризиса — к его протеканию и преодолению.

Модели назревания кризиса включают известные закономерности изменения, достижения критических значений макропоказателей (младенческая смертность, «молодежный бугор», социальное неравенство, уровень безработицы в столице и крупных городах, фракционизм как взаимное отчуждение политических сил, опасность на границах, геополитическое напряжение и др.). Кризис отнюдь не всегда начинается при достижении пороговых величин показателями такого рода.

Вместо того чтобы искать новые макропоказатели, следует обратиться к моделям поведения тех групп, от которых прежде всего зависит наступление или ненаступление кризиса. Таковыми всегда являются группы со значимыми ресурсами (от административных, финансовых и силовых до социальных — способности мобилизовать большие

массы на протест). Практики этих групп, обеспечивающие приемлемый для них уровень комфорта (в широком смысле, включающем безопасность, достоинство, следование принципам и ценностям), осуществляются в нишевых условиях, а неблагоприятное изменение этих нишевых условий связано с теми макропоказателями, которые определены эмпирически как кризисогенные. Разумеется, чувствительность групп к неблагоприятным изменениям условий их жизни и практик неодинакова. Нишевые условия во многом заданы сохраняющимися институтами, определяющими типовые стратегии и практики, ограничения, доступ к ресурсам и т.д. Концептуальное содержание соответствующих моделей, относящихся к *agency*, рассмотрим позже.

Модели динамики взаимодействий в период кризиса, нестабильности слабее всего разработаны, поскольку слишком многое зависит от складывающихся обстоятельств и меняющегося под их влиянием поведения акторов. Эти обстоятельства представляют собой те же нишевые условия, но только частично или полностью освобожденные от институциональных рамок и претерпевающие быстрые изменения в зависимости от поведения акторов.

Перспективным представляется средний путь между частными историческими описаниями и формальными игровыми моделями. От характера акторов, их коалиций и выбранных стратегий зависит тип динамики (русло, сценарий), а каждому типу динамики присущи свои правила. Здесь трудности объяснения следует преодолевать через переключение между моделями разного масштаба и учет разных полей взаимодействия. В качестве примера приведу перечни условий, при которых конфликтная динамика уличного противостояния входит в одно из трех русел (перечни были использованы при попытке предсказать в январе 2014 г. дальнейшее развертывание кризиса на Майдане).

«Конфликтная динамика идет по 1-му руслу *эскалации взаимной агрессии и насилия* при условиях:

1.1) провалы многих попыток договоров и компромиссов;

1.2) унижение словами или действиями, откровенная жестокость с одной или с обеих сторон, когда жажда мести за убитых товарищей захлестывает остальные соображения, особенно при слабой дисциплине;

1.3) наличие ресурсов для агрессивных действий (захваты площадей, улиц и зданий и их „зачистка“, правовые основания и оперативные силы для арестов, спецсредства для рассеивания протестующих, самодельные средства для возведения и защиты баррикад, для противостояния силам режима, различные типы оружия, в том числе огнестрельного);

1.4) надежды той или иной стороны на свое преимущество и скорую победу (запланированное насилие);

1.5) когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становится невыносимой, и в какой-то момент на каждое действие другая сторона отвечает более агрессивным действием, что включает круг

положительной обратной связи (никем не запланированная эскалация взаимного насилия).

Конфликтная динамика идет по 2-му руслу *договоров, компромиссов и перехода к мирной конкуренции* (символическое, электоральное, институциональное поля взаимодействия) при следующих условиях:

2.1) переговоры ведут хотя бы к небольшим успехам для каждой стороны, что дает перспективу и настрой на продолжение этой линии поведения;

2.2) накал страстей не достиг уровня, когда жажда мести затмевает остальное, либо долгое перемирие (2—3 недели и более) снижает гнев и агрессивные чувства сторон;

2.3) продолжение агрессивных действий для обеих сторон представляется бесперспективным и/или крайне опасным как для себя, так и для значимых ценностей (риски раскола страны, гражданской войны и пр.);

2.4) истощены ресурсы для агрессивных стратегий, насилия с обеих сторон;

2.5) зависимость каждой стороны от внешних сил, не заинтересованных в эскалации насилия, блокирует агрессивные действия сторон;

2.6) обе стороны достаточно дисциплинированы для того, чтобы выполнять условия соглашений.

Конфликтная динамика *неустойчива, агрессия сменяется перемириями и вновь возобновляется, но без большой эскалации*, когда нет выраженных условий 1.1—5 для эскалации и условий 2.1—6 для угасания насилия, вместо этого:

3.1) в переговорах что-то достигается, но надежного и поступательного улучшения положения нет, поэтому переговоры разочаровывают и на время прекращаются;

3.2) при возобновлении агрессии новые жертвы насилия ощутимо роняют репутацию нападающей стороны (делегитимируют ее), что ограничивает обоюдное насилие;

3.3) ресурсы агрессивных стратегий не полностью истощены (проводится некое пополнение и замена уставших, выбывших), однако ни у одной из сторон нет большого резерва, возможностей быстро нарастить силы для борьбы;

3.4) организованность и дисциплина обеих сторон достаточны для продолжения противостояния и стычек, но недостаточны для надежного выполнения мирных договоренностей;

3.5) нет надежд акторов на скорую победу, но нет и удовлетворительных перспектив замирения, поскольку остается ситуация „загнанности в угол“ у обеих сторон, когда каждая опасается наказаний за свои прошлые насильственные действия»[7].

[7] *Розов [Rozov] 2014.*

Модели разрешения кризиса и утверждения новой стабильности относятся к периоду, когда некая коалиция начинает уверенно

доминировать, устанавливает свои правила и институты. Соответственно, нишевые условия акторов стабилизируются. Вместе с тем взаимодействие, в том числе конфликтное и конкурентное, продолжается, результатом чего становится формирование институтов и консолидация соответствующих групп, их отношений как основа новой стабильности.

Поля взаимодействия и смещения движущих причин

Как говорилось выше, многофакторность социальных процессов и преодоление «центризмов» стали уже общим местом в продвинутых исследовательских центрах и программах. Нередко также признается, что в разные исторические периоды более действенными оказываются различные типы причин: демографические, политические, военные, экономические, религиозные, этнические и т.д. В то же время утрата твердой онтологической основы, которую давал каждый из «центризмов» (например, экономоцентризм в стиле К.Маркса), приводит к такому росту неопределенности, с которым исследователи далеко не всегда успешно справляются.

В качестве структурирующего эту сложность аналитического орудия предлагаю схему *полей взаимодействия*. Состав полей может меняться от общества к обществу, от эпохи к эпохе, но при исследовании социально-политических процессов всегда полезно выделять следующие:

— *институциональное поле* (взаимодействие по установленным, часто писаным правилам, прежде всего административным и правовым);
— *электоральное поле* (предвыборная борьба, выборы и последующие перераспределения должностей в обществах с реальным или декларируемым демократическим государственным устройством);
— *символическое поле* (идейная борьба, пропаганда, продвижение лозунгов, идей, ценностей, религий и идеологий, информирование и информационные войны);
— *поле организационной работы и мобилизации* (создание и расширение групп, иерархий, сетей, способных к скоординированным действиям);
— *поле политического торга и образования коалиций* (переговоры, как правило — скрытые, относительно бартерного обмена поддержкой, доступом, услугами и пр.);
— *экономическое поле* (переговоры, сделки, сотрудничество в сферах финансирования, материальных ресурсов, благ, товаров и услуг);
— *силовое поле* (прямое физическое противостояние между индивидами и группами с применением или угрозой применения насилия), включает организованное насилие, контроль над насилием (поддержание порядка и безопасности); силовое поле превращается в *поле войны*, когда запреты на насилие практически сняты и обе стороны используют доступное им оружие с целью уничтожения противника;

— *поле уличной политики* (протестные демонстрации, шествия, митинги, пикеты, а также массовые действия в поддержку властей, марши и парады, демонстрирующие силу режима).

В определенный период некоторые поля могут быть незадействованными (нет выборов, нет уличной политики) или стабильными (когда в институциональном, силовом полях все идет по заведенному порядку). В политически напряженные периоды, особенно во времена кризисов и острых конфликтов, на большинстве полей идет напряженное взаимодействие. Центр общественного внимания и приложения политических сил может перемещаться от поля к полю (например, от фальсификаций на выборах — к уличной политике, от уличной политики — к силовому противостоянию, от силового противостояния — к политическому торгу и созданию коалиций, или к войне, или обратно к электоральному полю).

Предполагается, что у каждого поля имеется своя логика выигрыша и проигрыша, а также есть логика перехода основной активности от поля к полю: так, проигрыш актора на одном поле обычно ведет к тому, что он пытается «отыграться» на другом, где обладает (считает, что обладает) превосходящими ресурсами. Кроме того, выигрыш на одном поле (например, символическом) обычно ведет к росту ресурсов на других полях (легче рекрутировать новых участников, создавать коалиции, получать финансирование).

Методологию исследования взаимодействий на этих полях еще предстоит разработать. Пока ясно только, что потребуются как минимум три типа моделей:

— *игровые модели с правилами выигрышей и проигрышей* участников взаимодействия на каждом из полей в зависимости от нишевых условий, ресурсов и выбираемых стратегий;
— *модели влияния* этих выигрышей и проигрышей актора на одном поле на его условия и ресурсы на других полях;
— *модели закономерностей перехода от поля к полю* основной активности актора в зависимости от его прошлых результатов, собственных ресурсов и представлений о ресурсах противников.

Как правило, основные акторы одновременно играют на нескольких «досках» — предпринимают ходы и реализуют стратегии сразу на нескольких полях, а выигрыши и проигрыши на одних полях более или менее закономерно влияют на прирост или потерю ресурсов на других (скажем, более популярным и сильным акторам с большей готовностью начинают давать деньги). Самое трудное, но и самое важное в объяснении и понимании кризисной, конфликтной динамики — это переломные моменты, когда на одном поле (обычно силовом или на поле политического торга) происходят события, «опрокидывающие доску с фигурами», после чего начинаются быстрые драматические изменения в силе и ресурсах акторов на всех остальных полях.

Как совместить гемпелевскую жесткость объяснения с гибкостью переключения моделей и масштабов

Гемпелевская схема универсальных (охватывающих) законов, пожалуй, является чемпионом по остроте и массированности критики в ее адрес. Хуже того: хотя за прошедшие десятилетия и были примеры успешных объяснений и даже предсказаний на ее основе[8], надежных методов, позволяющих широко и уверенно использовать эту логику, так и не создано. В чем же причина?

Радикальная критика самой идеи гемпелевского объяснения с позиций аналитической философии истории, идиографии, нарративизма, постмодернизма и т.д. непродуктивна. Дело не в том, что в социальном бытии и истории вообще нет общих закономерностей, позволяющих выводить объяснения и предсказания по Гемпелю, а в специфике этих закономерностей, их сложной взаимосвязи с процессами становления, феноменами субъективного выбора, социальными механизмами. На это накладывается дополнительная сложность, связанная с участием процессов разных социальных масштабов и из разных полей взаимодействия.

Не случайно в своей классической статье «Функция общих законов в истории»[9] сам Гемпель в качестве «исторического примера» приводит случай разрушения радиатора автомобиля, простоявшего ночь на морозе. Здесь физический закон расширения замерзающей воды является действительно универсальным и к тому же единственным, который нужно учитывать в данной ситуации. В социальной же реальности добавляются как минимум следующие усложняющие моменты:

- одновременно может действовать множество закономерностей, какие-то из них могут быть заблокированными («спящими»), другие — усиливать друг друга, третьи — ослаблять или изменять влияние;
- сущности разных «миров» (материальные объекты, психические реалии, культурные образцы, социальные отношения и структуры) подчиняются разным закономерностям, но при этом тесно между собой связаны;
- долговременные закономерности охватывающих временны́х (влияние прошлых ситуаций) и социальных (влияние ситуаций в других местах) масштабов могут существенно трансформировать действие локальных факторов данной ситуации;
- случайные явления складывания, встреч нередко приводят к замыканию сетей, началу сборки новых социальных структур, которые кардинальным образом меняют состав действующих закономерностей;
- если групповые и массовые характеристики поведения как-то поддаются моделированию, то в периоды кризисов и бифуркаций резко повышается значение индивидуального выбора отдельных лиц, решения и действия которых ведут к переломным событиям, нарушающим действие прошлых закономерностей и включающим новые.

В результате сопоставления политического анализа и прогноза развития кризисной ситуации в Киеве вокруг Майдана (январь 2014 г.)

[8] Наиболее впечатляющее из них — предсказание Р.Коллинзом распада Варшавского блока и СССР в 1980—1986 гг., выполненное в строгом соответствии с каноном К.Гемпеля на основе сопоставления общей геополитической теории с начальными данными по обеим тогдашним сверхдержавам (Коллинз [Collins] 2000; Розов [Rozov] 2002).

[9] Гемпель [Hempel] 1998.

с реальным разрешением кризиса (конец февраля) были сделаны более конкретные выводы об ограниченности возможностей предсказания.

Во-первых, совпадение и очередность событий не поддаются прогнозированию, тем более в период острого кризиса, когда счет идет на часы, если не на минуты. Успеет или нет подойти подкрепление? Станет ли известна участникам стычек важная информация о положении дел вовне? Сумеют ли внешние акторы вовремя донести свои угрозы до лидеров сторон, а те — до своих силовых структур? Все это a priori предвидеть невозможно.

Во-вторых, многие характеристики участников, их действий и взаимодействий существенно меняются в ходе силового противостояния. Как они будут меняться, не знают точно даже сами участники. Это относится прежде всего к уровню боевой решимости, готовности убивать и идти на смерть. Серия наблюдений за поведением бойцов в прошлых стычках дала бы полезную информацию.

В-третьих, скорость и интенсивность процессов перемены власти определяются тем, когда и какие именно круги положительной обратной связи сложатся из серий событий, каждая из которых недостаточна, но вместе дают качественный, структурный эффект.

Итак, кризисные и конфликтные процессы хуже всего поддаются теоретическому объяснению, не говоря уже о предсказании. Вместе с тем начавшаяся эпоха глобальной турбулентности, когда кризисы, революции, локальные войны становятся более частыми и все более близкими к цивилизационным центрам, привыкшим уже к стабильности, повышает спрос на научное, модельное освоение этой тревожной реальности, а значит, будут все более активно разрабатываться методологические подходы. Сейчас можно судить только об их вероятных или ожидаемых свойствах.

1. Вместо привычных крайностей — либо полный отказ от строгих моделей, теоретических объяснений, попыток предсказаний, либо надежды на изобретение некоей «панацеи», дающей возможность предсказывать кризисную динамику, — будут развиваться *компромиссные подходы*, достаточно гибкие, многовариантные, с упором на мониторинг, экспертные оценки и анализ наиболее вероятных из спектра сценариев, но при этом достаточно жесткие, позволяющие отсекать исключенные в сложившихся условиях альтернативы, объяснять и предсказывать хотя бы рамки возможных явлений на каждом временно́м отрезке.
2. Станет бурно развиваться не только совместное применение, но и *прямое совмещение количественных и качественных методов* — от сбора статистических данных, выявления корреляций, факторного анализа до включенных наблюдений, анализа личных блогов и переписки, проведения углубленных интервью. Такой синтез предполагает создание моделей и приемов работы с ними, в рамках которых качественные результаты используются вместе с количественными данными. Это подразумевает непременное

шкалирование первых и кластеризацию вторых. Грубый, но эффективный подход на начальных стадиях исследования — бинаризация, которая годится и для качественных, и для количественных данных и к тому же позволяет использовать классические методы анализа причинных связей Бэкона—Милля и аппарат Булевой алгебры[10].

3. Как обычно, при столкновении с трудными и долго не решавшимися проблемами будет идти «нащупывание» через попытки применения широкого спектра классических и новых исследовательских подходов. Самые успешные, причем именно в предсказании (объяснять прошлое уже давно все умеют), будут подхватываться и развиваться ускоренными темпами. Моя гипотеза: таковыми станут подходы с гибким переключением масштабов, учетом процессов на нескольких полях взаимодействия, совмещением качественных и количественных методов, строгой гемпелевской логики и вероятностного анализа альтернатив при развилках.

Далее последуют соображения относительно онтологических и концептуальных основ таких ожидаемых подходов.

[10] *См. Розов [Rozov] (ред.) 2001; Розов [Rozov] 2009.*

Системный язык — каркас концептуального синтеза

Переключение между моделями, совместное использование моделей предполагают общую онтологию и язык описания. Наиболее естественное решение — воспользоваться надпредметным, системным языком. Ему соответствует и системная онтология, в которой имеют место процессы с входами, выходами, обратными связями[11], а также механизмы, фазы и переходы, переменные и связи, тренд-структуры, тенденции и циклы, русла и кризисы, воронки и развилки[12]. Некоторые системные схемы связывают эту абстрактную онтологию с социальной онтологией и языком общей социологии.

Следует обратить внимание на недооцененную схему А.Стинчкомба, которая не только описывает главные функционалистские связи, но и может быть использована при объяснении кризисов, реформ и глубоких структурных трансформаций обществ в истории. Суть модели состоит в следующем (см. *рис. 1*).

Некая структура или повторяющая деятельность S (например, социальный институт, практика, ритуал или традиция) выбирается и используется сообществом, что поддерживает на приемлемом уровне гомеостатическую переменную H (например, безопасность, порядок, достаточность ресурсов, лояльность, солидарность и т.д.), испытывающую разрушительные внешние или внутренние воздействия (напряжение) T.

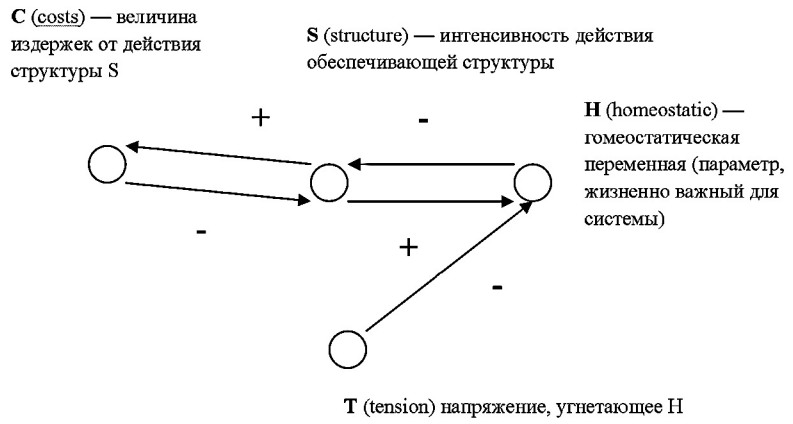
Действие структуры S тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной H (негативная связь). Сама же структура S своим действием восстанавливает, усиливает H (положительная связь), тем самым нейтрализуя угнетающее действие напряжения T.

Само действие структуры S «не бесплатно» и сопровождается издержками C, которые растут по мере роста интенсивности S (положи-

[11] *Оптнер [Optner] 1969.*

[12] *Розов [Rozov] 2011.*

Рисунок 1 Тренд-граф функциональной причинности



Источники: Stinchcombe A.L. 1987. *Constructing Social Theories.* — Chicago, L.; Розов Н.С. (ред.) 2001. *Разработка и апробация метода теоретической истории. Вып. 1.* — Новосибирск; Розов Н.С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы.* — Новосибирск.

тельная связь), причем рост издержек C естественным образом угнетает интенсивность структуры S (негативная связь).

Модель допускает множественные направления усложнения и развертывания: приписывание коэффициентов связям, умножение переменных, особенно альтернативных, обеспечивающих структур и т.д. Обеспечивающие структуры S — это не что иное, как социальные институты, прочие комплексы правил и практик, нужные в данном обществе, то есть поддерживающие на должном уровне те или иные гомеостатические переменные H.

Системная концептуализация социальных кризисов и трансформаций

Все без исключения кризисы можно описать через критическое падение значений гомеостатических переменных H, когда имеющиеся обеспечивающие структуры S уже не способны их поддерживать. Кризисы разрешаются через появление новых обеспечивающих структур (институтов и практик) S_1, а при наиболее глубоких трансформациях происходит также обновление основных гомеостатических переменных, типов напряжений T и издержек C.

Гомеостатические переменные могут пересекаться с макропоказателями (например, темпы экономического роста), но составы их различны. При этом они принадлежат одной онтологии, одному языку и вполне могут быть сопоставлены между собой.

Главными же звеньями схемы, соединяющими численные показатели (*structure*) с поведением акторов (*agency*), являются остальные ее элементы: обеспечивающие структуры S, издержки C и напряжения T.

Практики и стратегии, направленные на сотрудничество, обмены и конкуренцию по правилам (без подавления соперников), обычно реализуют обеспечивающие структуры S (институты).

Издержки C следует понимать шире, чем финансовые потери от участия в структурах S. Недовольство, дискомфорт, угрозы, тревоги, связанные с этим участием, также увеличивают издержки, а могут и приводить к росту напряжений T.

К конфликтам и социально-политическим кризисам приводят чрезмерно большие издержки C, напряжения T и соответствующее падение гомеостатических переменных H (таких, как достоинство, легитимность, доступ к ресурсам, послушность силового аппарата, внешняя безопасность, сохранность собственности и пр.), непереносимое для влиятельных социальных групп. Само конфликтное поведение обычно еще больше увеличивает издержки C, напряжения T и обрушивает гомеостатические переменные H. В то же время логика конфликта ведет к созданию коалиций, росту солидарности внутри каждой конфликтующей стороны (закон Зиммеля); здесь же появляются ростки новых обеспечивающих структур (институтов) S.

Иерархии, рынки и сети

Менее очевидна связь с данной функциональной схемой социальных структур, пронизывающих разные масштабы: *иерархий* (государственных, имущественных, сословных, образовательных), *рынков* (экономических, брачных, символических) и *сетей* (с узлами, кружками, центрами, периферией). Отмечу, что все эти структуры обладают устойчивостью, хотя могут и разрушаться. Резонно предположить наличие ответственных за это гомеостатических переменных H и обеспечивающих структур S.

Для *иерархий* переменные H связаны с лояльностью, готовностью участников подчинять и подчиняться, способами S поддержания этой лояльности.

Для *рынков* важнейшими являются правила обменов, уверенность участников в их действенности, институты S поддержания этих правил и наказания нарушителей.

Сети держатся на заинтересованности участников в сохранении взаимных контактов (то есть в пребывании внутри сети). Интерес этот, в свою очередь, зависит от особой гомеостатической переменной H, суть которой в том, что выигрыш от членства в сети превосходит издержки, связанные с таким членством. Вероятно, каждая устойчивая сеть обладает некими структурами S, обеспечивающими этот выигрыш — например, через механизмы порождения и распространения значимых символов, информации, способов осмысления происходящего, возможностей поддерживать или улучшать свои социальные позиции.

Если разрушение и создание иерархий — значимая и очевидная часть содержания политических кризисов и революций, то релевантность рынков и сетей требует пояснения. Развитие экономических рынков является ключевым движителем изменения позиций различных классов и сословий, а значит, и фактором дискомфорта, вызовов, кризисов и конфликтов. Разрешение глубоких кризисов всегда меняет базовые структуры собственности и правила обмена, а тем самым — и сами рынки, тенденции их дальнейшего развития[13]. Политические и символические рынки (по сути дела, сферы бартерных сделок между акторами) — важнейший компонент кризисной и конфликтной динамики, формирования коалиций.

[13] *Collins 1999.*

Сети важны прежде всего как каналы коммуникации, способы формирования новых групп и сообществ (контрэлиты, фронды, протестных движений, ополчения). Исключительную, даже фатальную роль иногда играют встречи и сотрудничество индивидов из разных сетей (политической, силовой, финансовой, религиозной или идеологической), что означает *пересечение сетей* и образование синергии — новых коалиций, практик и институтов, способных к глубокой трансформации и даже разрушению окружающих структур. Наиболее ярко данная способность проявляется в случаях успешных революций, взрывающих прежний режим и ведущих к появлению нового.

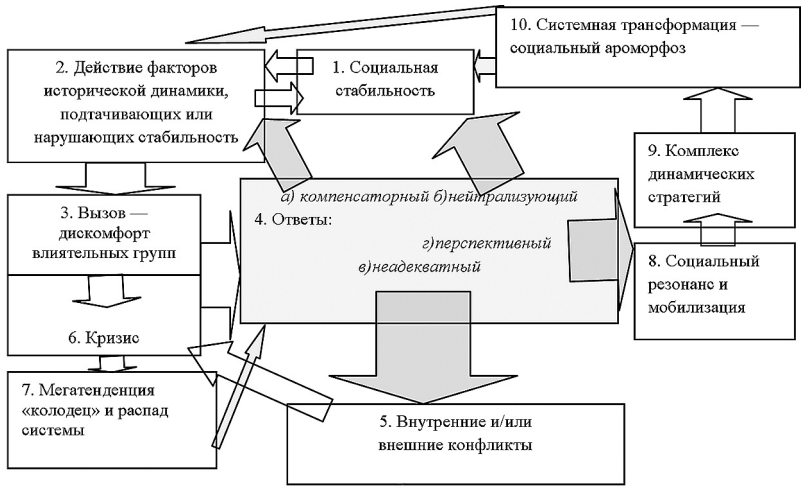
Универсальная модель исторической динамики

Макропоказатели новой стабильности можно и всегда полезно сопоставлять с макропоказателями прежней стабильности. Тогда периоды кризисов и конфликтов предстают как переходы между эпохами. Здесь мы приходим к фазовым моделям, имеющим множество вариаций, которые обычно обозначаются через термины-метафоры: цикл (круг), ступени (стадии развития), русло (эффект прошлой траектории, колея), развилка (бифуркация), слияние (воронка), параллельная эволюция и др.

Универсальная модель исторической динамики (см. *рис. 2*) предназначена для осмысления периодов явного нарушения стабильности, кризисов и конфликтов, ведущих либо к пошаговым эволюционным изменениям (контур фаз 1-2-3-4-1), либо к разрушению, перерождению (контур фаз 3-4-5-6-4...7), либо к многостороннему расцвету, системной трансформации, эволюционному скачку (контур фаз 2-3-4-8-9-10-1...2).

Кроме того, модель связывает между собой основные темы и концепции макросоциологии. Она является не только общей рамкой, но также удобным и компактным способом сопряжения весьма обширного (и открытого для дальнейшего расширения) круга уже существующих более частных моделей и теорий. За каждым блоком (фазой) модели и за некоторыми переходами стоит свой набор моделей. Приведу краткий, далеко не полный их перечень с указанием лишь самых известных, классических концепций.

Рисунок 2 Универсальная модель исторической динамики



Источник: Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. — М.

Фаза 1 («Социальная стабильность»): хозяйственные уклады, способы производства и формации по К.Марксу; социальные системы, структуры и функции по Б.Малиновскому и Т.Парсонсу; политические, социальные режимы как совокупности воспроизводящихся структур и рутинных процессов по Й.Гудсблому и Ф.Спиру[14]; функционирование социальных и политических институтов в различных версиях неоинституционализма[15]; представления об «обыкновенных состояниях»[16].

Фазы 2 («Действие факторов исторической динамики»), *3* («Вызов — дискомфорт влиятельных групп») и *6* («Кризис»): концепция вызовов А.Тойнби[17]; модели перенаселенности и депопуляции как кризисогенных факторов в исторической демографии[18]; всевозможные модели экономических циклов, кризисов и роста социальной напряженности[19]; модели социоестественной истории и экологических кризисов[20]; макроистория болезней и окружающей среды[21]; геополитика и политический реализм в теории международных отношений[22].

Фаза 4 («Ответы»): типология «ответов» по А.Тойнби; широкий спектр моделей рационального выбора; концепция QWERTY (предопределенность выбора пути прежней траекторией — модель «колеи»[23]); синергетические концепции бифуркации; концепции культурной и цивилизационной дивергенции[24].

Фазы 5 («Конфликты») и *7* («Мегатенденция „колодец“ и распад системы»): концепции социальных конфликтов[25]; модели крушения

[14] Goudsblom, Jones, Mennell 1996; Spier 1996.

[15] Холл [Hall] 2006.

[16] Левада [Levada] 2006: 364—379.

[17] Тойнби [Toynbee] 1991.

[18] Goldstone 1991; Нефедов [Nefedov] 2005; Турчин [Turchin] 2007.

[19] Шумпетер [Schumpeter] 1995 и др.

[20] Carneiro 1970; Кульпин [Kul'pin] 1992.

[21] McNeill 1979; Crosby 1986.

[22] Ильин [Ilyin] 1997.

[23] Цирель [Cirel'] 2005.

[24] Даймонд [Diamond] 2010.

[25] Boulding 1962.

империй[26]; теории революции и государственного распада (К.Маркс, В.Ленин, Л.Троцкий, Б.Мур[27], Т.Скочпол[28], Дж.Голдстоун[29], Ч.Тилли[30]); представления о «возбужденных состояниях»[31].

Фазы 8 («Социальный резонанс и мобилизация») и *9* («Комплекс динамических стратегий»): концепции солидарности (Э.Дюркгейм), харизмы и легитимности (М.Вебер), эмоциональной энергии и интерактивных ритуалов (Р.Коллинз); модели групповой и массовой мобилизации (Ч.Тилли); концепции реформ и модернизации; теория динамических стратегий (Г.Снукс)[32].

Фаза 10 («Системная трансформация — социальный ароморфоз»): концепции смены формаций (К.Маркс), социальной эволюции[33], модернизации и перехода к постиндустриальному обществу[34], демократического транзита[35].

[26] *Kennedy 1987; Tainter 1988; Коллинз [Collins] 2000; Турчин [Turchin] 2007; Даймонд [Diamond] 2008.*

[27] *Moore 1966.*

[28] *Skocpol 1979.*

[29] *Goldstone 1991.*

[30] *Tilly 2003.*

[31] *Левада [Levada] 2006: 364—379.*

Тройственная модель поведения как общий знаменатель

Все системные конструкции рискуют повиснуть в воздухе, если нет такой основы, как общее представление о человеке, его психике и поведении. Обилие разнородных психологических, социологических, антропологических концепций может привести в смущение. Сформулирую требования, которым должна отвечать общая модель человеческого поведения, чтобы ее можно было эффективно использовать в исследованиях исторической динамики с заявленной выше методологией:

- универсализм относительно культур, обществ, эпох;
- возможность учитывать обширное разнообразие в движителях, характере и направленности поведения;
- применимость к индивидуальному, групповому и массовому поведению;
- учет социальной обусловленности психики и поведения индивидов; учет как охватывающей причинности для групп и обществ (извне — вовнутрь), так и причинности со стороны лидеров, элит (изнутри — вовне);
- конструктивность как оперирование в рамках строгой системы понятий и возможность применения причинной логики, выдвижения и эмпирической проверки гипотез.

Этим требованиям отвечает соединение следующих трех известных концепций:

- *теории интерактивных ритуалов* Дюркгейма — Уэллера — Гофмана — Коллинза[36];
- *модели габитуса* (П.Бурдье) как комплекса установок (Ф.Томас и У.Знанецкий, Дж.Мид, Дм.Узнадзе): когнитивных (фреймы), ценностных (символы, святыни), экзистенциальных (идентичности) и поведенческих (стереотипы практик и стратегий); при этом такие понятия, как «национальный, этнический менталитет», «национальный характер», определяются через разнообразия габитусов[37];
- *теории оперантного обусловливания* Ф.Скиннера, позволяющей объяснять и предсказывать последующие поведенческие акты

[32] *Коллинз [Collins] 2002; Collins 2004; Snooks 1996.*

[33] *Carneiro 1970; Sanderson 1990.*

[34] *Белл [Bell] 1999.*

[35] *Растоу [Rastow] 1996; Пшеворский [Przeworski] 2000.*

[36] *Коллинз [Collins] 2002; Collins 2004; Розов [Rozov] 2011.*

[37] *Розов [Rozov] 2011.*

(реакции, выборы, решения, действия, стратегии) на основе положительного или отрицательного подкрепления таких же или противоположных прошлых актов в субъективно сходных обстоятельствах[38].

[38] *Скиннер [Skinner] 1986; Розов [Rozov] 2011.*

Здесь нет возможности описывать в деталях каждую концепцию, поэтому покажу только главные понятийные связки между ними. *Установки* индивидов и групп, управляющие их поведением, формируются в эмоционально значимых, впечатляющих *интерактивных ритуалах*. В каждом таком ритуале поддерживаются и укрепляются *социальные связи* и общие *символы* через внушение участникам картины мира (*фреймы*), значимости *священных объектов и ценностей* (стремления, интересы, чувство долга), ощущения своего места, роли, предназначения (*идентичности*), целей и правил должного, социально одобряемого поведения (*стереотипы практик и стратегий*). Успех избранной линии поведения *положительно подкрепляется в особых ритуалах чествования* и ведет к упрочению, расширению тех же стереотипов. Провал приводит к фрустрации (*отрицательному подкреплению*) и тоже переживается в эмоционально насыщенных ритуалах с фиксацией ошибок, определением виновных, причин неудач и т.п., что обусловливает выбор линии поведения в будущих сходных обстоятельствах.

Отмечу, что такие события, как войны, революции, государственные распады, являются сериями весьма эмоционально насыщенных ритуалов (а каждое вооруженное столкновение — естественный ритуал), причем познавательное и ценностное содержание этих ритуалов во многом определяется доминирующим дискурсом символической сферы (проповедей, пропаганды, публицистики); здесь разрушаются прежние и выковываются новые представления о социальном мире и символы, вокруг которых образуются новые связи солидарности с новыми идентичностями и поведенческими стереотипами.

Причинное действие громких «спусковых» событий

Теперь у нас в распоряжении есть достаточно средств, чтобы представить общую эвристическую картину действия причин исторических изменений в контексте разных социальных и временны́х масштабов, полей взаимодействия, соотнесения закономерного и случайного, объективного и субъективного.

Рутинные, повторяющиеся процессы, составляющие стабильность, здесь не считаются изменениями. Соответствующие циклы принадлежат разным временны́м масштабам, от суточных до поколенческих (25—30 лет). Устойчивость режимов обеспечивается как постоянством условий и практик, так и действием функциональных механизмов (по Стинчкомбу), поддерживающих гомеостатические переменные H для каждой социальной целостности (от семьи и рода до города, провинции, страны и международной системы).

Наиболее общими причинами исторических изменений являются взаимосвязанные процессы демографического и экономического

роста, дефицит ресурсов, конфликты и неисправимые сбои, ведущие к кризисам. Любой рост ведет к изменению условий и издержек C, к увеличению напряжений T, в том числе таких, при которых прежние обеспечивающие структуры (институты и практики) S уже не способны поддерживать на должном уровне гомеостатические переменные H — от благополучия и здорового потомства в семье до сохранения мира и стабильности международной системы государств. Накопление подобных дисбалансов и соответствующего дискомфорта для лидеров и влиятельных групп может идти в каждом социальном масштабе, причем напряжения и сбои в разных масштабах обычно усиливают друг друга, а при образовании кругов положительной обратной связи происходят кризисы вплоть до череды революций и мировых войн.

Кроме такого рода диффузных (распространенных по разным масштабам и полям взаимодействия) причин, есть и «плавающие» причины, когда событие (серия событий) в одном социальном масштабе приводит к быстрым, иногда разрушительным изменениям в остальных масштабах. Так, один теракт может привести к мировой войне, а одно самосожжение — к целой серии революций. Очевидно, что такое возможно только при «готовности» социальных целостностей в остальных масштабах — накопленном потенциале дискомфорта, конфликтности и ресурсов для осуществления агрессивных действий.

Остановимся на одной из самых сложных проблем — на концептуальном совмещении динамики переменных (с использованием той же схемы Стинчкомба) и знаковых событий, играющих огромную роль для последующих исторических процессов. Речь идет о так называемых «закономерных случайностях» по Ч.Перроу, когда система настолько напряжена и готова к бурному изменению, что к этому ее может подтолкнуть любое событие некоторого класса, а вот где именно, когда и какое это будет событие — уже принадлежит сфере случайности[39].

[39] *Perrow 1984.*

Раскроем метафору «напряженности и взрыва» вначале в терминах динамики переменных, а затем на основе предложенной объединенной концепции ритуалов, габитусов и оперантного обусловливания.

Готовность системы к «взрыву» (провинции готовы к мятежу, граждане готовы к упорным уличным протестам, элиты готовы к перевороту, государства готовы начать войну) всегда означает высокие напряжения T, вызывающие снижение до критического уровня важных гомеостатических переменных H и соответствующий дискомфорт, высокие издержки от принятых обеспечивающих структур S, разочарование в них и готовность от них отказаться. Далее «спусковое» (обычно случайное) событие ведет к «взрыву». Действия направлены в принципе на восстановление гомеостатических переменных H (уровня благосостояния, справедливости, прав и свобод, государственного престижа), однако в условиях дискредитации прежних обеспечивающих структур мишенью становятся «виновники», а в рамках схемы — некие субъективно представляемые напряжения T_1, которым вменяется вина за ухудшение положения. Здесь приходится схему расширить и ввести

дополнительный тип — *разрушающие структуры D* (destruction). Эти структуры тоже имеют свои издержки C_1 (нарушения общественного порядка, лояльности, легитимности, миролюбия, выполнения договоров и пр.), которые начинают угнетать другие гомеостатические переменные H_1, что и приводит к формированию разрушительных кругов положительной обратной связи — к кризису (революции, государственному распаду, войне).

Как выглядят те же процессы на языке ритуалов, установок и подкреплений? Состояния благополучия и стабильности выражаются не только в успешных практиках, но и в регулярных ритуалах солидарности и лояльности, где соответствующие символы и установки подкрепляются плодами этих успехов (праздники, чествования, награды, пиры и т.п.). Рост напряжения, падение гомеостатических переменных, накопление соответствующего дискомфорта и раздражения выражаются в срыве ритуалов солидарности и лояльности, в скандалах, а также в учащении иного типа ритуалов — с поиском и порицанием виновных, формированием новой солидарности между разделяющими эти обвинительные и агрессивные установки.

«Спусковое» событие (обычно связанное с особо скандальным насилием, убийством, унижением достоинства) приводит к «взрыву» именно по той причине, что тут же становится предметом страстных обсуждений, переживаний. Тогда эмоции, возбужденные в этих ритуалах, приобретают такую силу, что кто-то предпринимает уже явные, известные другим действия против «назначенных виновными». Скорая солидарная поддержка этих действий воодушевляет остальных, оказывается сильнейшим положительным подкреплением коллективных действий, и далее включается модель «снежного кома». При этом растущий мятеж, массовые уличные протесты или массовые патриотические подъемы в начале крупных войн — все они имеют ритуальную природу. Ритуалы здесь уже не камерные (в семье, среди своих), а широкие, иногда — общенациональные.

Социальная онтология как эвристика

Какую роль в будущих исследованиях могут сыграть представленные понятийные конструкции? Будучи весьма общими, они не поддаются эмпирической проверке, то есть не фальсифицируемы (по К.Попперу). Дело в том, что они имеют статус не теоретических, а онтологических утверждений. В других терминах, они относятся к парадигме (по Т.Куну) и к ядру научной исследовательской программы (по И.Лакатосу).

Какую же пользу можно извлечь из построений социальной онтологии для научного объяснения причин исторической динамики кризисов и трансформаций? Онтология представляет собой нечто вроде каркаса связей между сущностями. И связи, и сущности следует рассматривать как переменные, о значениях которых в онтологии сведений нет. Эта неизвестность значений аналогична пустым ячейкам, требую-

щим заполнения. Кроме того, онтология является своего рода набором «линз» — способов осмысления и описания эмпирического материала.

Связкой между «пустыми ячейками» и исследуемой реальностью выступают вопросы. В некотором смысле *онтология — это арсенал понятийных средств, нужный для того, чтобы задавать хорошие вопросы, ответами на которые служат начальные модели, гипотезы, данные их эмпирических проверок и получающиеся в итоге теории*.

Модели и теоретические гипотезы закрепляют связи между сущностями, что дает возможность формулировать и проверять эмпирические гипотезы через специальные выборки исторических случаев[40]. Здесь особую роль обретает операционализация — способы суждения о связях и сущностях через сбор данных по специально сконструированным показателям, диагностическим признакам.

[40] *См. Розов [Rozov] 2009: гл. 6.*

Как в исследованиях закономерностей исторической динамики операционализировать выделенные выше макро-, мезо- и микросущности и констелляции сущностей (вызовы и ответы, напряжения и обеспечивающие структуры, успехи и провалы стратегий, русла, развилки и воронки, ритуалы и установки) — большая и непростая тема, требующая особого рассмотрения.

Библиография

Белл Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество*. — М. [Bell D. 1999. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. — M.].

Гемпель К. 1998. Функция общих законов в истории // Гемпель К.Г. *Логика объяснения*. — М. [Hempel C. 1998. Funkcija obshhikh zakonov v istorii // Hempel C. Logika ob''jasnenija. — M.].

Даймонд Дж. 2008. *Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают*. — М. [Diamond J. 2008. Kollaps: Pochemu odni obshhestva vyzhivajut, a drugie umirajut. — M.].

Ильин М.В. 1997. Глобализация политики и эволюция политических систем // Мельвиль А.Ю., Микешин Н.П. и др. (ред.) *Глобальные социальные и политические перемены в мире: Материалы российско-американского семинара. Москва, 23—24 октября 1996 г.* — М. [Ilyin M.V. 1997. Globalizacija politiki i ehvoljucija politicheskikh sistem // Mel'vil' A.Ju., Mikeshin N.P. i dr. (red.) Global'nye social'nye i politicheskie peremeny v mire: Materialy rossijsko-amerikanskogo seminara. Moskva, 23—24 oktjabrja 1996 g. — M.].

Коллинз Р. 2000. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира*. Вып. 1. — Новосибирск [Collins R. 2000. Predskazanie v makrosociologii: sluchajj Sovetskogo kollapsa // Vremja mira. Vyp. 1. — Novosibirsk].

Коллинз Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. — Новосибирск [Collins R. 2002. Sociologija filosofijj: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija. — Novosibirsk].

Кульпин Э.С. 1992. *Социоестественная история: предмет, метод, концепции*. — М. [Kul'pin Eh.S. 1992. Socioestestvennaja istorija: predmet, metod, koncepcii. — M.].

Левада Ю.А. 2006. *Ищем человека: Социологические очерки, 2000—2005*. — М. [Levada Ju.A. 2006. Ishhem cheloveka: Sociologicheskie ocherki, 2000—2005. — M.].

Мельвиль А.Ю. 2011. Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин*. Вып. 2. — М. [Mel'vil' A.Ju. 2011. Opyt kolichestvennogo i kachestvennogo analiza faktorov demokratizacii // METOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvennykh disciplin. Vyp. 2. — M.].

Нефедов С.А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. — Екатеринбург [Nefedov S.A. 2005. Demograficheski-strukturnyjj analiz social'no-ehkonomicheskojj istorii Rossii. — Ekaterinburg].

Оптнер С.Л. 1969. *Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем*. — М. [Optner S.L. 1969. Sistemnyjj analiz dlja reshenija delovykh i promyshlennykh problem. — M.].

Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. — М. [Przeworski A. 2000. Demokratija i rynok: Politicheskie i ehkonomicheskie reformy v Vostochnojj Evrope i Latinskojj Amerike. — M.].

Растоу Д. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. № 5 [Rastow D. 1996. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskojj modeli // Polis. № 5].

Розов Н.С. (ред.) 2001. *Разработка и апробация метода теоретической истории. Вып. 1*. — Новосибирск [Rozov N.S. (red.) 2001. Razrabotka i aprobacija metoda teoreticheskojj istorii. Vyp. 1. — Novosibirsk].

Розов Н.С. 2002. *Философия и теория истории. Кн. 1: Пролегомены*. — М. [Rozov N.S. 2002. Filosofija i teorija istorii. Kn. 1: Prolegomeny. — M.].

Розов Н.С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. — Новосибирск [Rozov N.S. 2009. Istoricheskaja makrosociologija: Metodologija i metody. — Novosibirsk].

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. — М. [Rozov N.S. 2011. Koleja i pereval: Makrosociologicheskie osnovanija strategijj Rossii v XXI veke. — M.].

Розов Н.С. 2014. Механизмы конфликтной динамики и политическая ситуация в Украине // *Полит.ру*. 20.02 [Rozov N.S. 2014. Mekhanizmy konfliktnojj dinamiki i politicheskaja situacija v Ukraine // Polit.ru. 20.02] (http://polit.ru/article/2014/02/20/ukraine/).

Скиннер Б.Ф. 1986. Оперантное поведение // *История зарубежной психологии*. — М. [Skinner B.F. 1986. Operantnoe povedenie // Istorija zarubezhnojj psikhologii. — M.].

Тойнби А. 1991. *Постижение истории*. — М. [Toynbee A. 1991. Postizhenie istorii. — M.].

Турчин П.В. 2007. *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. — М. [Turchin P.V. 2007. Istoricheskaja dinamika: Na puti k teoreticheskojj istorii. — M.].

Холл П. 2006. Политическая наука и три новых институционализма // *Ойкумена*. Вып. 4. — Харьков [Hall P. 2006. Politicheskaja nauka i tri novykh institucionalizma // Ojjkumena. Vyp. 4. — Khar'kov].

Цирель С.В. 2005. «OWERTY-эффекты», «path dependence» и закон иерархических компенсаций // *Вопросы экономики*. № 8 [Cirel' S.V. 2005. «OWERTY-ehffekty», «path dependence» i zakon ierarkhicheskikh kompensacijj // Voprosy ehkonomiki. № 8].

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М. [Schumpeter J. 1995. Kapitalizm, socializm i demokratija. — M.].

Boulding K. 1962. *Conflict and Defense: A General Theory*. — N.Y.

Carneiro R. 1970. A Theory of the Origin of the State // *Science*. Vol. 169. 21.08.

Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. — Stanford.

Collins R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. — Princeton.

Crosby A.W. 1986. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900*. — Cambridge.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkeley.

Goldstone J. et al. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1.

Goudsblom J., Jones E., Mennell S. 1996. *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. — Armonk, N.Y.

Kennedy P. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. — N.Y.

Mann M. 1987. *The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. — Cambridge.

Mann M. 1993. *The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-states, 1760—1914*. — Cambridge.

McNeill W. 1979. *Plagues and Peoples*. — Harmondsworth.

Moore B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. — Boston.

Perrow Ch. 1984. *Normal Accidents: Living with High-risk Technologies*. — N.Y.

Ragin Ch. 1994. *Constructing Social Research*. — Thousand Oaks.

Sanderson S. 1990. *Social Evolutionism: A Critical History*. — Cambridge.

Skocpol Th. 1979. *States and Social Revolutions*. — N.Y.

Snooks G. 1996. *The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change*. — L., N.Y.

Stinchcombe A.L. 1987. *Constructing Social Theories*. — Chicago, L.

Tainter J. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. — Cambridge, N.Y.

Tilly Ch. 2003. *The Politics of Collective Violence*. — Cambridge, N.Y.

ЭКОНОМИКА ГОСУДАРСТВА, ЭКОНОМИКА РЕГИОНА, ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Двадцатые Губернаторские чтения

Тюмень, 11 февраля 2015 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева, филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, зам. директора Центрального экономико-математического института РАН **Г.Б.Клейнер**.

Ключевые слова: экономика, кризис, конкуренция, кооперация, Тюменская область

Губернатор Тюменской области В.В.Якушев

Уважаемые коллеги! Конечно, двадцатая — уже двадцатая! — встреча в рамках «Губернаторских чтений» должна была оказаться особенной. И она будет особенной. Но прежде всего я хотел бы произнести слова искренней личной благодарности всем тем, благодаря кому этот необычный, не имеющий аналогов в России проект живет и развивается. Это весь персонал Тюменской областной научной библиотеки во главе с Ольгой Борисовной Адамович; это мой советник Владимир Михайлович Горюнов; это большой друг Тюменской области Святослав Игоревич Каспэ; а главное, это все вы, неизменно до отказа заполняющие этот зал. И, конечно, мы признательны лекторам, откликающимся на наши приглашения. Спасибо, Георгий Борисович.

Теперь поясню. Сегодняшний лектор занимает особое место даже в том блестящем интеллектуальном созвездии, которое побывало в Тюмени за эти годы. Ведь «Губернаторские чтения» — они еще и «губернские». В том смысле, что нас здесь, разумеется, в первую очередь интересует региональный разрез, региональное преломление современной повестки дня — и глобальной, и национальной. Не скрою, некоторых лекторов приходилось специально подталкивать к такому развороту разговора. Сегодня — другой случай. Потому что основной научный интерес Георгия Борисовича Клейнера — члена-корреспондента

Российской академии наук, зам. директора Центрального экономико-математического института — лежит именно в этой плоскости. Все мы знаем, что есть микроэкономика и макроэкономика — и студентов, присутствующих здесь, тоже наверняка этому учат. А Георгий Борисович специализируется на изучении *мезоэкономики* — того промежуточного уровня, к которому относятся отрасли, вертикально интегрированные комплексы, сетевые структуры, кластеры, крупные корпорации. И, конечно, регионы. О происходящем на этом уровне говорится довольно редко; и еще реже говорится компетентно. А между тем именно на нем предстоит найти бóльшую часть ответов на те жесткие вызовы, которые стоят перед нами сегодня. Приступим же к поиску этих ответов.

А теперь, как обычно, слово бессменному модератору наших Чтений.

Председатель Редакционного совета журнала «Полития», профессор Высшей школы экономики С.И.Каспэ

К неполному перечню регалий Георгия Борисовича добавлю лишь один факт: в разделе «экономика» Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) его фамилия стоит на скромном первом месте. Уже лет шесть или семь. Sapienti sat.

И еще одно: экономисты бывают разные. И иногда некоторые из них — увы, немногие — говорят неожиданные вещи. Приведу цитату: «...Этическая сторона жизни человека не отделена непроходимой стеной от экономической, вопреки распространенным представлениям. Более того, этика представляется своеобразной средой, в которой и протекает экономическая жизнь человека. Если экономика всеобъемлюща, то этика всепроникающа: первая (экономика) представляет собой своеобразную форму, оболочку, охватывающую практически каждый завершенный проект в сфере человеческой деятельности, в то время как вторая (этика) как воздух заполняет все внутренние пустоты, проникает во все составляющие этой деятельности. Каждый проект как относительно завершенная последовательность действий имеет экономическое выражение, но каждое действие, входящее в него, имеет этическое содержание».

Согласитесь, нечасто нам приходится слышать что-то подобное от экономистов! Это, собственно, фрагмент предисловия Георгия Борисовича к книге Фрэнка Найта «Этика конкуренции». Действительно: всякое экономическое действие имеет этическое измерение, этические последствия. Но и всякое этическое решение имеет экономическую цену. Нынешние трудные времена просто вынуждают нас с особенной остротой воспринимать эту взаимосвязь: сегодня балансировать экономику и этику необходимо особенно бережно, вспомним хотя бы свежий сюжет с отменой электричек — да разве только его...

Я очень надеюсь, что именно такой ракурс проблемы будет затронут самым серьезным образом — не только в лекции, но и в последующей дискуссии.

Г.Б.Клейнер

Мое выступление предварили очень уместной цитатой. Когда я вслушивался в слова, даже подумал: «О, надо взять на заметку и тоже цитировать». Ну а потом вспомнил, кто это написал...

Фрэнк Найт действительно является значимым, но, увы, очень недооцененным экономистом. Он, например, первым показал, что спрашивать предпринимателя, какова цель его бизнеса, все равно что задавать ему вопрос о цели мироздания. Однозначного ответа нет и быть не может!

В названии лекции проблема устойчивости поставлена для всех уровней экономики — государственного, регионального, уровня предприятия... И естественно, что обеспечить ее можно лишь тогда, когда эти уровни функционируют сообща. Это не только главная идея сегодняшнего доклада, но и мое ви́дение будущего экономики России. Причем взаимодействие их должно осуществляться не только в административной, но и в этической сфере.

Всякую дискуссию нужно начинать с базовых позиций; попробую их сейчас определить. Несмотря на то что возможны различные варианты понимания сути государства, и региональные элиты, и предприятия, находящиеся на мезоуровне экономики, как бы в середине хозяйственной пирамиды, должны внимательно следить и за вышележащим, и за нижним уровнями.

Можно воспринимать государство: а) как автаркическую «вещь в себе»; б) как абсолютно открытую систему; в) как систему, развивающуюся изнутри самой себя, но имеющую тесные контакты с внешним миром. Следуя третьей точке зрения, в докладе я сначала рассмотрю наше внешнее окружение, затем внутреннюю структуру системы — ведь именно от качества их гармонизации зависит траектория движения экономики России в мировом пространстве.

Естественно, экономика тесным образом взаимосвязана с государством и обществом. Однако развитие экономической науки продемонстрировало, что экономику важно отличать еще и от бизнеса — это не совпадающие объекты. Получается, что отдельно существуют политическая структура государства, население и различные формы его самоорганизации, затем сфера народного хозяйства — и бизнес как «форма существования экономических систем», перефразируя Энгельса. Непосредственными контрагентами экономики, следовательно, являются социум и бизнес; государство возвышается над ними, поскольку отвечает за безопасность всех субъектов. Мы выбираем руководителей так, как если бы дети могли выбирать родителей — социум делегирует власти ответственность за свое будущее. На экономике, в свою очередь, лежит ответственность за то, чтобы предоставить бизнесу возможность инвестировать капитал в те или иные проекты, обеспечить социум материально, снабдить его рабочими местами. Последняя функция выходит на первый план именно в ситуации кризиса. Бизнес, со своей стороны, платит налоги, необходимые для жизнедеятельности государства, и инвестирует в экономику. Если вся цепочка «государство—экономика—

социум—бизнес» реализует свои функции, структура в целом развивается гармонично и эффективно.

Что такое современный кризис? Мы плывем на «Титанике»? Он столкнулся уже с айсбергом или все еще впереди?

Мы отказались от централизованно регулируемой экономики, поэтому надо смириться с кризисами, свойственными рыночной модели, с их различными формами и с их непредсказуемостью. В 1991—1992 гг. ВВП страны упал практически на 14%, в 1998—2000 гг. — на 5,3%, в 2008—2010 гг. почти на 8%. В следующем году, согласно прогнозам, нас ожидает его падение примерно на 4% Здесь нет никакой драмы: нынешний кризис преодолим настолько, насколько и предыдущие. Впрочем, ясно, что он не последний. Кризисы — неотъемлемая часть реальной жизни как человека, так и государства. «Человеку для счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья», — считал Достоевский. В одни периоды «экономика должна быть экономной», как говорилось при Брежневе, в другие — «расточительной», как писал Бодрийяр. Сейчас правительство склоняется к принципу экономии, пытается отказаться от 10% бюджетных расходов. Позже я выскажу свою точку зрения на этот счет.

В кризис надо жить, преодолевать негативные последствия, двигаться дальше. В докризисном 2013 г. более 50% промышленных предприятий уже находились в нестабильном положении; на подъеме были всего 2% из них. Глядя даже только на эти показатели, можно было предсказать дальнейшее развитие ситуации. Спусковым крючком, конечно, послужила геополитическая обстановка, но глубинная причина — неблагоприятный общий экономический фон страны.

В 2010-х годах темпы роста и российской, и мировой экономики стали падать. Экономическая политика оказалась неадекватной реальному положению дел, а экономическая теория замкнулась на себе и тоже утратила связь с реальностью. Однако лишь их системное единство может обеспечить нормальное, сбалансированное развитие. Есть такой хрестоматийный вопрос: почему Россия не Америка? Разница не только в станках, социальных типах работников, экономических школах (хотя различия действительно есть). По-другому устроены связи между экономической теорией и практикой! И для России их несогласованность серьезнее большинства других проблем! В 1990-е годы отдельные теоретические постулаты буквально «с колес» превращали в законодательные акты, которые, конечно, не работали, — и попытки заставить их работать привели к утрате почти половины национального богатства. Поэтому нужно четко понимать, что воплощение теорий в экономические реалии зачастую происходит не так, как мы ожидаем. И еще реже — так, как нам хотелось бы.

Мой опыт показывает, что, если вначале не согласовать базовые позиции, не получится оказать воздействие ни на одного политика. С этой целью в последние годы я пытаюсь продемонстрировать, что экономика как система, с одной стороны, состоит из четырех упомя-

нутых выше элементов («государство—экономика—социум—бизнес»), а с другой, имеет три смысловых измерения: политическое, научное и хозяйственное.

В кризисный период отношения между элементами экономики как системы должны быть равноправными — с акцентом не на конкуренции, а на сотрудничестве. Экономическую политику России следует строить так, чтобы она обеспечивала равномерное развитие всей территории страны, это императив. Цепочка «государство—регион—предприятие» задает каркас экономики в целом, при наличии в ней разрывов бесполезно думать о каком-либо движении вперед. Вообще, в условиях кризиса надо осторожнее относиться к любым разговорам о «прорывах»: любой военный знает, как нехорошо, когда арьергард значительно отстает от авангарда.

Государство — субъект макроуровня; регионы, отрасли и крупные комплексы — мезоуровень; предприятия, домохозяйства и физические лица относятся к сфере микроэкономики, и о них тоже нельзя забывать. Каждому из перечисленных субъектов в период кризиса требуется обеспечить возможность нормального существования. Охрана жизни населения, международный суверенитет — области безусловной ответственности государства, поэтому должна соблюдаться и стабильность его регионального состава. К сожалению, на фоне демонстративных забот о суверенитете некоторые отрасли экономики просто потеряли свою субъектность. Между тем из истории последних десятилетий ясно, что отраслевая структура играет в нашем развитии ключевую роль.

Прикладная наука, которой сейчас практически нет, по идее и интенции своей призвана связывать фундаментальную теорию и деятельность хозяйствующих субъектов. Раньше было так: в каждой отрасли работали прикладные технико-экономические институты, интегрировавшие мировые достижения и конвертировавшие их в практики. Теперь ни Минэкономразвития, ни Минпромторг не отвечают за эту деятельность. Да и сама деятельность почти замерла.

Модное сейчас «импортозамещение» способно поставить под угрозу существование целого ряда отраслей (приборостроение, станкостроение и т.д.), функционирующих на базе импортируемой продукции. Импортозамещение должно быть не средством, а результатом восстановления саморазвивающейся экономической системы! Не надо отказываться от торговли с другими, надо лишь сокращать степень зависимости от импорта в ключевых сферах, на которых основан суверенитет страны. Устойчивость государства обеспечит и устойчивость регионов, опирающихся на него как на общую платформу.

Есть ли концептуальная альтернатива у системного подхода к экономике? Да, можно говорить о разобщенной, индивидуализированной экономике. Еще в середине 1990-х годов я назвал экономику России «экономикой физических лиц», в которой разобщенность достигла максимального уровня: например, директор предприятия стоял сам за себя,

а не за коллектив, да и коллектив как таковой исчезал, атомизировался. Ущерб, нанесенный этой тенденцией, оказался масштабным и закономерным (его динамику можно проследить со времен СССР). Системность подразумевает, во-первых, системную экономическую теорию, отличную от либеральной неоклассической, во-вторых, системную экономическую политику, работающую в едином направлении (сейчас же принимается множество противоположно направленных решений). Система нуждается в устойчивости, которая не возникает и не разрушается просто так, в одно мгновение. Классическая теория, исходившая из постулата о полной рациональности экономических субъектов, постепенно перешла к более сложной модели, в которой признаются различные измерения индивидуальности — психология, этика, бессознательное и т.д. И все они имеют свои экономические последствия, которые нельзя игнорировать, а можно учесть только в рамках системной парадигмы.

Остановлюсь на нескольких конкретных дилеммах современной мировой экономики.

Монетаризм или реализм? На монетаризме, отводящем финансовому фактору решающую роль, основана наша экономическая политика — в частности, то представление, что манипуляции с процентной ставкой позволят управлять инфляцией. То есть мы думаем, что изменение макроэкономических ориентиров непосредственно и определяющим образом влияет на поведение хозяйствующих субъектов. Реальность показывает, что это не так: есть множество других факторов, финансовый — только один из них. С кризисом сейчас борются исключительно через банковскую систему (i.e. монетаристскими инструментами). Но я боюсь, что, перекладывая на нее ответственность за все аспекты экономического развития (инновационный, антиинфляционный и т.д.), мы вменяем банковской системе несвойственные ей, неорганичные для нее задачи, с которыми она просто не может справиться. Кстати, разница между Россией и Америкой состоит еще и в жесткости связи макро- и микроуровней экономики, то есть как раз во влиянии макроэкономических параметров на поведение хозяйствующих субъектов. У них — да, малейшее изменение учетной ставки сразу отзывается на микроуровне. У нас же эта связь никогда не была и еще долго не будет сильной. Может, и никогда не будет. Следовательно, ни теоретически, ни практически такое представление об оптимальных инструментах управления закладывать в прогнозы и решения не стоит. В современной ситуации отход от догматического монетаризма мне кажется критически важным и необходимым.

Конкуренция или кооперация? Поощряя конкуренцию, мы сталкиваем экономических субъектов лбами. Кооперация действует обратным образом. По моему мнению, конкуренция как институт развития и борьбы и кооперация как институт стабилизации и поддержки по-своему хороши на соответствующих этапах развития. Ведь конкуренция разворачивается не только за внимание потребителя, но и за внимание

региональных властей, за преференции и т.п. — она не способна самостоятельно решить все экономические проблемы. Чтобы в кризис не раскачивать лодку и с минимальными потерями удержаться на плаву, больше подходит кооперация: нельзя сохранить популяцию физических лиц, не сохраняя популяцию домохозяйств и популяцию предприятий! Однако уже сейчас многие предприятия начинают покидать рынок — я знаю, что нечто подобное происходит и в Тюменской области. Не должно быть никакого «санитара леса», который решает, какие хозяйства и предприятия неэффективны и больше не нужны. Не должно быть «войны всех против всех». В период кризиса кооперация должна преобладать, более того, еще некоторое время после него должно поддерживаться компромиссное поведение (то, что называют «конкооперацией» или «коокуренцией»).

Сохранять ли неэффективные предприятия? А что такое эффективность? Это ведь не только прибыль, рентабельность. Если предприятие занимает прочное место в экономике города, региона, то оно занимает его и в сознании людей, в культуре. Поэтому сохранение субъектов хозяйствования в условиях кризиса является императивом! Субъект вписан в социально-экономическую среду своей продукцией, другими предприятиями, которые, в свою очередь, поставляют продукцию для него, наконец, персоналом, для которого созданы рабочие места. Снижение прибыльности всего этого не отменяет.

Кризис не очистит экономику от «лишних» субъектов, потому что выживают не самые нужные и ценные, а наиболее безжалостные, способные для самосохранения принести в жертву других. Социальная ответственность бизнеса в период кризиса имеет особое значение. Она заключается не только в уплате налогов, не только в переработке сырья в продукцию высокого передела и даже не только в превращении необученных рабочих в квалифицированных. Предприятие по сути своей моральный агент, привносящий в общество определенные образцы поведения и этические нормы. Домохозяйство обладает похожими функциями и предваряет предприятие в воспитании новых поколений. Вуз — это тоже своего рода предприятие, тоже моральный агент. В труде как совместной целенаправленной деятельности мы формируем наше отношение к окружающему миру, поэтому роль коллектива при построении экономической политики никогда не следует выносить за скобки. Не забудем, в частности, об отношениях между начальником и подчиненным, описываемых в категориях «принципал—агент». В современной России такие отношения сложились в докризисный период и носят характер игры с нулевой суммой. Сейчас они должны измениться. В них следует внести элемент кооперации, который и будет лучшим ответом на вызовы времени.

Институты развития или институты стабилизации? Вообще-то я бы поставил на первое место по значимости такой институт стабилизации, как стратегическое планирование. Я принимал участие в разных стадиях разработки Федерального закона № 172 «О стратеги-

ческом планировании в Российской Федерации» и хорошо знаю, насколько сложен и труден был процесс его подготовки. Да и насколько результат оказался далек от первоначального замысла, тоже знаю. Принятый закон возлагает ответственность за стратегическое планирование на регионы, но практически не затрагивает хозяйствующие субъекты. И это неправильно, поскольку для эффективного и стабильного развития требуется охват стратегическим планированием всех уровней. Так создается цельность экономического пространства, причем не с момента утверждения плана, а уже с момента его обсуждения, которое консолидирует участников, гармонизирует их внутреннюю среду и позволяет почувствовать наличествующий потенциал.

Другой институт, способный сыграть стабилизирующую роль, — демократизация управления, о необходимости которой уже было косвенно упомянуто. Если коротко, то я выступаю в поддержку коллективных форм хозяйствования — в частности, народных предприятий и акционерных обществ работников. Такие формы одновременно защищены и от внешнего поглощения, и от пагубной внутренней конкуренции между подчиненными и руководством. Они могут стать точками роста нового экономического уклада, и кое-где в стране — например, в Липецкой области — они уже интенсивно развиваются.

Дело в том, что внутри предприятия должны быть сбалансированы интересы четырех групп: персонала, менеджеров, специалистов и собственников. Сейчас эти группы равновесны по вкладу в общий успех, но неравноправны как бенефициары и участники процесса управления. Поэтому нужно постараться гармонизировать, объединить их усилия в целях дальнейшего совместного развития, достижения оптимальной позиции на рынке. Международный опыт показывает, что для этого роль собственника должна быть уравновешена другими ролями — на основе демократического принципа. Только если представители каждой из групп войдут, например, в состав совета директоров, может возникнуть модель, способная вывести из кризиса как конкретное предприятие, так и то локальное экономическое пространство, в которое оно встроено.

Подводя итоги, я хотел бы сформулировать ряд рекомендаций — если угодно, рецептуру необходимой в нынешний момент экономической политики.

На национальном уровне стоит задача перепозиционирования России: из монопродуктовой экономики она должна превратиться в диверсифицированную. В ситуации кризиса требуется регулирование экономики на всех уровнях с помощью всех доступных средств (а не только монетарных и конкурентных). Субъектность и состав отраслей должны быть восстановлены через реиндустриализацию; отрасли производства — подвергнуты реновации. Необходима и «ресайентизация», то есть создание прочной научной основы для производственной деятельности. Стратегическое планирование должно не замыкаться в себе, а выходить на оперативный уровень, поэтому требуется реконструкция системы

планирования и реорганизация системы принятия решений. Последнюю я бы предложил расширить: число палат Федерального Собрания можно увеличить, обеспечив представительство в нем тех субъектов, которые мы именуем «хозяйствующими».

Наконец, в своей деятельности агенты экономики обязаны блюсти свою репутацию и выстраивать ее продуманно. Нам остро нужна «реморализация» (термин заимствован мной у Аркадия и Бориса Стругацких), которая бы позволила предприятиям взять на себя роль моральных агентов, оказывающих влияние на воспитание общества.

Кризис не должен играть роль «санитара леса», но он может стать катализатором перезагрузки экономики. Чтобы его преодолеть, необходимо понимание системности экономики и реального хозяйства как ее центра. Знаменитый математик Морис Клайн в книге «Математика: Утрата определенности» сказал, что каждая наука начинает строиться с середины и растет одновременно вверх, к новым достижениям, и вниз, к обоснованию исходных посылок. Так же должна развиваться и российская экономика. Ее мезоуровень, то есть уровень регионов, должен стать основой, из которой вырастут и вершина, и база. И наше национальное самосознание.

Депутат Тюменской городской думы, генеральный директор ООО «Мостострой-11» Н.А.Руссу

Коллеги! Сегодня мы пытаемся найти рецепт того, как пережить очередной кризис: сопоставляем, анализируем... Поэтому хочу рассказать в заданном ключе о сфере, специалистом в которой являюсь, — о транспортной инфраструктуре.

Транспортная сеть — важнейший структурный элемент Тюменской области, пронизывающий ее от юга и до северных границ; он придает региону экономическую и территориальную целостность. Модернизация транспортной инфраструктуры влечет за собой снижение числа аварий и смертности на дорогах, улучшение экологии, повышение производительности труда в смежных отраслях, сокращение издержек производства и увеличение числа рабочих мест (с огромным мультипликативным эффектом). Отсутствие же инфраструктуры зачастую ставит под угрозу экономику целых территорий.

Однако развитие инфраструктуры требует большего внимания к внедрению новых технологий, закупке оборудования; новые мощности порождают потребность в квалифицированных специалистах. В среднем специалисту для приобретения соответствующей компетенции требуется восемь-десять лет, поэтому проекты должны быть настолько же долгосрочными. Однако где взять на это деньги? Мне кажется, подобную возможность предоставляют различные формы государственно-частного партнерства, повышающие прозрачность и результирующий эффект различных инициатив.

Один из проектов такого рода — строительство моста через реку Туру. Он позволит значительно сократить издержки, связанные с передвижением из Тюмени в Омск, Екатеринбург, даст возможность сэко-

номить не только время пути, но и топливные ресурсы, разгрузить городские магистрали. И этот, и другие проекты демонстрируют, что налаженная инфраструктура способна дать серьезный толчок развитию целых районов. Тюменский регион привлекателен для застройщиков и инвесторов в том числе благодаря транспортной доступности. Вложения государства в инфраструктуру окупаются не количественно, а качественно — через улучшение общей ситуации в регионах.

Как государство должно строить свою экономическую политику в условиях кризиса? Мне кажется, надо выбрать в каждом регионе 10—20 успешных предприятий, всесторонне изучить их опыт и подготовить его к переносу и расширенному воспроизводству (и научно, и практически). Сейчас судьба многих экономических инициатив передана в ведение банков. Но те пытаются использовать ситуацию, чтобы застраховать свою прибыль, и закладывают при кредитовании дополнительную маржу. Возможно, следует заставить банки делать какие-то послабления предприятиям с хорошим опытом и кредитной историей.

Руководитель направления «Стратегическое планирование и развитие бизнеса» компании СИБУР О.П.Коновалов

Опыт работы в крупнейшей нефтехимической компании России позволяет мне развить сказанное главным докладчиком относительно стратегии импортозамещения — на примере отечественного рынка полимеров.

Наша компания основывает свое прогнозирование на плане развития нефтегазохимической отрасли до 2030 г., согласно которому предполагается достичь общего роста спроса и еще большего роста предложения. В настоящий же момент потребление продукции находится на довольно низком уровне, а производство — еще ниже потребления. Такой дисбаланс порождает потребность в импорте.

Как от импорта перейти к экспорту высокотехнологичной нефтехимической продукции? Прежде всего необходимо вводить новые высокоэффективные — и поэтому высококонкурентные — мощности. Инвестор всегда задается однотипными вопросами: кто является прямым конкурентом в этой сфере? есть ли ресурсы для постройки новых заводов, как людские, так и материальные, и каково их качество?

Чтобы построить современное предприятие, нужно получить доступ к высокотехнологичным ресурсам. Однако СИБУР, планируя создать в Тюменской области крупнейший в мире завод по производству полимеров, столкнулся с тем, что лишь 20—30% оборудования оказалось возможно приобрести внутри страны: целый ряд продуктов отечественного машиностроения просто неконкурентоспособен. Между тем локализация производства позволила бы через мультипликативный эффект стимулировать экономику, поддержать суверенитет страны.

Государство могло бы предпринять конкретные шаги для поддержки импортозамещения: сначала ему следует признать, что локализовать все и сразу невозможно, затем — выбрать приоритетные направления.

Далее с представителями этих направлений надо согласовать «дорожную карту», связывающую федеральные органы исполнительной власти, банки, машиностроительные компании и потребителя. Исполнительная власть сможет формулировать пожелания к модернизируемым представителям отрасли и финансировать их. Заводы же, со своей стороны, будут поставлять оборудование в конкретные отрасли, приоритетные для власти, например в нефтехимию.

За увеличением предложения последует рост спроса на продукцию. Такой вывод нам позволяет сделать сравнительный анализ потребления отечественных полимеров и их зарубежных аналогов на мировом рынке. Тут мы существенно отстаем, поэтому надо наращивать объемы.

Учредитель Научно-исследовательского института экологии и рационального использования природных ресурсов Ю.В.Денеко

Еще раз подчеркну основную идею главного доклада: этика и кооперация чрезвычайно важны для бизнеса, особенно с точки зрения долгосрочного развития.

Опыт нашей организации созвучен не только зарубежному опыту, но и тому курсу на «ресайентизацию», о котором говорил Г.Б.Клейнер. Мы разрабатываем экологические технологии, которые позволяют снизить вред, наносимый окружающей среде нефтяной отраслью. Они нацелены на вторичную переработку ее отходов. Мы развиваем сотрудничество как с заказчиками и администрацией региона, так и с ведущими вузами, научно-исследовательскими институтами и лабораториями страны.

Наш институт не только занимается ликвидацией различных техногенных аварий (в том числе в Мексиканском заливе), но и направляет экспертов для участия в международных мероприятиях — например, в заседании секции природопользования Совета БРИКС.

В других регионах нашим представительствам зачастую приходится привлекать государственные организации, чтобы добиться этически корректных условий для равноправной конкуренции. Но в Тюменской области, по нашему мнению, создано все необходимое для высокотехнологичного бизнеса. Мы выросли и развиваемся как организация, ориентированная на разработку новых технологий, именно благодаря созданной в регионе позитивной атмосфере.

Доцент Финансово-экономического института Тюменского государственного университета И.Н.Вилков

Стратегия развития любой территории должна основываться на использовании и усилении собственных конкурентных преимуществ. Эта цель может достигаться либо финансовыми льготами («все для всех»), либо уникальностью специализации (создание кластеров, встраивание в глобальные производственные цепочки и т.д.). Первую стратегию легко копировать, тем самым нивелируя ее эффект. Поэтому более высокая конкурентоспособность — и на мировом, и на страновом уровне — скорее достигается вторым способом.

Специализация в форме кластеризации (путь, выбранный Тюменской областью) позволяет сформировать в регионе дифференцированный спрос, сконцентрировать людские ресурсы, выстроить инфраструктуру, наладить производство новых технологий. Это долгосрочная инициатива, марафон, в котором, судя по различным национальным рейтингам, росту валового регионального продукта и т.д., наш регион уже занял высокие позиции. Предыдущий доклад представителя нефтегазохимического кластера — хорошее подтверждение общей тенденции.

Каковы перспективы дальнейшего развития? Наиболее привлекательным ресурсом для компаний в том или ином кластере являются используемые технологии, поэтому под формируемые производственные мощности требуется подвести соответствующую техническую базу, наладить взаимосвязь между наукой и предприятиями — как и говорилось в главном докладе.

Свободный микрофон

Зам. председателя Тюменской областной думы В.А.Рейн: Хотел бы поинтересоваться мнением Г.Б.Клейнера: какие коррективы нужно внести в опыт Липецкой области по развитию коллективных форм хозяйствования, чтобы адаптировать его к нашим потребностям? И второе — о четырехуровневой структуре экономики, о которой говорилось в главном докладе. Как мне кажется, сейчас уклоняется от исполнения своих функций прежде всего государство. Ведущие экономисты страны полагают, что предложенная экономическая программа выхода из кризиса в корне неверна; однако власть не пытается вести диалог ни с ведущими экспертами, ни с ключевыми регионами. Как найти выход из такой ситуации?

Руководитель тюменского отделения движения «В защиту человека труда» И.О.Ураков: Не могу не согласиться с особой значимостью темы демократизации управления предприятиями — для нас это очень важная тема. Может ли главный докладчик назвать успешные зарубежные модели социально-трудовой кооперации, которые позволяли бы в условиях кризиса повысить мотивацию рабочих и производительность их труда?

Депутат Тюменской областной думы В.Ю.Пискайкин: Сейчас повсюду вводятся ограничения цен, контроль за цепочками поставок... А какие ограничения вообще допустимы в условиях рыночной экономики?

Генеральный директор Инвестиционного агентства Тюменской области О.Л.Езикеева: Почему при распределении средств федерального бюджета среди регионов преобладает принцип «всем сестрам по серьгам»? Возможно, во время кризиса следует делать ставку на сильные регионы, способные стать локомотивами развития?

Профессор Тюменского государственного университета Л.М.Симонова: Насколько я понимаю, главный докладчик отстаивает тезис о приоритетности сохранения многосубъектности нашего экономического ландшафта. А может ли разнообразие стать чрезмерным и даже пагубным? И второй вопрос: разграничивая экономику и бизнес, должны ли мы разграничивать и системы подготовки кадров для них?

Директор завода «Polla» В.М.Коряков: На малый бизнес, представителем которого я являюсь, сегодня оказывают серьезное влияние и федеральные, и региональные власти. Уже два месяца мы пытаемся разобраться в новой обстановке, делаем подсчеты... Получается, что при росте курса евро на 1% у всех предприятий, работающих в нашей отрасли (изготовление конечной продукции из полимерного сырья), себестоимость производства возрастает на 30%! Этот факт ставит под сомнение возможность того импортозамещения, о котором говорил представитель СИБУРа: слишком много импортируемых компонентов используется! Будет ли СИБУР, чтобы удовлетворить существующие потребности, производить, например, сополимеры?

С.И.Каспэ: Почему бы не ответить сразу?

О.П.Коновалов: Ответ — да. Мы планируем производить в числе прочего и сополимеры.

В.М.Коряков: Мы находимся в очень печальном положении. Кредитный портфель малых предприятий, заложенный на 2015 г., вырос более чем на 100%, пропорционально ему выросли и затраты. Очевидным становится риск закредитованности посредников: банки их сейчас практически не кредитуют. Импортное оборудование подорожало стремительно, поэтому даже в Тюменской области в этом году программы развития начинают давать сбои...

Директор Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета профессор С.М.Моор: Есть ли у главного докладчика конкретные рекомендации, с помощью которых представители власти могли бы выстроить эффективную вертикаль управления экономикой? Именно экономикой, а не политикой?

Доцент Финансово-экономического института Тюменского государственного университета Т.В.Погодаева: Цикличность российской экономики напоминает не столько эволюцию, сколько инволюцию. Непрерывно повышаются риски деградации системы ценностей — императивная минимизация рисков подталкивает к логике выживания. Может ли регион в таких сложных условиях взять инициативу на себя и что-то изменить самостоятельно?

Руководитель экспертной группы Агентства стратегических инициатив, депутат Тюменской областной думы О.Л.Чемезов: На уровне нашего региона существуют примеры кооперации бизнеса и государства в различных формах (поддержка бизнеса, государственно-частное партнерство и др.). Однако мне известно, что в Европе, например, распространена практика «налогового договора» — когда налоговый орган согласовывает с предприятием фиксированный объем отчислений и потом вообще не «ходит» к нему в течение пяти лет. Возможно ли такое в России?

(*Грустный смех в зале*)

Г.Б.Клейнер Спасибо за весьма продуктивное обсуждение. Было затронуто много интересных вопросов.

Прежде всего — о демократизации управления предприятием, о возможности использования упомянутого мной опыта Липецкой области. Наша деятельность там была подкреплена эмпирическим и теоретическим сравнительным анализом: проводилось анкетирование различных предприятий — «народных», не «народных», демократизированных и иных. Затем результаты были сопоставлены с показателями по России в целом: оказалось, что если по всей стране доля предприятий, находящихся на подъеме, составляет только 2%, то в Липецкой области — 17%. При личном общении с людьми у меня возникало впечатление общего энтузиазма. Поэтому я горячий сторонник распространения этого опыта. Однако вертикаль власти до сих пор не осознала до конца его ценности и даже видит в нем угрозу — что совершенно ошибочно.

Добавлю, что вместо линии «вертикали власти» у нас скорее «пунктир власти». Все уровни разорваны, отношения между ними требуется выстраивать заново. Как? Убеждением, других методов нет. Об эффективности убеждения я сужу по личному опыту: не раз бывало, что мои высокопоставленные собеседники в процессе разговора просто на глазах меняли свою позицию.

С.И.Каспэ А действия свои они потом тоже меняли?

Г.Б.Клейнер Сложный вопрос... Но я вижу, например, как через несколько лет после того, как какая-то моя идея была опубликована, ее следы появляются в конкретных мерах. На самом деле люди, принимающие решения, очень много читают — и кое-что из прочитанного применяют на практике. Кстати, наше сегодняшнее обсуждение можно рассматривать именно как выстраивание «вертикали» экономического управления на уровне региона — от представителей малых предприятий до его главы.

Есть ли примеры того, что участие людей труда в управлении предприятиями приводит к повышению общей производительности? Есть.

Часть предприятий США, такие, например, как Lockheed или Boeing, используют системы ESOP (employee stock ownership plan), подразумевающие наделение работников акциями. Уже в силу акционерного законодательства это позволяет им принимать участие в управлении. Существует и европейская ассоциация предприятий, собственниками которых являются рабочие; она уже накопила колоссальный опыт. Я не сторонник слепого копирования, но позитивные элементы мирового опыта, несомненно, надо изучать и применять в России. У Китая, Германии, Франции можно многому научиться, в том числе и этому.

Совместим ли контроль с рыночной экономикой? Я не думаю, что постоянно увеличивающееся у нас число запретительных мер согласуется с принципами рыночной экономикой. Но если мы говорим о стратегическом планировании, то контроль над выполнением планов необходим — именно в условиях рыночной экономики и без покушения на ее основы. Видов рыночной экономики, кстати, существует много, и нужно уметь работать с учетом их специфики. В конце концов, законы рынка действуют не потому, что приняты Государственной Думой, а потому, что они производны от природы человека!

Надо ли в ситуации кризиса больше поддерживать сильные регионы? Нет, именно в такой период нужно поддерживать всех! Каждый регион — это люди, которые просто не могут моментально перебраться куда-нибудь еще. Известная гипотеза Тибу, согласно которой свободная миграция между локальными сообществами автоматически приводит к оптимальному распределению благ, в российском пространстве просто не работает, потому что социальная мобильность у нас очень низкая, а социально-культурная среда имеет для человека чрезвычайное, ключевое значение.

Интереснейший вопрос: может ли разнообразие быть чрезмерным? Да. Для каждого человека, каждой территории, каждой страны должна быть найдена его оптимальная степень. Причем надо думать о разнообразии не только в пространстве, но и во времени: мы ведь и против застоя, и против слишком стремительных изменений! Именно эту проблему в числе прочих пытается разрешить теория системной экономики.

О посредниках. Руководителям предприятий той же Липецкой области был задан вопрос: необходимо ли ограничивать деятельность посредников? Они практически единодушно (до 90%) высказались «за». Сейчас в цепи между потребителем и поставщиком присутствует слишком много лишних элементов, зачастую играющих негативную роль в ценообразовании. Однако реструктуризацию этих цепей следует проводить осторожно, сокращая число посредников бережно и постепенно.

Банкам предоставлены обширные средства как бы для кредитования промышленности. А куда они идут на самом деле? Центробанк практически не может отследить их судьбу. Какой возможен выход? Непосредственные, прямые отношения между потребителем и произво-

дителем! Потребитель может сам принять решение о кредитовании производителя, и наоборот.

Может ли отдельный регион выступить как «один в поле воин»? Вы знаете, мне вспоминается старый спектакль студенческого театра МГУ. Там на сцену сначала выходил один актер и повторял фразу: «Что я могу сделать один?». Затем выходил другой актер и говорил то же самое. Затем третий — и так далее. Возникал кумулятивный эффект, и в конце появлялся режиссер, который руководил уже целым хором, слаженно скандирующим: «Что я могу сделать один?». Таков мой ответ на этот вопрос.

(Аплодисменты)

В.В.Якушев Наши двадцатые Чтения действительно получились особенными — не только из-за круглого числа. Вы знаете, что обычно я вступаю в дискуссию с нашими лекторами. Но сегодня я впервые оказался согласен практически со всеми тезисами доклада. Спасибо!

Да, в период кризиса нужно именно повышать взаимное доверие, кооперироваться, на время смягчить конкуренцию — это очень важная мысль. Это просто руководство к действию!

Да, из уст высокопоставленных чиновников зачастую звучат высказывания, что кризис — «санитар леса», который расставит все на свои места. Я рад, что мы с Георгием Борисовичем с этим категорически не согласны. Так очень легко создать перекосы в экономической структуре, с которыми потом придется мучительно бороться. Как известно, ломать — не строить.

Да, прикладная наука сегодня практически отсутствует, и поэтому наука фундаментальная лишена контактов с производством. В советские времена именно в прикладной науке была наша сила, она служила мостом от теории к практике. Поэтому мы обладали технологиями, которые позволяли нам успешно развиваться и удерживать мировое лидерство по множеству параметров.

Да, в экономической политике государства монетаристское ви́дение сегодня превалирует. Мы обсуждаем ключевую ставку, то, как будем ее субсидировать, какие гарантии должны предоставлять регионы и предприятия... Но не говорим, что нам надо кооперироваться! И нельзя забывать о моральной стороне бизнеса. Он по самой своей природе призван к социальной ответственности, не ограниченной уплатой налогов и точечными финансовыми субсидиями. Эту тему следует рассматривать масштабнее — точно так, как предложил Георгий Борисович. Да, сейчас с моралью у нас плохо. Ну так надо ее возрождать!

Говоря о взаимосвязи федерального центра и регионов, о взаимосвязи региональной власти и предприятий, мы не должны также забывать о местном самоуправлении. Оно наделено своими полномочиями, своими закрепленными в Конституции принципами работы. Этот ресурс мы используем совершенно недостаточно.

Теперь о трудностях в отношениях власти и бизнеса. Есть такой парадокс: когда экономическая ситуация стабильна, администрация области настоятельно советует бизнесу использовать это время для технологического переоснащения, чтобы обеспечить запас устойчивости и конкурентоспособности. А бизнес просит оставить его в покое, бизнес отвечает: «У нас все хорошо, разберемся сами»! Пусть так. Но когда приходит кризис, бизнес, наоборот, жаждет внимания. В ближайшее время у меня состоится встреча с его представителями, и по опыту 2008—2009 гг. я примерно представляю, как пойдет разговор. «Очень высокая процентная ставка, где региональная власть? Почему она ничего не делает? Какие субсидии и гарантии будут выдаваться? Организуйте нам заказы! Помогите в обеспечении поставок, потому что железная дорога плохо работает!» Но где вы были раньше, когда мы сами предлагали вам менять менеджерские подходы, производить технологическое переоснащение?

Конечно, в формате тесной взаимосвязи агентов различных уровней экономики внутри региона работать сложно, но подчеркну, что в период кризиса 2008—2009 гг. мы почувствовали определенную консолидацию и пытались решить многие проблемы сообща. Однако как только в 2010 г. случился стремительный экономический рост, бизнес сразу забыл о налаженных формах коммуникации. Мне кажется, что это болезнь не только Тюменской области, но и всей Российской Федерации, и, чтобы от нее излечиться, надо чаще встречаться и разговаривать, прислушиваясь друг к другу. Иначе выживут только эгоисты: уже сейчас мы получаем сигналы, что ряд предприятий вообще не пытается сохранить свои коллективы, а, наоборот, хочет максимально и побыстрее сузиться. А с людьми что будет? Они попадут на рынок труда, пойдут в службы занятости, начнут задавать вопросы. Их надо будет снабжать пособием по безработице, трудоустраивать, переобучать! Эти затраты покроет региональный и федеральный бюджет. Вот и получится, что предприятия-эгоисты решат свои проблемы за счет других налогоплательщиков. Тут говорить о совместном развитии, да просто об элементарной морали не приходится. Увы, подобных случаев много. К счастью, существуют и руководители, которые идут навстречу, понимают ситуацию, используют меры, предотвращающие рост безработицы. Мы долго работали в этом направлении, и иногда результат оказывается приятно неожиданным.

Теперь, учитывая свое профессиональное прошлое (я ведь бывший банкир), хочу отреагировать на один из главных вопросов, который сейчас волнует людей. Я не удовлетворен тем, как Центробанк осуществляет политику сдерживания курса национальной валюты и стоимости кредитных ресурсов. Резкое повышение ключевой ставки до 17%, потом совсем непонятное снижение до 15%... Это серьезный удар по экономике. В условиях, когда растут и все иные риски, такую процентную ставку ни одно предприятие не выдержит. А ведь Центробанк располагает и другими инструментами контроля. Мне непонятно, почему их

не задействовали еще до Нового года, чтобы не допустить дальнейших скачков (что, замечу, советовали многие эксперты).

Огромный отток капитала, колебания курса национальной валюты — все говорит о том, что нет системного контроля над процессами на валютном рынке. Дополнительную неразбериху создают спекулянты. С ними можно было справиться, вообще не прибегая к повышению процентной ставки, а, например, введя дополнительный налог на покупку валюты или запретив свободную покупку валюты юридическими (не физическими!) лицами, разрешенную, к слову сказать, буквально пару лет назад. До этого валюта продавалась только под паспорта сделок (на покупку зарубежного оборудования и т.д.). Почему нельзя вернуться к этой разумной практике?

Или можно обязать банки при закупке валюты на собственные нужды вносить страховые депозиты — в несколько раз бóльшие, чем приобретаемая сумма. Такая мера ограничила бы их спекулятивный импульс, поскольку банки, конечно, всегда играют на разнице курса. Удержаться от спекуляций в ситуации, когда валюта выросла практически в два раза, мог только глупец. А глупцов там нет. Поэтому я думаю, что отчеты государственных банков за март-апрель покажут серьезную прибыль. Хотя ее можно и загнать в резервы, чтобы не фиксировать на балансе...

У неспециалистов в ситуации кризиса сразу же возникает желание докапитализировать банки. Я специалист, и у меня такого желания нет. Те средства (около 350 млрд. руб.), которые хотят пустить на докапитализацию, можно было бы направить в регионы, решив тем самым реальную проблему — закредитованность регионов коммерческими банками! Последние, кстати, уже хотят изменить процентную ставку, поднять ее до 24—26% годовых! И что тогда будет? Положим, у нашего региона долгов нет, но как быть остальным?

Прежде всего надо разобраться, какую прибыль получают банки, а уже потом принимать какие-то меры. Решив проблему банков, нам стало бы проще формировать региональную политику. Конечно, спасение утопающих — дело рук в первую очередь самих утопающих, поэтому нужно, с одной стороны, выполнять уже принятые программы развития, с другой стороны, корректировать их там, где можно ужаться. Но беречь те позиции, где этого делать нельзя!

На ближайшее время у меня намечен ряд встреч на тему, как область планирует жить в 2015—2017 гг. Раньше мы, формируя трехлетний бюджет, позволяли себе говорить больше о годе предстоящем (например, в 2014 г. — о 2015 г.). Теперь стало ясно, что 2015 г. окажется самым простым. В 2016 г. будет труднее, в 2017 г. — еще труднее. Резервы постепенно расходуются, политические условия ужесточаются, а дополнительные ресурсы скоро станет получать неоткуда. В настоящий момент, например, мы только начинаем ощущать увеличение числа обращений в службу занятости. Оно связано еще даже не с увольнениями, а со снижением заработных плат: предприятия страхуются, отказываются

от премиальных. Поэтому люди приходят просто посмотреть на наличные вакансии. Но это пока цветочки, ягодки впереди.

Все возможные меры мы должны оценивать не менее чем в трехлетнем горизонте. Только так мы сможем понять, что требуется делать в настоящий момент. Уже к концу этой недели правительство Тюменской области попытается сформировать полное понимание кризисной ситуации: мы проведем консультации и с производственниками, и с депутатами Областной думы, и с представителями муниципалитетов. Антикризисный план на три года должен быть максимально публичным и прозрачным. За этот период необходимо консолидироваться, выработать механизмы совместного принятия и реализации решений (в том числе жестких). Только так, работая сообща, мы сможем преодолеть кризис с минимальными потерями.

(Аплодисменты)

С.И.Каспэ Наша встреча началась словами благодарности В.В.Якушева тем людям, без которых «Губернаторские чтения» были бы невозможны. Теперь я добавлю к ним то, что сам губернатор просто не мог произнести. Понимаете, придумать хороший проект — еще не все, это меньше чем полдела. Мы с вами знаем, как часто интерес к хорошему проекту постепенно утрачивается — как говорится, «пар выходит». Как в знаменитом монологе Гамлета: «И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия». У нас не так. Уже двадцать Чтений состоялись; и состоялись они прежде всего потому, что сам губернатор не утрачивает к ним интереса. Проект находится не только в поле его зрения, но и буквально на его рабочем столе, поверьте, я это просто знаю. Владимир Владимирович, спасибо.

(Аплодисменты)

НАШИ АВТОРЫ

Гайворонский Юрий Олегович — аспирант кафедры сравнительной политологии, преподаватель департамента политической науки НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ.

Кабанов Юрий Андреевич — преподаватель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных и социальных наук НИУ ВШЭ.

Каспэ Святослав Игоревич — доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ, председатель Редакционного совета журнала «Полития».

Кынев Александр Владимирович — кандидат политических наук, доцент департамента политической науки НИУ ВШЭ, эксперт Комитета гражданских инициатив.

Мусихин Глеб Иванович — доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Поляков Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

Руднев Юрий Владимирович — аспирант Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Телин Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова.

Турченко Михаил Сергеевич — преподаватель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ, аспирант НИУ ВШЭ.

OUR AUTHORS

Gaivoronsky Yury Olegovich — Graduate Student at the Department of Comparative Politics, Lecturer at the School of Political Science at the National Research University *Higher School of Economics* (NRU HSE), Junior Researcher at the Laboratory for Regional Political Studies, NRU HSE.

Kabanov Yury Andreevich — Lecturer at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, NRU HSE.

Kaspe Svyatoslav Igorevich — Doctor of Political Sciences, Professor at the School of Political Science, NRU HSE, Chairman of the Editorial Board of the Journal *Politeia*.

Kynev Alexander Vladimirovich — Ph.D. in Political Science, Associate Professor at the School of Political Science, NRU HSE, Expert at the Committee of Civil Initiatives.

Musikhin Gleb Ivanovich — Doctor of Political Sciences, Professor at the School of Political Science, NRU HSE.

Polyakov Leonid Vladimirovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the School of Political Science, NRU HSE.

Rozov Nikolai Sergeevich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Rudnev Yury Vladimirovich — Graduate Student at the School of History, NRU HSE.

Telin Kirill Olegovich — Ph.D. in Political Science, Researcher at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Turchenko Mikhail Sergeevich — Lecturer at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, NRU HSE, Graduate Student at NRU HSE.

ABSTRACTS

RUSSIAN POLITY

Leonid Polyakov

ELECTORAL AUTHORITARIANISM AND RUSSIAN CASE

The article is devoted to the analysis of the hypothesis proposed by V.Gel'man, according to which the post-Soviet Russia should be viewed as an "crucial case" of electoral authoritarianism that sheds light on the origins of the strength and weakness of this model in a comparative perspective. Having thoroughly analyzed Gel'man's arguments in the context of the Russian political history of the last two and a half decades, L.Polyakov failed to find convincing evidence of either this hypothesis or even justification of classifying the country's political regime into the category of "electoral authoritarianism" per se. The research conducted by the author rather demonstrates the uniqueness of the Russian "authoritarianism" and that the conventional methods of description within the modern Western comparative politics fail to capture its specificity.

RUSSIAN REGIONS

Yury Gaivoronsky

REGIONAL POLITICAL REGIMES IN RUSSIA: CONCEPTUAL INNOVATIONS AND MEASUREMENT POSSIBILITIES

The article attempts to construct an operational model of regional political regimes based on the synthesis of a number of new approaches in comparative politics and political regionalism. On the basis of the multidimensional models of subnational regimes elaborated by R.Turovsky and S.Mazzuca, Yu.Gaivoronsky suggests that the transformation of regional polities should be measured along three vectors: "dependence", "authoritarianism", and "patrimonialism". The multidimensionality of the model allows us to analyze regional regimes in greater detail. Moreover, in contrast to most of the existing indexes, the model makes use of verifiable data rather than expert evaluations. The empirical testing of the model on the data from the Russian regions reveals its validity and the possibility of its application for political studies.

Mikhail Turchenko

FACTORS OF PARTY SYSTEMS FRAGMENTATION IN RUSSIAN REGIONS (2003–2013)

The Western scholarship devoted to unraveling causes of party fragmentation mainly focuses on institutional and sociological factors. The parameters of electoral systems, the existing social cleavages or their combined effect are expected to influence the number of parties. These explanations, however, do not suffice to comprehend causes of party fragmentation in the Russian regions. The research study prepared by M.Turchenko shows that the effective number of electoral parties in the regional elections of 2003—2013 is largely determined by the factors related to the activity of the federal center and senior officials at the subnational level. The author concludes that in spite of the presence of the favorable conditions for the development of regional party systems in the first half of the 2000s, the executive branch that prevented the emergence of parties that were capable of competing with the "United Russia" played a decisive role in the formation of the regional party systems.

POLITICAL THEORIES

Svyatoslav Kaspe

MORE ON THE NOTION OF POLITICAL FORM: FORM AND SUBJECT
Reply to Mikhail Ilyin

The article by S.Kaspe represents another round of his polemic with M.Ilyin about the notion of political form unfolded on the pages of the journal *Politeia*. Responding to the criticism and suggestions made by Ilyin, the author a) protests against the broad interpretation of this concept insisting that it should be limited by spatial, primarily center-periphery, connotations; b) indicates the prospective and pragmatic orientation of his research, in contrast to more retrospective and theoretical studies by the opponent; c) considers that clarifying the relationship between the concepts of political form and political subjectivity is the most promising venue for further research in this field of knowledge. Who determines where the center is and draws borders? Who determines contours of the political form? And who is able to destroy them?

Kirill Telin

DENOMINATION OF CLASS

The article examines possibilities of using the concept of class in the contemporary political studies as well as theoretical and methodological difficulties potentially associated with its usage. According to the conclusion by K.Telin, under the modern conditions the notion of class is used not only with scientific, but also with manipulative purposes, with a blind eye towards the

recent debates in the research community and benchmark political trends. In this situation heightened attention to the problematique of "class" results in degradation of public discourse and denomination of the very concept of class.

ANTITHESIS

Yury Rudnev

NICCOLO MACHIAVELLI AND "SECRET" RENAISSANCE KNOWLEDGE In What Way Prince Is to Be Lion and Fox Alike?

Niccolo Machiavelli is considered to be one of the first thinkers who laid foundations of the "realist" approach inherent in the political theory of Modernity. The study conducted by Yu.Rudnev that is based on the achievements of the modern intellectual history presents and justifies an alternative to this view. Analyzing some of the concepts of the language of "The Prince" that allude to the traditions of humoral medicine, astrology, sympathetic magic and alchemy, the author argues that in concern to "fox" and "lion" Machiavelli presumes not the imitation of their qualities, but rather elaborate "secret" doctrine or even "techniques of the self" in Michel Foucault's interpretation. According to Rudnev's conclusion, "lion" and "fox" are images that a potential reader of the tractate should have grasped exactly through the interplay of contexts (more open and "secret") that he belonged to as a man of the Renaissance epoch.

POLITICAL CULTURES

Gleb Musikhin

"THE SPLENDORS AND MISERIES" OF POLITICAL RITUALS

The article attempts to analyze political rituals in the light of distinguishing between conventional-indicative and unconventional-symbolic meaning of politics. The author documents ontological difference and communicative similarity between religious and political rituals, shows that the mechanism of everyday ritualization contributes to the increasing importance of less substantive components of political action, reveals the role of rituals in transition moments of political life and considers specific features of such political rituals as sacrifice, holidays and anniversary celebrations. His research shows that, although the direct inspiring impact of rituals is nothing more than a "contract illusion" of a symbolic effect, which can be destroyed by unconventional

and perlocutionary "The king is naked!", the importance of rituals for modern communities should not be underestimated because due to their complex nature they perform the function of stabilizing the social order.

POLITICAL PARTIES

Alexander Kynev

INNER-PARTY DEMOCRACY AND STATE INTERFERENCE INTO PARTY ACTIVITY
Russian Case

On the basis of the analysis of a wide range of research questions related to the internal structure of the Russian parties and their electoral activity, A.Kynev comes to the conclusion that, of the accepted in modern democracies mechanisms aimed at the development of inner-party democracy, Russia, in fact, makes use only of a variation in primaries. According to his conclusion, the country finds itself in a paradoxical situation: parties formally exist, but even in case of successful elections, under the conditions of the complete domination of the executive branch their impact on the decision-making process is extremely weak. This also results in the initial inability of parties to fulfill their pre-election programs, voters' frustration with all parties, and little interest in the inner life of parties from both ordinary citizens and elites. In general, by their internal structure Russian parties resemble other Russian political institutions that are characterized by exaggerated authority of the executive bodies and weakness of control mechanisms as such.

Yury Kabanov

PIRATE PARTIES: DEVELOPMENT TRENDS WORLDWIDE

The article analyzes several development trends of pirate parties in cross-national perspective. The author studies dynamics of pirates' political program and conducts a correlation analysis of factors that determine the degree of institutionalization of their organizations. According to Yu.Kabanov's conclusion, in most cases pirate parties lack sufficient resources and often a desire to actively participate in the established party system. Neither popularity of their ideas nor their electoral results enjoy stability. However, one can already spot some potential growing points of pirate parties, especially in Europe. According to the author's forecast, transformations of the pirate movement will continue to take place and will become decisive for its future development. The latter will largely hinge upon the final choice of pirate parties: whether to retain their radical, anti-elite positions or move toward the median voter and common policy.

MANUSCRIPTS DON'T BURN

Nikolai Rozov

RESEARCH METHODOLOGY AND ONTOLOGY OF HISTORICAL DYNAMICS OF CRISES AND TRANSFORMATIONS

The article develops methodological and ontological ideas aimed at integrating the until now separated approaches of social cognition. The author focuses on identifying causes of crises and major historical transformations in different social and temporal scopes and within different fields of interaction. By means of several system models (the universal model of historical dynamics, A.Stinchcombe's functional model etc.) and synthesis of the basic concepts of human behavior (theory of rituals by E.Durkheim, E.Goffmann, and R.Collins; conception of attitudes and habitus; the operant conditioning model by B.F.Skinner), N.Rozov shows ways of combining statistical macro-indicators (*structure*) and dynamics of interaction between actors (*agency*). In this context, the author considers the possibilities of including the factor of randomness into the strict logic of scientific explanation in C.Hempel's interpretation; conceptualizes connection between headline-making "trigger" events, turning points and the preceding and subsequent quantitative and structural changes.

GUBERNATORIAL READINGS

ECONOMY OF STATE, ECONOMY OF REGION AND ECONOMY OF ENTERPRISE: PROBLEMS OF SYSTEMIC STABILITY

Twentieth Gubernatorial Readings. Tyumen, February 11th, 2015

The material published here is a report on the Twentieth Gubernatorial Readings held in Tyumen, February 11th, 2015, under the framework of the joint project conducted by the journal *Politeia* and the administration of Tyumen region with the topic of the Readings being stability of economy at macro-, meso- and micro-level and a lecturer being Professor G.B.Kleiner, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Deputy Director at the Russian Academy of Sciences Central Economics and Mathematics Institute.

X КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.

2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.

3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.

4. Работы принимаются до 31 декабря 2015 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.

5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.

6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить резюме (на русском и, по возможности, английском языках) объемом не более 1 тыс. знаков с пробелами. В конце резюме следует указать 3—5 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. В списке литературы указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний, по возможности сводя их к библиографическим ссылкам и кратким комментариям к основному тексту.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами *до* отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы и иметь название. Цифры в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Рисунки и таблицы должны интегрироваться в файл формата *.doc с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию и публикации не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Правила оформления справочного аппарата

Примеры оформления *сносок* в подстрочных примечаниях:

Петров 2006.
См. Петров 2006.
Петров 2006: 100 — после двоеточия дана страница.
Петров, Сидоров 1996.
Петров и др. 1997.
Петров 2006а: 100; Freedman 1996а — буквы а, б, в a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.
Природа 1997 — первые слова названия книги при отсутствии фамилий автора или редактора.
Сегодня. 01.08.2001; Political Studies 2000 — при ссылке не на конкретную статью, а на периодическое издание.
Петров 2003; Сидоров 2005.

Оформление *библиографии* в конце статьи:

Сначала в алфавитном порядке без нумерации приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Фамилия автора выделяется полужирным шрифтом. При отсутствии фамилий автора или редактора полужирным шрифтом выделяется первое слово названия книги или статьи. Название книги, журнала или сборника, где помещена та или иная статья (без кавычек), выделяется курсивом. При ссылке на электронные источники интернет-ссылка дается в скобках.

Петров П.К. 2006. *Власть и общество*. — М.
Петров П.К. 2006а. *Власть и общество*. — М.
Петров П.К. 2006б. Власть и общество // *Полития*. № 1.
Иванов В.П., Сидоров К.Ф. 1997. *Политические системы*. — М.
Петров А.Л. 2000. Легитимность // Сидоров П.К. (ред.) *Общая политология*. — М.
Региональное *развитие в России*. 2000. — СПб.
Тулин К.Н. (ред.) 2000. *Российские регионы*. — М.
Allend G.A. (ed.) 1998. *Political Systems*. — L., N.Y.
Political *Studies*. 2000. Vol. 3. № 2.
Rubben E.H. et al. 2000. Political Culture // Buttler J., Mailer R.E. (eds.) *Comparative Studies*. — L.
Tiper W. 2000. Political Culture // *Political Studies*. Vol. 3. № 2.
Наумкин В. *Возвращение Центральной Азии* (http://www.cainfo.ru/article/actual-interview/242).
Билевская Э. 2009. «Правое дело» на грани раскола // *Независимая газета*. 27.02 (http://www.ng.ru/politics/2009-02-27/1_pravdelo.html).

Table of Contents

Issue Materials — 5

Russian Polity

L.V.Polyakov
Electoral Authoritarianism and Russian Case — 6

Russian Regions

Yu.O.Gaivoronsky
Regional Political Regimes in Russia:
Conceptual Innovations and Measurement Possibilities — 21

M.S.Turchenko
Factors of Party Systems Fragmentation in Russian Regions (2003–2013) — 38

Political Theories

S.I.Kaspe
More on the Notion of Political Form:
Form and Subject (Reply to Mikhail Ilyin) — 54

K.O.Telin
Denomination of Class — 66

Antithesis

Yu.V.Rudnev
Niccolo Machiavelli and "Secret" Renaissance Knowledge
(In What Way Prince Is to Be Lion and Fox Alike?) — 80

Political Cultures

G.I.Musikhin
"The Splendors and Miseries" of Political Rituals — 98

Political Parties

A.V.Kynev
Inner-Party Democracy
and State Interference into Party Activity (Russian Case) — 110

Yu.A.Kabanov
Pirate Parties: Development Trends Worldwide — 128

Manuscripts Don't Burn

N.S.Rozov
Research Methodology and Ontology
of Historical Dynamics of Crises and Transformations — 143

Gubernatorial Readings

Economy of State, Economy of Region and Economy of Enterprise:
Problems of Systemic Stability
(Twentieth Gubernatorial Readings. Tyumen, February 11th, 2015) — 169

Appendix

Our Authors 189

Abstracts 190

The 10th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists 195

Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal *Politeia* 196

Ф. СП-1	Министерство связи Российской Федерации на газету	80454
	Абонемент на журнал	(индекс издания)

Журнал «Полития»											
(наименование издания)						Количество комплектов:					
на 20___ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда				г.							
(почтовый индекс)				(адрес)							
ул.											
дом			корп.				кв.				
Кому											
(фамилия, инициалы)				тел.							

				Доставочная карточка	
				на газету	80454
			литер	на журнал	
пв	место			(Индекс издания)	

Журнал «Полития»											
(наименование издания)											
Стоимость	подписки	___руб___коп				Количество комплектов:					
	переадресовки	___руб___коп									
На 20___ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда		г.
(почтовый индекс)		(адрес)
дом	корп.	кв.
Кому		
(фамилия, инициалы)		тел.

ПОЛИТИЯ
Журнал политической философии и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А.Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В.Филимонов*

Перевод на английский язык резюме статей – *Д.Я.Балалаева*

Подписано в печать 25.05.2015. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Место печати».

119049, Москва, ул. Мытная, д. 23, кор. 3.